
ОГОНЁК
№ 51 ДЕКАБРЬ 1965
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ГЛАВНА

Прогулка по машинному залу Братской ГЭС займет немало времени: длина его более километра.

На гребне плотины уже мчатся электропоезда.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

43-й год издания

№ 51 (2008)

19 ДЕКАБРЯ 1965

...я улица

Дворец спорта. Грандиозность стройки и грация девушек.

ТРИ ЦИФРЫ ИЗ БИОГРАФИИ ГОДА

В 1966 году в Советском Союзе

до 560,5 миллиарда киловатт-часов возрастет производство электроэнергии;

на 18 процентов увеличится потребление электроэнергии в сельском хозяйстве;

124 миллионов киловатт достигнет установленная мощность всех электростанций страны.

Юрий РЫТОВ

Фото Геннадия КОПОСОВА.

Специальные корреспонденты «Огонька»

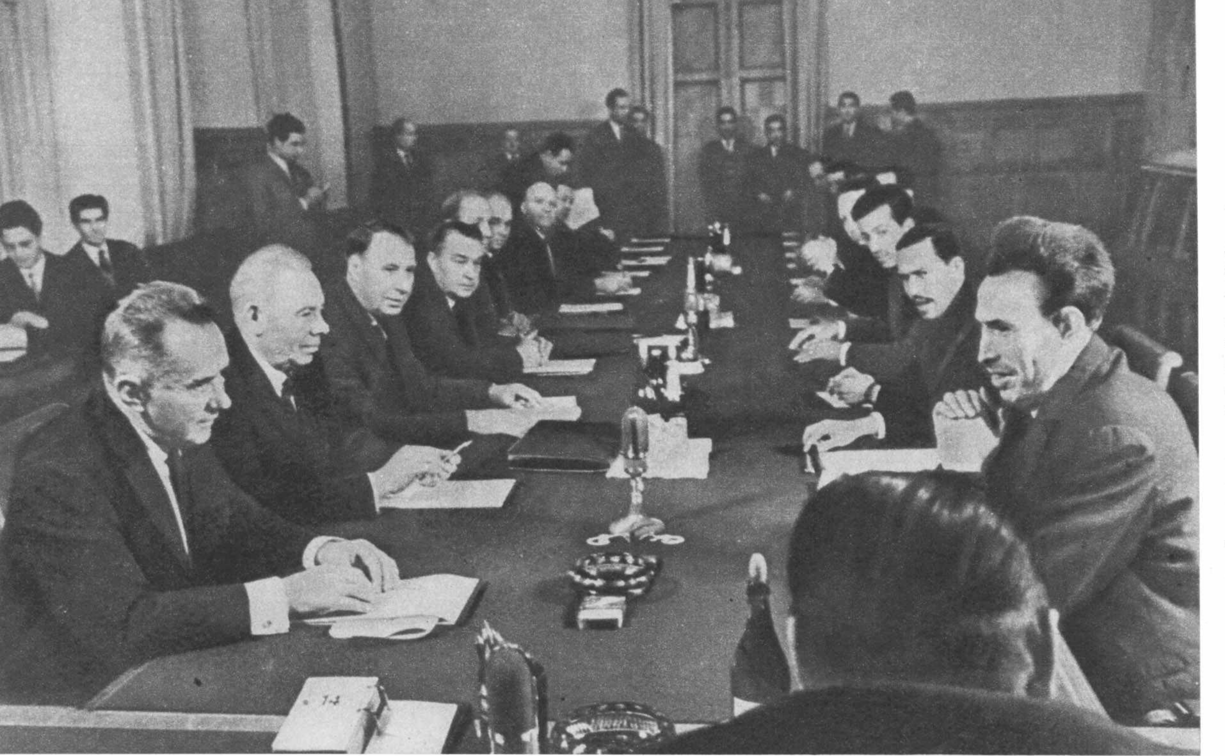
Главной улицей Братска считается проспект Мира. Внешне для главной улицы города он вполне подходит. Достаточно красив, достаточно современен, хотя, как и другие его собратья, не обошелся без типовых недостатков. Есть в городе другая улица, совсем непохожая на проспект Мира, но тем не менее титул «главная» к ней подходит, пожалуй, больше.

Странное впечатление производит она на приезжего человека. Стоят тут двухэтажные здания, похожие на бараки-времянки. Вечером редкие фонарные огни светят тускло, как коптилки. Не спеша пробираются между сугробов одинокие прохожие. Редко-редко проедет машина-грузовик с самодельным деревянным кузовом, приспособленным для перевозки людей. Девять лет назад такие грузовики в Братске иронически именовались «такси». Сейчас я уже не слышал этого иронического названия, может быть, потому, что в городе появились настоящие, со счетчиком, легковые такси «Волги». В сравнении с проспектом Мира эта улица крепко проигрывает. Но пусть инспекторы ГАИ измеряют значительность улиц шириной проезжей части. У жителей Братска другой критерий.

Это самая старая улица молодого города — улица Гидростроителей. Она ровесница Братска. За много месяцев до затопления первого приюта строителей — поселка Заверняйка и палаточного Зеленого городка — здесь разместился штаб стройки. Управление, отдел кадров, партком. Тут получили жилье гвардейцы стройки — первые из первых. Эта улица дала жизнь всем другим переулкам и проспектам Братска. Вот почему праздник — десятилетие нового города — пришел прежде всего на эту улицу.

Рассказывать о Братске очень трудно: столько уже рассказано, столько написано! И эпитеты — «уникальный», «великий», «неповторимый»,— в общем-то, достаточно справедливые, от длительного употребления настолько стерлись, что уже ничего не в состоянии передать. Трудно рассказывать о Братске и потому, что систематизированной его летописи пока не существует. Не до того было строителям! Наконец,

НОВОСТИ

По приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства 13 декабря в Москву с официальным визитом прибыл Председатель Революционного Совета и Председатель Совета Министров Алжирской Народной Демократической Республики Хуари Бумедьен. Хуари Бумедьен нанес в Кремле визиты Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорному и Председателю Совета Министров СССР А. Н. Косыгину.

14 декабря в Кремле состоялись переговоры советских руководителей с Хуари Бумедьеном.

На снимке: во время переговоров.

Фото А. Устинова.

М. А. ШОЛОХОВУ ВРУЧЕНА НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ

10 декабря в Стокгольме король Швеции Густав VI Адольф вручил Михаилу Александровичу Шолохову медаль и диплом лауреата Нобелевской премии по литературе. В тот же день в Золотом зале Ратуши состоялся традиционный Нобелевский банкет.

Перед началом банкета король Швеции Густав VI Адольф поздравил писателя с высокой наградой.

На снимке (слева направо): Михаил Шолохов, его супруга Мария Петровна, король Швеции Густав VI Адольф и посол СССР в Швеции Н. Д. Белохвостиков.

Фото Прессенс Бильд — АПН.

АНТАРКТИЧЕСКИЕ

Эти два тома — биография в картах. Первая в мире столь обстоятельная биография самого далекого и самого холодного материка земли — Антарктиды. Результаты исследований, проведенных учеными двенадцати стран и прежде всего Советского Союза, обобщены советскими учеными и нашли теперь полное и всестороннее отражение на картах впервые издаваемого атласа ледяного континента.

Атлас выходит из печати. Но интерес к этому уникальному изданию столь велик, что уже сейчас заказы на него идут из США и Великобритании, Чехословакии и Австралии...

Ученые многих стран отмечают крупное научное и международное значение атласа.

Конечно, не случайно, что именно в нашей стране предпринято подобное издание: начиная с экспедиции Ф. Беллинс-

трудность заключается и в том, что заезжему человеку увидеть весь Братск невозможно: настолько он огромен (если хотите, уникален, величествен, неповторим). Выход один — обратиться к «первоисточникам», встретиться со старожилами Братска. Много было у нас таких встреч. Особенно запомнились две.

...Говорят, строителя легко узнать по походке. Разумеется, не на кабинетных коврах, а на площадке, где еще перекопана земля, где еще не убрана проволока и обломки железа, где нужно шагать по узким дощечкам-мосткам и карабкаться по шатким стремянкам. Арон Маркович Гиндин, конечно, строитель. Он шел легко, не глядя под ноги, и хотя ему уже перевалило за шестьдесят, я едва поспевал за ним.

Мы остановились на площадке огромного крана. Справа — шероховатый бетонный утес плотины Братской ГЭС. Внизу — Ангара, подернутая легкой, клубящейся дымкой тумана. Слева — подстанция. Еще левее — линии электропередач. Провода отсюда не видны, а тонкие серебристые опоры кажутся расставленными беспорядочно и весело, как деревья в лесу.

На станции я уже успел побывать чуть раньше. Визит гостей сюда так же традиционен, как традиционен был в свое время визит к мысу Пурсей и знаменитой «одинокой сосне», несчетное число раз запечатленной фотокорреспондентами. Теперь гостям показывают машинный зал, пульты управления, а наиболее любознательных ведут вниз, туда, где находятся кожухи генераторов и насосные. Здесь, на Братской ГЭС, любой смертный может без особого труда опуститься на дно морское или вознестись под облака. Спустившись в насосную, мы оказались почти на дне — метров на шесть ниже горизонта нижнего бьефа. А поднявшись наверх, на гребень плотины (высота ее больше ста метров), очутились под облаками.

В тот же день нам, как и другим гостям, вручили несколько папиросных листков бумаги с отпечатанным под копирку машинописным текстом. Назывался этот документ так: «Тезисы лекции по основным сооружениям Братской ГЭС». Эти «тезисы» являли собою огромное количество цифр, сухих и, как говорится, красноречивых. Общий объем уложенного бетона — 4,9 миллиона кубических метров. Общий объем земельно-скальных работ — 15 миллионов кубических метров...

Должен признаться, в тот день эти миллионы не произвели особого впечатления. Что делать, мы уже привыкли к астрономическим цифрам.

И только теперь, на площадке крана, когда перед глазами оказалась вся панорама стройки, разрозненные ранее впечатления, рассказы, цифры слились во что-то единое, громадное, ошеломляющее.

Я встречался со многими руководителями заводов и строек, занимавшими высокую должность главного инженера. Были среди них и такие, которые в этом словосочетании — «главный инженер» — особо ценили первое слагаемое: главный. О Гиндине нам говорили, что, очень уважая свою должность главного инженера, он выделяет в ее названии второе слово — «инженер». Разумеется, это не значит, что Гиндину претит роль главного и он стесняется употреблять власть. Отнюдь нет! Свою власть Гиндин использовал, как говорили старожилы Братска, на всю катушку (один сказал даже: «На 101 процент»). И все же он считал себя ответственным за все инженерные проблемы. А проблем возникало очень много.

Он приехал сюда десять лет назад. Не было улицы Строи-

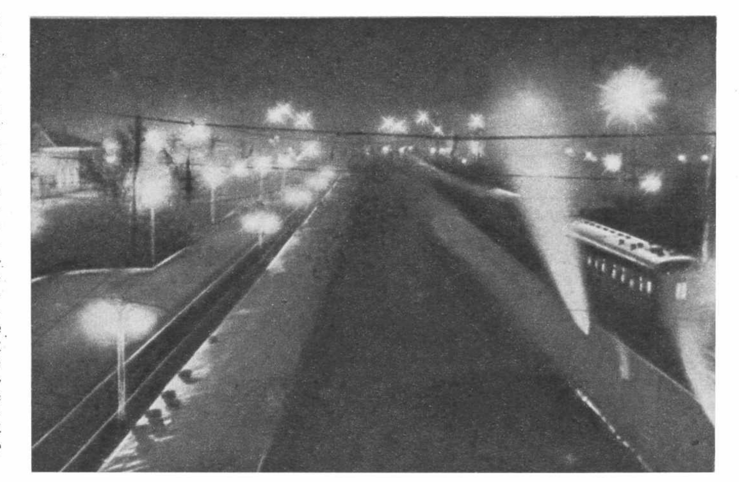

Ангара у плотины не покрывается льдом даже в самый сильный мороз.

• ИНФОРМАЦИЯ • РЕПОРТАЖ

В прошлое воскресенье в семи союзных республиках закончились выборы народных судей. Сегодня, 19 декабря, проводятся выборы в РСФСР, Казахстане, Грузии, Армении, Литве, Эстонии, Узбекистане и Таджикистане.

Трудящиеся отдадут голоса за своих кандидатов, выдвинутых на посты вершителей советского правосудия. Многие из них уже ранее работали судьями. Они имеют большой опыт и успели завоевать признание своих избирателей. Их ценят и уважают. Многие кандидаты баллотируются впервые. У них все еще впереди, но трудящиеся уверены, что будущие судьи оправдают их доверие.

На трассе Абакан—Тайшет.

КИЛОМЕТРЫ ПОДВИГА

Сначала здесь были изыскатели. Их имена известны: Александр Кошурников, Алексей Журавлев, Константин Стофато. Они погибли на этой трассе. Потом сюда пришли другие хозяева — строители. А сейчас — эксплуатационники.

Дорога Абакан—Тайшет вступила в строй. Первые электровозы открыли линию Кошурникова, Журавлева, Стофато. Это современная линия: автоматика, телемеханика, автоматическая диспетчерская связь.

По 647 трудным километрам прошли через тайгу герои-изыскатели. Теперь здесь пойдут поезда. Путь открыт. Эта дорога стала главным делом жизни многих. Например, Валерия Димова. Он окончил железнодорожный техникум в Улан-Удэ, монтировал электрооборудование тяговой подстанции, а сейчас — начальник той же самой подстанции.

Р. ЮРОВ

ПРЕМЬЕРЫ

Члены редколлегии атласа Е. Толстиков и В. Бугаев рассматривают карты, только что полученные из типографии.

Фото А. Бочинина.

гаузена, русскими учеными внесен наиболее значительный вклад в раскрытие тайн шестого континента. Тысячи пройденных и изученных снежных километров предшествовали появлению пятисот «антарктических премьер» — пятисот новых, ранее неведомых названий, нанесенных на карты атласа! Пятьсот крупных географических открытий, пятьсот стертых белых пятен...

Кстати, о названиях. Добрая традиция Антарктиды — деловое содружество специалистов различных стран — нашла свое отражение и на картах атласа. Американские полярники в честь работавших на станции США советских синоптиков Астапенко и Расторгуева назвали их именами два ледника на Земле Виктории. Бельгийцы присвоили возвышенности близ станции «Король Бодуэн» имя советского летчика В. Перова. А теперь в школьные учебники, в повести и рассказы, в кинофильмы шагнут с листов атласа новые названия — море Рисер-Ларсена, долина Международного геофизического года, горы Голицына, Восточная равнина. Да, новый атлас навеки сохранит сотни новых названий: и неведомые раньше Русские Горы, что найдены на Земле Королевы Мод, и расположенное на высоте около 4 тысяч метров плато Советское, и спрятанную подо льдом равнину Шмидта.

Карты атласа — труд большого коллектива ученых. В составлении этого уникального издания принимали участие сотрудники многих академических институтов, Главного управления гидрометеослужбы, Министерства морского флота СССР и многих других коллективов.

Среди карт — общегеографические, океанологические, климатические, гляциологические, а также геологические. Наступит время — и недра Антарктиды отдадут хранимые здесь запасы полезных руд и минералов.

И если в картах атласа много новых открытий, то само по себе это издание — еще одно очень важное, очень нужное открытие. Атлас поможет исследователям расшифровать и другие загадки Антарктиды. Будет этому способствовать и второй том, содержащий статьи по самым различным темам, связанным с природой континента, историей его открытия и научного освоения.

К. КИРЛОВ

ПУТЕШЕСТВИЕ ОСЕТРА

Этот осетр из Батуми отправляется в Берлин, в Музей естествознания имени Гумбольдта. Там узнали, что давно исчезнувший, а некогда очень распространенный в северном полушарии атлантический осетр обнаружен в Черном море, в устье реки Риони. Теперь здесь обитает единственное в мире стадо атлантического осетра. Сотрудники Грузинской рыбохозяйственной станции в Батуми охраняют его и не только делятся с учеными мира редкими экземплярами, но и готовятся расселить осетра в другие моря, там, где он раньше обитал.

И. МЕСХИ, собкор «Огонька»

Фото Ник. Анастасьева.

Батуми.

телей, не было поселка Постоянного. Была Заверняйка. Там, в землянке, разместился первый штаб стройки. И всего-то было два начальника — Иван Иванович Наймушин и Арон Маркович Гиндин, одна землянка, один бульдозер, один грузовик... И была ясность: дело нужно начинать по-новому. На соседей надеяться нельзя: они далеко. Нужно рассчитывать только на себя. На собственную промышленную базу.

Кроме землянки, бульдозера и грузовика, Наймушин и Гиндин получили еще государственное задание. Сроки были очень жесткие. Особенно для суровых условий Сибири. Дорога каждая минута. Создали для производственных предприятий типовой проект. И начали собирать их из металлических каркасов, обшитых теплыми щитами. И только за один год получили 50 тысяч квадратных метров производственной площади. Это было уже солидно.

И так на каждом этапе работ, на каждом участке стройки. Победа одерживалась не просто количеством машин, обилием техники, а выдумкой, инженерной изобретательностью.

Гиндин вспоминает, какой трудной и мучительной была борьба с разогревом плотины. Как известно, цемент при твердении выделяет тепло. Чтобы огромный бетонный массив охладился сам по себе, понадобилось бы семь лет. Удалось подобрать удачную рецептуру бетона, дающую самую низкую температуру. Кроме того, в блоки заделывали трубы наподобие радиаторов и прокачивали через них холодную ангарскую воду.

А сколько возникало «попутных» проблем, далеких от строительных дел!

Жителей Братска мучила мошка. В начале лета тучи крохотных назойливых кровопийц обрушивались на людей. Накомарники — плохая защита. Появились в поселках машины специальной службы — разбрызгивали аэрозоли. Машины вызывали лишь улыбку: шоферы на них ездили в накомарниках.

Строители поставили дело на широкую ногу. Пригласили специалистов из Москвы. И только тогда удалось обнаружить места, где развиваются личинки: в воде, там, где много кислорода. Стали травить личинок, так сказать, в колыбели. Мошка исчезла.

— Да, десять лет стройки дали не только Братскую ГЭС, — говорит Арон Маркович Гиндин. — Изменился пейзаж, изменился климат, улучшились условия жизни людей...

Вторая встреча, о которой хочется рассказать, — с другим ветераном Братска, бригадиром бетонщиков Владимиром Ревтовым. Он тоже десять лет назад приехал в Братск. Работал в котловане. Учился на курсах, стал бригадиром. В бригаде 120 человек. Проблем — еще больше. Бывало и так, что не ладилось у ребят с заработком: расценки не предусмотрели всех особенностей труда в котловане. Кое-кто ушел. Зато остались крепкие, надежные люди. Требовали друг от друга настоящей работы. А тех, кто ленился, решили наказывать материально. Совет бригады устанавливал так называемый коэффициент участия. Общую бригадную выручку не делили поровну. Одних штрафовали, другим давали премии...

— Сейчас мне стало скучновато тут, — говорит Ревтов. — Доделки, не тот размах. Хочу податься в Усть-Илим или еще куда-нибудь.

Владимиру Ревтову и его товарищам не надо далеко ехать, чтобы найти работу повеселей. К пятидесятилетию Октября строители «Братскгэсстроя» намерены полностью закончить сооружение горно-обогатительного комбината в Коршунихе, ввести в эксплуатацию все запроектированные корпуса лесопромышленного комплекса, пять корпусов алюминиевого завода. А началось все десять лет назад с первого колышка, с первой землянки, с первой улицы.

У работников ГЭС учатся турбинисты с Асуанской плотины. Слесарь Евгений Тишкин с арабскими друзьями Абделлем Муэмином Мухамедом и Мухамедом Ахмедом Мухамедом.

НА СТАРТЕ—ПЯТИЛЕТКА!

Считанные дни остались до 1966 года, первого года новой пятилетки. Заглянем в нее, поинтересуемся, что сулит она нашим людям, какие новинки готовят те отрасли промышленности, которые призваны заботиться о быте, питании, одежде, удобствах советского человека.

НА ВСЕ ВКУСЫ...

— Наши планы? Ну что ж, пожалуйста.

И. А. Гусаков, начальник Главного управления кондитерской промышленности Министерства пищевой промышленности СССР, начал свой рассказ:

— Без цифр, как вы понимаете, не обойтись. В новой пятилетке намечается значительное увеличение производства. В 1970 году будет выпущено около 3 миллионов тонн разнообразных кондитерских изделий — на 670 тысяч тонн больше, чем в нынешнем году. В наступающем году кондитерские фабрики страны увеличат выпуск пастилы, зефира, мармелада, разных сортов вафель. Намного возрастет производство тортов и восточных сластей.

Несколько слов о новинках. Их будет много. Вот некоторые. Фабрика «Рот-Фронт» порадует покупателей новыми пятислойными вафлями с начинкой, содержащей сухое молоко и кокосовое масло. Для тучных людей фабрика «Большевик» начнет выпускать крекер «Любительский». В нем не будет жиров. Интересна продукция нальчикской фабрики — мармелад «Изабелла» с виноградным соком. Ленинградских сластен тоже ожидает сюрприз — новые торты «Олимпийский» и «Карельский», прослоенный сливочным кремом и клюквенным вареньем.

Из министерства едем на Московскую кондитерскую фабрику имени Марата. Первое «угощение» — письма, десятки писем. И почти в каждом просьба — вышлите «Холодок».

«Я пастух,— пишет Н. П. из Свердловской области.— Часто страдаю насморком и гриппом. Как-то раз меня угостили таблетками «Холодок». Стало легче дышать. Очень прошу, вышлите таблетки. Прилагаю три рубля».

«Некоторые жители нашего поселка,— пишет А. А. Оганесян из Армении,— пользуются таблетками «Холодок» при болезнях сердца. Очень прошу выслать наложенным платежом 2 кг мятных таблеток».

— Это недоразумение, или действительно «Холодок» — лекарство? — спрашиваем мы директора фабрики Софью Николаевну Подчуфарову.

— В состав мятного масла входит ментол,— отвечает она.— А ментол, как известно, содержится в лекарствах для сердечников. Выпуск «Холодка» в новом году фабрика удвоит. Учитывая пожелания покупателей, специально выпустим таблетки «Южные» — для тех, кто не любит мяты. Они будут содержать лимонное и апельсиновое масло, а также аскорбиновую кислоту. Еще одна новинка — драже с хрустящей корочкой, «Юность» и «Бодрость». Вот они, попробуйте.

Мы попробовали. Действительно хрустит. Нам даже показалось, что мы стали немножко бодрее и немного моложе.

М. ЦЕБОЕВ

«Натюрморт» с фабрики имени Марата.

РУБЕЖИ РЫБНОЙ ИНДУСТРИИ

А. ИШКОВ,
министр рыбного хозяйства СССР, рассказывает корреспонденту «Огонька»

— Александр Акимович, как коротко определить задачи работников рыбного хозяйства в новой пятилетке?

— Задача остается прежней — полнее удовлетворять потребности нашего народа в рыбе и рыбных продуктах. Изменяются лишь цифры, плановые задания. К 1970 году предусматривается довести вылов рыбы, добычу китов, морского зверя и весьма питательных морских продуктов до восьми с половиной миллионов тонн в год.

Производство пищевой товарной рыбной продукции предполагается довести к 1970 году до 4 230 тысяч тонн, а это в полтора раза больше, нежели по плану 1965 года.

К 1970 году значительно увеличится выпуск свежемороженой рыбы и слабосоленых деликатесов из дальневосточной лососины. Расширится ассортимент деликатесных балычных, копченых и кулинарных изделий из многих океанских рыб.

В последний год пятилетки копченых рыботоваров и балычных изделий станет выпускаться в полтора раза больше, чем в нынешнем.

До 600 наименований будет расширен и ассортимент рыбных консервов, в том числе с различными овощными гарнирами. Прибавьте к этому консервы из ракообразных моллюсков, водорослей. Эти консервированные продукты богаты белками, витаминами, крайне необходимыми в рационе диетического питания.

— Вероятно, всему этому должно предшествовать решение ряда технических проблем?

— Конечно. В ближайшем будущем наш рыбопромысловый флот пополнится новыми большими морозильными траулерами и малыми рыболовецкими судами.

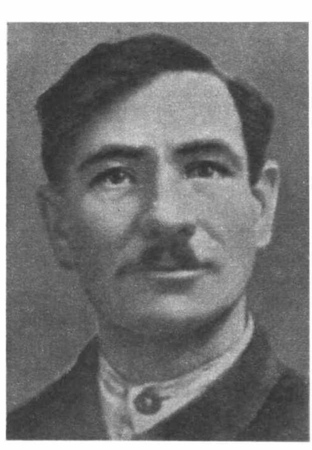
В эти же годы на промысел выйдет рыбодобывающая база «Восток». Ничего подобного еще нет ни у кого. «Восток» сможет нести на себе около десяти небольших,

Н. П. Шмит в тюрьме.

Командир боевых дружин З. Я. Литвин-Седой.

Г. Н. Розанов.

К 60-ЛЕТИЮ ДЕКАБРЬСКОГО ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ В МОСКВЕ

КРЕПОСТЬ

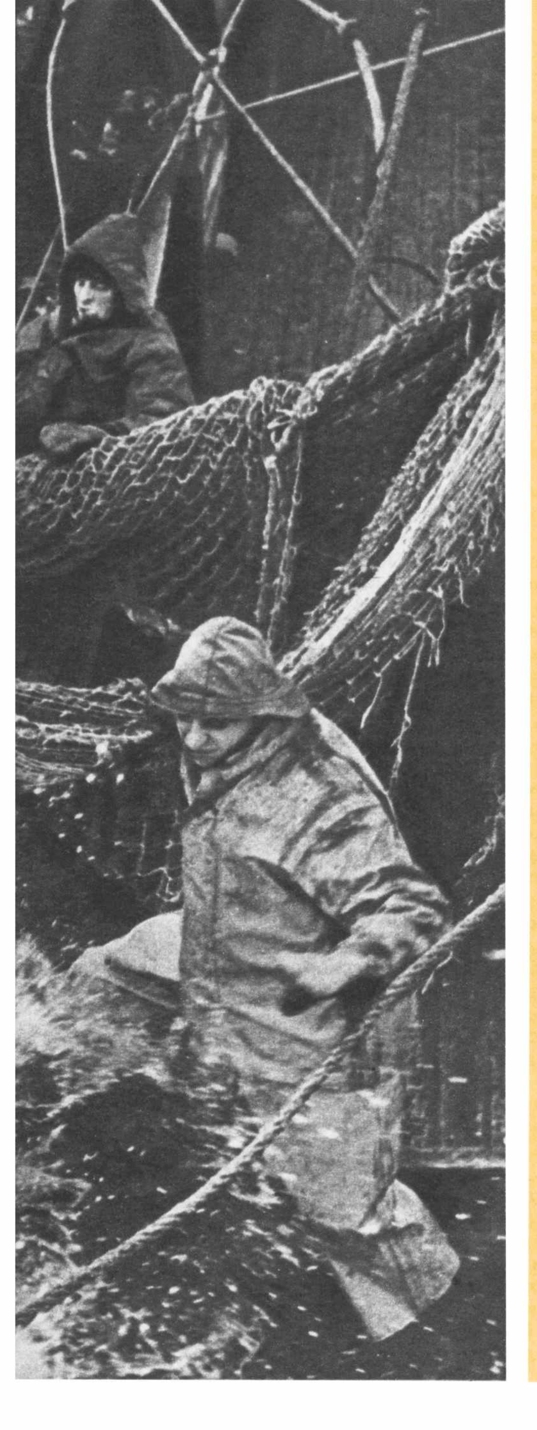
На тихой московской улице, неподалеку от площади Восстания, находится старинный особняк — историко-революционный музей «Красная Пресня». Здесь собраны материалы и документы, рассказывающие о событиях первой русской революции, о Декабрьском вооруженном восстании 1905 года.

...Под стеклянным колпаком гудок, возвестивший о начале восстания. А рядом портрет человека, который подал сигнал,— рабочего Брестских железнодорожных мастерских Г. Н. Розанова.

Выцветший экземпляр газеты «Пролетарий» — со статьей В. И. Ленина «Уроки московского восстания» — воскрешает подвиг двух девушек с Пресни: ткачихи Марии Козыревой и студентки Анюты Пчелки.

10 декабря демонстрация рабочих направилась к центру Москвы. Во главе ее шли две девушки с Пресни, выбранные знаменосцами на общем собрании рабочих и работниц Прохоровской мануфактуры. Они несли знамя с призывом «Солдаты, не стреляйте в нас!». Около Кудринской площади навстречу демонстрантам выскочили казаки. Послышался приказ офицера приготовить ружья. И в этот момент Мария Козырева и Анюта Пчелка кинулись навстречу казакам: «Убейте нас! Живыми мы знамя не отдадим». Казаки повернули лошадей и ускакали.

Две фотографии: мебельная фабрика Шмита — «чертово гнездо», как прозвала ее царская полиция, и портрет владельца этой фабрики 23-летнего революционера Николая Павловича Шмита. Наследник крупного капиталиста, «поставщика двора его величества», Николай Шмит, еще будучи студентом Московского университета, вступил в большевистскую партию. На своей фабрике он создал боевую рабочую дружину, прекрасно вооруженную, дисциплинированную. В дни разгрома восстания царские войска направили свой главный удар против фабрики Шмита, поч-

Более 1 миллиарда штук бельевого и верхнего трикотажа, 510 миллионов пар обуви, около 7 900 миллионов квадратных метров тканей предусматривается выпустить в 1966 году. Намечено освоить производство новых видов шерстяных тканей с применением фасонной пряжи для пальто, костюмов и платьев, искусственной кожи на пористых полимерах для обуви.

•

Что нового появится в меню юных граждан? Лактон, релактон, казэоль — диетические продукты, молочные смеси, обогащенные минеральными солями, растворимыми белками и жирами, молочным сахаром. В 1970 году по сравнению с 1964-м малыши получат в пять раз больше быстрорастворимого сухого молока, в шесть раз больше сухих сливок.

Сейчас осваивается производство молока с добавками витаминов группы В и С.

•

В будущем году количество магазинов в городах страны увеличится на 12 тысяч.

но мощных рыболовных траулеров, которые спустятся на воду в районе промысла, и вся их работа будет координироваться с диспетчерского пульта базы.

На промысел выйдут новые плавучие рыбоперерабатывающие «комбинаты», консервные заводы, производственные и транспортные рефрижераторы.

На снимке: на промысле в арктических широтах. Рыбаки траулера «Калинин» ведут лов в Норвежском море.

Фото Ю. Кривоносова.

СВОБОДЫ

ти дотла уничтожили ее. Сам владелец был арестован. В тюрьме Шмит подвергся жестоким пыткам. В его предсмертном письме такие строки: «Я чувствую, что минуты мои сочтены... Мне представляется, что хотят покончить со мной, торопятся и избегают огласки. Прощаюсь я с вами и с жизнью навсегда». Царские палачи зверски умертвили Николая Шмита, а потом представили его смерть как самоубийство. Все свое состояние Шмит завещал большевистской партии...

Еще один портрет: умное, тонкое лицо — это З. Я. Литвин-Седой, командир штаба боевых рабочих дружин Пресни. А ниже текст его последнего приказа — приказа, после которого вооруженное восстание в Москве закончилось: «Товарищи дружинники, мы, рабочий класс порабощенной России, объявили войну царскому капиталу, помещикам и их прихвостням... Пресня осталась. Ей одной выпало на долю стоять лицом к врагу. Вся она покрыта баррикадами и минирована фугасами. Это единственный уголок на всем земном шаре, где царствует рабочий класс, где звонко и свободно рождаются под красным знаменем песни труда и свободы. Пресня — крепость...

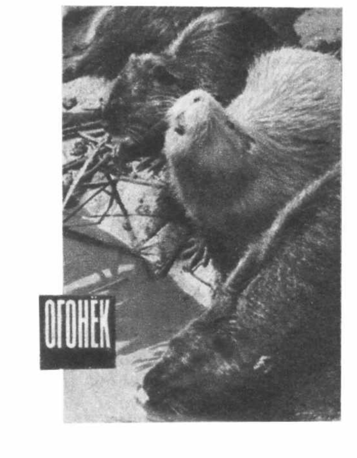
Враг боится Пресни. Но он нас ненавидит, окружает, поджигает, хочет раздавить...

В субботу ночью разобрать баррикады и всем разойтись далеко. Враг нам не простит его позора. Кровь, насилие и смерть будут следовать по пятам нашим. Но это ничего. Будущее за рабочим классом. Поколение за поколением во всех странах на опыте Пресни будут учиться упорству...

Нам смерть не страшна, и если враг помешает нашему плану, нашей воле, то дорого ему обойдется наше отступление. Мы непобедимы! Да здравствует борьба и победа рабочих!»

Л. КАФАНОВА

НЕОЖИДАННОСТЬ ИЗ «МАДОНЫ»

На окраине ВДНХ, на щите павильона, выгибает спину черный соболь. Открываешь дверь, и тайга словно дышит в лицо. Будто запорошенные снегом, в клетках расхаживают степенные крупноголовые серебристо-черные лисы. Песцы показывают густую голубую подпушь. Идет смотр пушных зверей. Двести экземпляров зверьков доставили сюда из лучших хозяйств страны.

В узких клетках есть звери, которых не встретишь в природе: цветные норки. Их создал человек... Маленькое голубое чудо, свернувшись калачиком, безмятежно спит, не подозревая о бессонных ночах селекционеров. В клетках пестро от нежных красок. Мерцает мех розовых, сиреневых, лазоревых оттенков. Здесь норки «топаз», «сапфир», «жемчуг». Вот белые зверьки, а там, подальше, норка темно-серая, как хмурое осеннее небо.

Посредине павильона, в клетках, кружатся мрачноватым хороводом черные грациозные соболи. Среди них — победитель, чемпион смотра.

Крик соболя похож на визг автомобильных тормозов. Это — предчувствие опасности, хотя охотник и не ставил капкана, не метился в глаз этим соболям — звери родились в подмосковном Пушкинском зверосовхозе.

— Порода русского соболя, черного, крупного, с отличным мехом, создана у нас в хозяйстве,— рассказывает главный зоотехник Пушкинского зверосовхоза Б. А. Куличков.— Наше стадо соболей самое крупное в стране. На смотре мы взяли 13 аттестатов за соболей и норок. Дикого соболя, наверное, зависть грызет,— улыбается Борис Артемович.— На воле-то кормежка не та... На внешнем рынке отборная шкурка клеточного соболя ценится в десять раз дороже шкурки дикого. Это стоимость малолитражного автомобиля. Недавно наш соболь взял в Лейпциге большую золотую медаль. Наука соболям на пользу...

В павильоне много народу. Это не случайные посетители, спрятавшиеся в холодный день под крышу. Двести пятьдесят звероводов из Прибалтики, Татарии, Подмосковья, с Алтая и Украины приехали на смотр. Чтобы пощупать работу друг друга буквально и фигурально. Проверить курс племенной работы, узнать, какова нынче мода, каков спрос. Зверовод, как известно, и ученый и «купец». Недаром Б. А. Куличков сказал: «Можно вывести и то, что не нужно... Это потерянный труд».

У клеток с цветными норками идут разговоры:

— Моду диктует внешний рынок. Сегодня норка, завтра лиса...

— Зверь интересный, а перспектива какая?

Знакомлюсь с латышскими звероводами из племенного совхоза «Мадона». По рентабельности это хозяйство заняло первое место в Союзе. Главный зоотехник «Мадоны» заслуженный зоотехник Латвийской ССР Мария Филипповна Атлас увозит со смотра пять дипломов.

— Это венец десятилетних усилий,— говорит Мария Филипповна.— Но я расскажу о другом. О неожиданном...

В клетке прыгает «неожиданность» из «Мадоны». Очень светлая норка — бежевой группы — с брусничными, а не черными глазами. Получила диплом за оригинальную окраску. Она еще не имеет названия.

— Это пока только начало,— объясняет Атлас.— В результате скрещивания получили ни на кого не похожую норку высокой плодовитости. Это ценный зверь. Будем продолжать опытное скрещивание.

Человек с кинокамерой стоит у клеток. Это директор Багратионовского зверосовхоза, Калининградской области, В. В. Померанцев. «Хозяин» самой черной, самой крупной, высококачественной норки в Союзе. На смотре совхоз завоевал девять дипломов.

Директор рассказывает:

— Небольшой экономический этюд «Как вести хозяйство». Как отходы от мясной, молочной, рыбной промышленности превращать в золото? Можно выводить много дешевых в валютном отношении зверей. Но мы стоим за дорогой товар. В зверосовхозе нельзя на кормах экономить. Экономить надо на другом. Нужно автоматизировать процессы, повышать производительность труда. У нас на фермах разделение труда. И работница обслуживает не 125, как принято, а 200 зверьков. Сейчас заканчиваем новую звероферму, по последнему слову техники. Сами сортируем шкурки на экспорт, посылаем лоты сразу на аукцион. Мы фирма. Бьемся не только за лучшую пушнину, но и за лучшие формы экономических решений.

Н. САРАФАНОВА

На ВДНХ П. М. Неропков получил диплом 1-й степени за серебристую лису.

Фото А. Гостева.

ГЕРОИ ЮЖНОГО ВЬЕТНАМА

Мадлен РИФФО,
французская журналистка

«ЕСЛИ ЛЮДЕЙ ЗАСТАВЛЯЮТ СЛИШКОМ СИЛЬНО СТРАДАТЬ...»

Труд репортера отчасти похож на труд золотоискателя. Сколько камней приходится переворошить, пока отыщется самородок, который один вознаградит за все опасности долгого пути! Я хочу сказать, что обычно приходится расспрашивать уйму людей, прежде чем удастся встретить человека, который, рассказав лишь о том, что он сам пережил, сумеет дать вам ключ к пониманию событий. Но в Южном Вьетнаме таких трудностей не было.

Вот хотя бы старый крестьянин с жидкой седой бородкой, в латанной-перелатанной черной одежде, с которым мы встретились в конце того единственного дня, когда мы не записали ни одного рассказа. У порога своего дома он напоил нас соком кокосового ореха и рассказал под шорох банановых листьев:

«Враги вовсе не так сильны, как кажется. Чтобы их победить, достаточно хорошенько поразмыслить и запастись терпением... В 1959 году у меня было много свободного времени: дочь была в тюрьме, зять — в Северной Армии. Землю, которую я получил во времена первого Сопротивления, у меня отняли.

Солдаты соседнего военного поста грабили и притесняли крестьян нашей деревни. Нам было нечем защищаться. Сидя у своего порога, я изучал привычки марионеточных солдат. Я заметил, что на территории поста они снимали сапоги и разгуливали босиком. И вот однажды я взял фасоль и замочил ее в воде. Когда фасоль хорошенько разбухла и стала совсем мягкой, я натыкал в нее швейных иголок. Из каждой фасолины получилось нечто вроде ежа, у которого колючки торчат во все стороны. Потом я дал этой фасоли затвердеть, высушив ее на солнце.

При первом же удобном случае, якобы желая задобрить офицера, я понес ему фрукты и... посеял свою фасоль во дворе поста.

На следующий день среди врагов оказалось немало хромых.

Вскоре я повторил операцию. И вот через несколько дней треть вражеских солдат была отправлена в госпиталь.

Я сообщил об этом партизанскому отряду, который был тогда совсем невелик и плохо вооружен. Партизаны внезапно напали на обезлюдевший пост. И это была, по-моему, их первая победа. С трофейными автоматами, которых с каждым сражением становилось все больше и больше, они в конце концов отбили у американцев даже тяжелые орудия».

И старик закончил свой рассказ так:

«Если людей заставляют слишком сильно страдать, они, как видите, всегда найдут способы борьбы».

Выбрав Южный Вьетнам в качестве пробного камня в неоколониальной войне «особого типа», Пентагон допустил серьезную ошибку. Он недооценил силу и стойкость вьетнамского народа.

МОЙ СЫН МУОЙ ХАЙ

В Армии освобождения со мной случилось нечто совершенно небывалое: я усыновила юношу. То есть, вернее, Муой Хай, предпоследний ребенок в семье, где было одиннадцать детей, выбрал меня в приемные матери.

Хай — помощник командира роты Б первого батальона нашего полка. В восемнадцать лет он был уже ветераном партизанской войны. Рассказывая нам историю своей жизни, он, как и все солдаты-крестьяне, прежде всего заговорил о земле.

«Я родился в провинции Тхань-Хоа. Во времена первого Сопротивления моя семья, которая была одной из самых бедных в деревне, получила надел земли; но после нарушения Женевских соглашений все рисовые поля в районе отобрал крупный помещик, приближенный Нго Динь Дьема. Мы стали еще беднее, чем прежде. Только после 1962 года, когда наши края были освобождены, земля была возвращена тем, кто ее обрабатывает.

Национальный фронт освобождения роздал ее нам. Но мой отец не дожил до этого. В 1957 году его арестовали прямо в поле как возможного соучастника Вьетконга, снабжающего партизан продуктами. Я был тогда ребенком и видел, как его увозили. Я знаю, что мой отец никогда не участвовал в движении Сопротивления. И все-таки его арестовали и потом, в апреле 1963 года, расстреляли.

В 1960 году, шестнадцати лет, я ушел в Армию освобождения, потому что достаточно насмотрелся на кровь, льющуюся рекой в деревне, на облавы и прочесывания. За год перед тем убили моего старшего брата. Я должен отомстить и за моего младшего брата, убитого в 1963 году».

Окончив курсы помощников командиров взводов, Хай участвовал в нападении на вражеский пост. Вот что он рассказывает об этом: «Мы тайком пробрались в «стратегическую деревню», но едва началась атака, как враги подняли тревогу. Наша первая группа была уничтожена, прежде чем ей удалось взорвать все мины. Настал наш черед идти в атаку.

Как только мы поднялись, я был ранен в ногу, но продолжал идти вперед. Во время общей атаки товарищам удалось захватить несколько блокгаузов. Но около того блокгауза, который должны были занять мы, я был снова ранен. В моем взводе уже были убитые.

Нужно было действовать быстро, я истекал кровью. Я ворвался в блокгауз. Но вражеский солдат в упор выстрелил в меня. Потом выяснилось, что он прострелил мне голову, но пуля прошла, не задев важные центры, потому что я, как видите, жив и по сей день! Но тогда я потерял сознание. Потом я узнал, что благодаря поддержке нашей артиллерии моим товарищам удалось отойти. В пылу ночного сражения никто из них не видел, как я проник в блокгауз, где марионеточные солдаты бросили меня, посчитав убитым.

Когда я пришел в себя перед рассветом, то услышал, как кружат самолеты над блокгаузом, где я лежал пластом, очень ослабев от большой потери крови. Я понял, что наши отошли. Слышались только редкие отдаленные выстрелы. При свете ракет я пополз. Заметив невдалеке жилой дом «стратегической деревни», я напряг все силы, чтобы добраться до него. Через каждые два метра я отдыхал, мне понадобилось два часа, чтобы проползти сотню метров, отделявшую пост от дома.

Мне удалось проникнуть в дом, расширив дыру в бамбуковой перегородке. Там я упал.

Меня заметили старик и мальчик. Они очень испугались, увидев, что я весь в крови. Они знали: если меня найдут в доме, их расстреляют. Сначала они умоляли меня уйти, но, убедившись в том, что я очень ослаб, не стали настаивать, дали напиться, уложили в постель, а потом ушли.

Они могли вызвать вражеских солдат. Но привели друга. Это была девушка, которая, плача, склонилась надо мной.

— Мы отправим вас в освобожденную деревню,— сказала она.— Пока мы живы, будете жить и вы.

Перевозка длилась два дня. С самого начала пути я был в бреду и никого больше не узнавал. Попав в госпиталь Фронта освобождения, я даже не мог выпить глотка воды. Мне говорили потом, что много недель моя жизнь

висела на волоске. Но это уже старая история...»

Год назад Хай вернулся в строй и снова участвовал в сражениях.

На той неделе из перехваченных радиосообщений американцев штабу нашего полка стало известно, что готовятся усиленные бомбежки того района джунглей, где мы скрывались. Командование решило ничего не менять в программе занятий полка. Солдаты, как всегда, соорудили сложную сеть бомбоубежищ и подземных ходов. Желая сохранить в абсолютной тайне подготовку к предстоящему крупному сражению, штаб запретил стрелять по самолетам, чтобы не выдать врагам присутствия полка, снабженного тяжелыми орудиями.

И вот при каждой воздушной тревоге Хай бросался ко мне, чтобы показать ближайшее укрытие, а потом заслонял вход своим телом, оберегая меня от случайных осколков. Мы почти ничего не могли сказать друг другу, потому что мой запас вьетнамских слов был очень скуден.

Вот почему я сначала приняла за шутку слова Ла Хонг Нго. Когда все солдаты собрались вокруг чашек с рисом и вяленой рыбой, он сказал мне:

— Я должен вам кое-что сказать: Муой Хай спрашивает, не согласитесь ли вы стать его приемной матерью?

Нет, это было вполне серьезно. Во время войны в каждой деревне именно так зарождаются взаимные привязанности между матерями, у которых враги убили детей, и юными бойцами, в течение многих лет разлученными со своими семьями. Есть женщины, которые усыновили по десять, одиннадцать солдат.

Но Хай, как я поняла позже, решил стать моим сыном не столько для того, чтобы самому насладиться теплом моей привязанности, сколько для того, чтобы окружить меня трогательной заботой и нежностью. Он, так мало говоривший и казавшийся всегда поглощенным своей внутренней жизнью, подумал о том, что я оказалась очень далеко от своей родины, от своей семьи. Следовательно, долг гостеприимства, логика братства требовали, чтобы я обрела новую семью.

Я согласилась усыновить его, к великой радости всех солдат. С тех пор я получила право на все знаки внимания, оказываемые родителям. Поскольку Хай раньше всегда готовил бетель[1] для своей матери, теперь он свертывал для меня сигареты из табака, посаженного и собранного солдатами полка. И он подносил мне кружку чая, держа ее обеими руками. Каждый вечер, подвешивая мой гамак, Муой Хай желал мне спокойной ночи, как привык делать это дома. Командир роты мягко упрекнул меня в том, что мне не пришла в голову мысль первой поцеловать своего нового сына.

— Наши ребята страшны в бою, но все они чисты и привязчивы, как дети. Вы принесли им конкретное доказательство международного сочувствия нашей борьбе. Они запомнят каждый ваш жест, каждое слово.

При бомбежках, во время вынужденного бездействия в глубине убежищ, мы с австралийским журналистом Бэрчеттом рассказывали «нашим ребятам» о том мире, который мы видели. Хай был ненасытен.

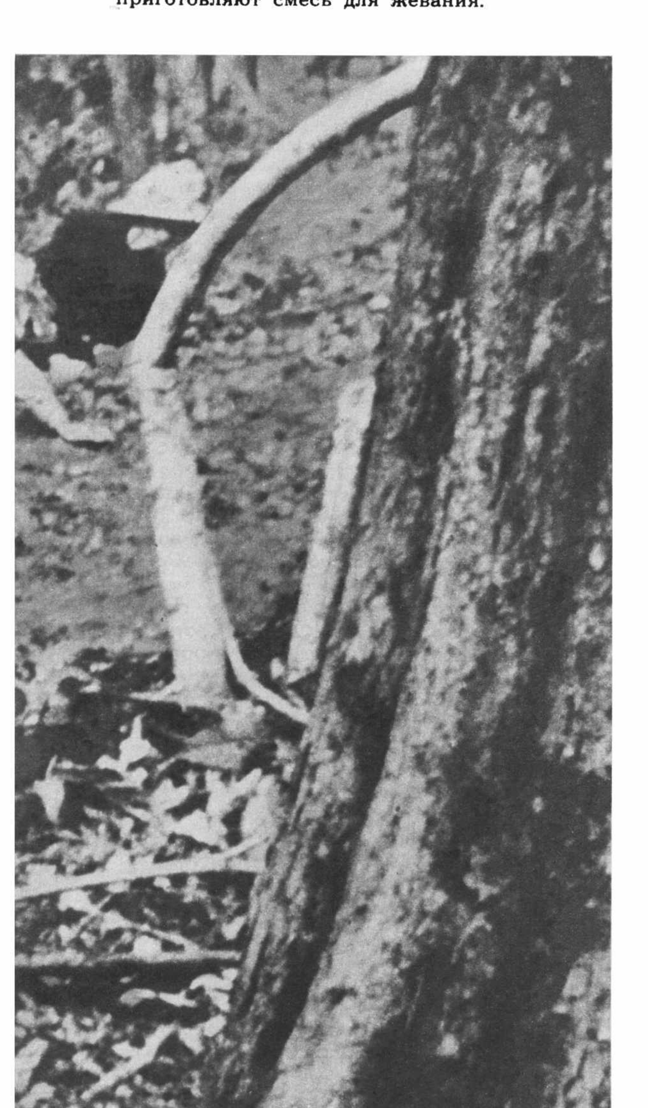
— Мама,— спрашивал он,— а когда у вас была война, неужели эсэсовцы были такими же жестокими, как американцы у нас?

Этот вопрос нам задавали много раз. Ответ на него можно найти в словах самого генерала Нгуен Као Ки, главы сайгонского правительства.

«Меня спрашивают о том, кто мой любимый герой,— заявил он в интервью, данном репортеру газеты «Санди миррор».— У меня есть только один герой — это Гитлер!»

Посол США в Сайгоне г-н Кэбот Лодж с живейшей похвалой отозвался о генерале Ки: «Я самого лучшего мнения о нем».

[1] Бетель — растение, из листьев которого приготовляют смесь для жевания.

СКВОЗЬ ОГОНЬ И ВОДУ

«Я из Бентре,— сказал Льем,— из самого густонаселенного, сказочно плодородного района, из «героического Бентре». Приезжайте к нам после победы, у нас там столько кокосовых орехов, что моя сестра приготовит для вас ванну из их сока.

В 1960 году мы спасались от облав и прочесываний в зарослях дельты, живя, как птицы, на верхушках пальм, растущих прямо из воды. Вражеские амфибии проходили под нами, мы обстреливали их сверху, и они не могли понять, откуда их настигают выстрелы.

По всей дельте снует многотысячная флотилия мелких лодок, сбитых из трех досок, бесшумно скользящих по лабиринту протоков и перевозящих наших солдат во время нападений на вражеские посты. Наши сампаны проскальзывают всюду и делают нас более подвижными, чем тяжелые американские амфибии, которые запутываются в лианах.

Долина Тростников,— рассказывал он,— в сухой сезон становится морем травы. Но в период дождей вода поднимается, и люди живут на воде, в воде и под водой шесть месяцев из двенадцати. Деревни, очень заметные на этой зеркальной поверхности, становятся легкой мишенью для бомбардировщиков. Вода заливает все подземные убежища, приходится нырять, чтобы спастись от обстрела с самолетов и вертолетов. К счастью, для всех это — дело привычное, все плавают, как рыбы, чуть ли не с самого рождения.

Водная гладь покрыта розовато-лиловыми цветами. Это очень красиво и к тому же очень удобно, если надо спрятаться при прочесывании.

А наши солдаты молнией проносятся на сампанах меж тростников, одной рукой орудуя шестом, а другой управляясь с винтовкой.

Когда враг бомбит в сухой сезон, жители деревень поджигают траву, чтобы нас не было видно в дыму. Иногда вся долина бывает объята пламенем. Самолеты кружат над ней и никак не могут обнаружить цель.

Часто, когда мы возвращались, одержав победу в бою, нас преследовали вражеские бомбардировщики. И тогда, чтобы создать дымовую завесу и защитить наши отряды, крестьяне поджигали свои поля, свои скирды, собственными руками уничтожая плоды своего труда. Да, в таких случаях наши крестьяне, которые привыкли ценить труд, которые собирают каждый стебелек, каждое зернышко риса, не колеблются...

Повсюду, где мы ведем бои, молодежь упрашивает своих родителей разрешить им следовать за нами. Когда гибнет один из нас, на его место встают десять новых бойцов...»

Ник. **ПОЛИВИН**

Погоня за солнцем

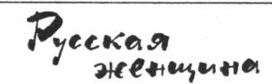
Газует «газик».
С ветром вперегонки
Бежит тополиная конница.
Мелькнуло сельцо
У небыстрой реки...
С оранжево-палевой неба дуги
Скатиться торопится солнце.

Еще нажимаю,
И скорости плеть —
По ребрам дороги,
До боли!
К тому вон лесочку
Мне надо успеть,
Чтоб солнца принять раскаленную медь,
Не то затеряется в поле.

С бугра на бугор —
Как с волны на волну.
Ковыль по бортам,
Словно пена...
А сзади
На нитке буксира тяну
Полмира:
Ильменей глухих целину,
Луга заповедные,
Сено,
Размытую кромку озерной воды,
Ветлу в полушалке зеленом...

А солнце все ниже,
А солнце в сады,
Промчавшись по кронам,
Ныряет в кусты
Большим колесом
По наклонной...

Скорее!
На гребень взлетаю.
Вперед!
(В цилиндрах беснуются кони.)
Я — к саду,
А солнце — к озёрцу
Плывет...
И я продолжаю погоню.

На свете нет добрее русской бабы,
Такой суровой иногда на вид.
Когда придет к ней раненый иль слабый,—
Уложит спать
и чаем напоит,
Отдаст ему кусок последний хлеба,
Тайком всплакнет «о жисти» в закутке.
Ее я вижу под высоким небом
В побитом молью стареньком платке.
Как часто звезды падают ночами,
Суля кому-то страшную беду...
Своими бесподобными очами
Она засветит новую звезду
И вытащит шершавыми руками
Из омута неверья и беды
Живую душу, битую кнутами,
Вернет ей крылья
с чувством высоты...
Откуда у любимых эта сила —
У наших жен,
у матерей
и дев?
Сама земля им, видно, подарила
Упорство и величие в беде,
Которыми прославлена Россия!..
Вовек сердца народа не солгут:
«Пройдут по льду
ступни ее босые,
По раскаленным угольям пройдут!»

...Хлеб на столе.
Фырчит скуластый чайник.
Глядят портреты близких со стены.
Щедры на доброту необычайно,
Кого крестили тридцать три войны!

г. Астрахань.

Заветы мастерам будущих эпох

И. АНТОНОВА,
директор Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина

Четыре картины из собрания Лувра, воспроизведенные сегодня в журнале, принадлежат одной эпохе, одной национальной школе: это произведения итальянских мастеров Возрождения — времени величайшего культурного и художественного расцвета в Италии. Самые ранние из них — «Портрет молодого человека», приписываемый Боттичелли, и «Мадонна с младенцем, ангелами и святыми» Перуджино — исполнены в 90-х годах XV века, а самое позднее — «Распятие» Веронезе — относится к концу следующего века. Эти произведения разделяет почти столетие, в течение которого искусство итальянского Возрождения пережило несколько этапов.

Картины Боттичелли и Перуджино созданы на исходе раннего Возрождения. Художники второго поколения мастеров этой эпохи, они утверждают и развивают достижения своих замечательных предшественников — отцов Возрождения. И хотя не им принадлежала радость первого «открытия мира и человека», они в полной мере унаследовали пафос своей героической эпохи: преклонение перед красотой и величием природы и безграничную веру в свободного человека. Девизом их творчества были поэтические слова итальянского гуманиста XV века Пико делла Мирандола: «О, дивное и возвышенное назначение человека, которому дано достигнуть того, к чему он стремится, и быть тем, чем он хочет!»

Имя Сандро Боттичелли — одно из самых привлекательных и знаменитых в итальянском искусстве. Художник редкостного дара, он неожиданно сочетает в своих образах черты мужественной силы и хрупкой грации, мечтательной грусти и страстной одержимости. Искусство Боттичелли не поддается однозначному объяснению, меньше всего оно укладывается в привычные представления об искусстве Возрождения — классические ясные формы и уравновешенные гармонические образы.

Надо ли гадать, что означают в преддверии XVI столетия романтическая взволнованность, драматизм, а порой трагическое смятение его героев — возврат ли это к средневековому художественному языку, отвергнутому новой эпохой, или прозрение неизбежности грядущего кризиса и гибели идеалов Возрождения? Эти «неклассические» черты творчества Боттичелли передают некоторые из самых существенных сторон мироощущения тех лет, когда в его родной Флоренции можно было услышать изысканные карнавальные песни, которые слагал некоронованный властитель города, меценат и поэт Лоренцо Медичи, прозванный Великолепным, а в церквах гремели жгучие, как раскаленные угли, обличения пламенного монаха Савонаролы, духовного вдохновителя восстания против тирании Медичи. И в эти же годы на землю Италии вступали первые отряды чужеземных завоевателей — войска французского короля Карла VIII. Искусство Боттичелли вбирает в себя тревоги и смутные опасения времени, ощущение угроз ренессансному свободомыслию, которые несут иноземные нашествия и перерождение социальных основ.

На лице «Молодого человека» из Луврского собрания застыло вопрошающе-недоуменное выражение. Этот флорентийский юноша в строгой черной одежде, с бледным выразительным лицом меланхолически взирает на мир. Чуть скошенный разрез темных глаз, мягкие каштановые волосы, вздернутый нос придают лицу выражение беззащитной детскости. Здесь есть непривычные для портрета XV века черты повышенной одухотворенности, психологической напряженности. Традиционна для этого времени ясная форма силуэта, вырисовывающегося на серо-голубом фоне в простом обрамлении оконного проема. Четкая определенность овала лица, спокойно сомкнутые губы позволяют неожиданно угадать за печалью глаз твердость, за раздумьем — способность к действию. И в самом деле, если этот бледный юноша скинет свою черную шапочку, делающую его похожим на послушника, разве он не сможет взяться за шпагу и «быть тем, кем он хочет»?

Есть основания сомневаться в принадлежности этого портрета кисти самого Боттичелли. Иногда его приписывают ученикам или последователям художника. Одно несомненно: портрет связан с творчеством Боттичелли, с кругом его идей и несет на себе их явную печать.

В портретах Боттичелли появилась существенная для последующего развития этого жанра психологическая характеристика (недаром Леонардо да Винчи, создавший образцовый психологический портрет «Монны Лизы», в своем трактате о живописи упоминает единственного своего современника — Боттичелли). А в произведениях Перуджино можно найти открытия в области пространственной организации картины и поиски более возвышенного художественного языка.

Уроженец Умбрии, крупного культурного центра средней Италии в конце XV столетия, Перуджино — его подлинное имя Пьетро Ванучи — хорошо был знаком с достижениями флорентийских мастеров. Но искусство умбрийских мастеров более рафинированно и идиллично, в нем отсутствует та мужественная интонация, а порой и жизненное полнокровие, которые столь характерны для флорентийских художников.

В «Мадонне с младенцем, ангелами и святыми» Перуджино обращается к традиционной теме раннего Возрождения. В XV столетии художники часто писали мадонну, изображая ее молодой женщиной, погруженной в заботы о сыне или занятой игрой с младенцем. При этом они стремились наполнить окружающую ее обстановку — пейзаж или интерьер — как можно более подробным и наглядным описанием множества деталей, каждая из которых казалась праздничной и значительной. Эти изображения резко отличались от принятого в средневековье образа богоматери — царицы небесной, вознесенной над людьми, недоступной им в своем неземном величии.

Следуя традиции раннего Возрождения в изображении юной простодушной мадонны, Перуджино пытается вместе с тем придать ее образу бо́льшую возвышенность, оттенить ее человеческое достоинство. Он помещает мадонну в центре картины на небольшом выдвинутом вперед возвышении — троне, обрамляя площадку, на которой она находится, каменным парапетом. Мадонну окружают юные девушки — святые и крылатые ангелы — нежная стража: вооруженные пальмовой и розовой ветвями, они охраняют мать и дитя. Широкий пейзажный фон, спокойная размеренность плавных движений, мягкие крупные линии складок одежды создают приподнятое, торжественное настроение в картине. В еще большей степени это впечатление усиливается благодаря композиции: строгой симметрии фигур, четкому выявлению пространства, перспективой уходящих вглубь линий ограды и мраморных плит пола, расположению в разных плоскостях стройных фигур девушек. Они создают пространственный ритм. Картина заключена в обрамление — круг. Эта также традиционная для XV века форма усиливает единство всех частей. Перуджино создает тонкий эффект, находя повтор в пространственном круге, который образуют сами фигуры.

Очень характерен для умбрийского мастера образный строй картины. Его святые и ангелы — светловолосые кроткие женщины с ясными лицами — погружены в задумчивость, легкие повороты тел, наклон головы выявляют грацию их движений. Приглушенные, неяркие тона красок, ласкающие глаз прозрачные дали, тонкий узор кружевных деревьев, мягко поблескивающие драгоценные украшения — все это оттеняет нежную, лирическую тональность образов.

Соединить подлинное величие, возвышенность образа с глубокой человечностью и жизненной полнотой — задача, решение которой стало под силу художникам Высокого Возрождения — следующего этапа развития искусства Италии, а среди них одному из первых — Тициану.

«Мужской портрет» Тициана широко не известен. Не для всех исследователей представляется и вполне бесспорным, что портрет принадлежит кисти Тициана. Но сомнения в авторстве вряд ли обоснованы. Не входя в число прославленных тициановских шедевров, портрет этот, однако, глубоко родствен тем из его произведений, которым было суждено более широкое признание.

Мастер чрезвычайно большого творческого диапазона, Тициан с полным правом должен быть назван крупнейшим портретистом XVI столетия. Ни у одного из других мастеров Возрождения портрет не занимал такого важного места в творчестве, не пережил такой сложной эволюции; ни один из них не оставил такой богатейшей портретной галереи современников, как Тициан. Всемогущие властители европейских государств соседствуют в ней с венецианскими патрициями, представителями художественных кругов — друзьями самого мастера. Мы встречаем здесь, наконец, и людей, имена которых остались нам неизвестными, но их личность, раскрытая проницательностью художника и силой его мастерства, вызывает наш самый живой интерес.

К последнего рода работам и принадлежит луврский портрет. Мы не знаем, кто изображен на полотне, не располагаем сведениями о его возникновении. По стилистическим признакам, по характеру композиционного построения, по живописной манере, наконец, по тому, что костюм в точности повторяет костюм в другом знаменитом тициановском портрете — «Юноша с перчаткой», мы можем установить, что

С. Боттичелли. Около 1444—1510. ПОРТРЕТ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА.

Париж. Лувр.

П. Перуджино. Около 1470—1523. МАДОННА С МЛАДЕНЦЕМ. Париж. Лувр.

портрет этот относится к раннему этапу деятельности Тициана, к началу 1520-х годов.

В тот период мы еще не встретим в портретных образах Тициана таких развернутых, ярко драматических характеристик, которые станут достоянием его более поздних произведений.

Его герои пока — это цельные натуры, черты их характера выступают в слитной форме, в определенном соответствии с господствующим в то время идеалом человеческой личности, исполненным большой внутренней значительности. И в луврском портрете художник подчеркивает в первую очередь достоинство человека, чему способствует его уверенная и непринужденная осанка. В этом чувстве достоинства — ненавязчивое, но веское утверждение человеческой личности, столь характерное для эпохи Возрождения.

В противовес другим тициановским героям того времени на портрете человек не столько действия, сколько мысли. Тень внутренней усталости на его лице и в то же время невидящий пристальный взгляд, покрасневшие веки — словно свидетельство неустанных размышлений, постоянной работы ума. И трудно отрешиться от чувства, что присущее ему самоуглубление несет уже в себе оттенок духовного одиночества.

С замыслом портрета органично связан его живописный строй. Более чем кто-либо владевший разнообразнейшим арсеналом живописных средств, Тициан здесь очень сдержан. Палитра его скорее скупа; блестящий колорист, он обращается здесь не к интенсивным цветовым звучаниям, а к строгому тональному решению. Доминируют два главных созвучия: контраст темного и светлого в одежде и сочетание темно-оливкового фона с бледно-янтарным тоном лица.

Портретное искусство Тициана развивалось во многих, часто одновременно существовавших направлениях. В луврском «Мужском портрете» он находится в начале пути, который впоследствии приведет мастера к необычайно глубоким воплощениям интеллектуального начала, к образу человека, оказывающегося перед необходимостью дать ответ на решающие вопросы бытия.

«Распятие» Веронезе создано в поздний период Возрождения. Для всей Италии, истерзанной войнами, подпавшей под иго чужеземцев или оказавшейся жертвой абсолютистского гнета местных правителей, это было время нарастающего духовного порабощения, пора, когда, говоря словами Микеланджело, «царили позор и преступление». Только Венеция, сохранившая свою независимость, оставалась последним оплотом ренессансного свободолюбия. Здесь художественная культура Возрождения пережила последний расцвет. И в полотнах своего певца — в грандиозных композициях Веронезе со сценами торжественных пиршеств — Венеция предстает перед нами во всем своем праздничном великолепии. Но даже мастер такого светлого дарования, как Веронезе, не мог остаться глух к трагическим настроениям времени; симптомы этого все отчетливее выступают в его произведениях, в особенности в поздний период творчества, образец которого — луврская картина.

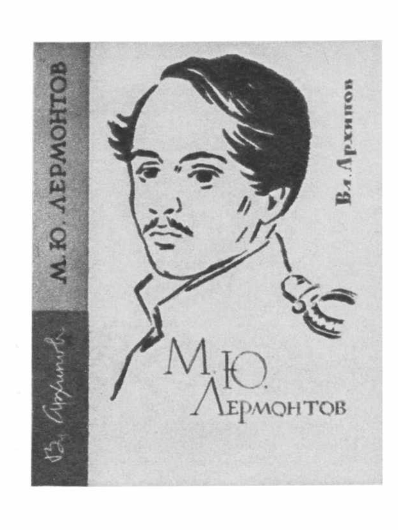
Рядом со столь характерными для Веронезе импозантными, праздничными холстами «Распятие» выглядит непривычно не только по своей тематике, но и по скромным масштабам. Сам выбор такого формата — свидетельство того, что в противовес ярко-декоративному звучанию других своих работ художник стремится здесь к более сосредоточенному и углубленному решению. И что важно: в истолковании изображаемого события, в передаче его сложной коллизии он сохраняет широкий образный охват.

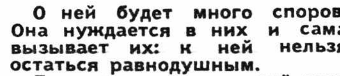
У художников тициановской поры в картине господствовали человеческие образы. Для мастеров поколения Веронезе окружающая человека среда приобретает гораздо большее, нежели прежде, значение. Уже одним тем, что происходящее в «Распятии» действие представлено не в центральной части картины, а резко сдвинуто в сторону, художник показывает, что грозовое небо и холмистый пейзаж с многобашенным городом на горизонте — это не просто ландшафтный фон для изображаемого события, это яркий образ окружающего человека реального мира. Три креста с распятыми, вознесшиеся на фоне темных туч и зловещих отсветов, люди у подножия креста — вот первое яркое впечатление, оставляемое в сознании зрителя.

Веронезе отказался от обычной для этого сюжета композиции, изобилующей множеством действующих лиц. Второстепенные в данном случае фигуры воинов, расположенные на втором плане, как бы образуют обрамление для главной группы. Это позволяет нам пристальнее всмотреться в самих героев, постичь глубину горя впавшей в беспамятство богоматери, душевную боль и сочувствие окружающих ее друзей, отчаяние Магдалины, припавшей к подножию креста.

Один из величайших представителей венецианского колоризма, Веронезе и в этой теме скорби не ограничил и не приглушил своей богатейшей палитры — он сумел и здесь остаться самим собой. Как ни мастерски построена общая композиция картины и ее ритмика, как ни убедительны типы действующих лиц (например, богоматери, облик которой столь далек от идеальных решений, распространенных в предшествующие этапы Ренессанса), как ни выразительна мизансцена, в которой представлены участники события, вне цветового решения картина не обладала бы и малой долей присущей ей силы воздействия. Зловещий тон свинцовых, с зеленоватым отливом туч определяет собой эмоциональную атмосферу композиции. Каждый сантиметр живописи в ней насыщен чувством — достаточно обратить внимание на разнообразнейшую выразительность одних лишь оттенков красного — на фиолетово-розовый, «астральный» тон одежды богоматери, яркоалый плащ поддерживающего ее Иоанна, оранжево-красный плащ золотоволосой Магдалины. Не может не поразить своей драматической экспрессией силуэт женской фигуры справа, целиком, с головой, задрапированной в плащ. Его ярчайший золотисто-желтый тон, обычно радостный, нарядный, здесь воспринимается почти как крик, как самый патетический взлет скорби в общем колористическом строе картины. И, наконец, как трагично звучит в общей интенсивной цветовой гамме единственное белое пятно — набедренная повязка Христа. В драматической мощи и необычайном богатстве цвета — основа позднеренессансной венецианской живописи, ее завет мастерам будущих эпох.

НОВАЯ КНИГА О ЛЕРМОНТОВЕ

О ней будет много споров. Она нуждается в них и сама вызывает их: к ней нельзя остаться равнодушным.

Лермонтов — последний поэт декабризма и первый поэт русской демократии. Эта мысль является пафосом всего исследования, все подчинено развитию и обоснованию этой мысли. Она определила и характер книги, являющейся исследованием идей Лермонтова.

Владимир Архипов стремится раскрыть сложный духовный облик великого поэта, творившего в суровые годы реакции. Как известно, трагедия декабристского движения заключалась в том, что оно страшно оторвано было от народа. В этом кроется и главная причина поражения декабрьского восстания. 30-е годы XIX столетия характерны мучительными раздумьями русских писателей о судьбах народа, обострявшимися революционными движениями на Западе. Лермонтов под влиянием декабристов, и прежде всего Александра Бестужева, пришел к идее необходимости и неизбежности народной революции. «Народ и революция,— утверждает Вл. Архипов,— вот основная тема его творчества, очень сложного и противоречивого как в политическом, так и в поэтическом отношении. Но мы полагаем, что противоречивость творчества великого поэта кроется не столько в его позиции, сколько в противоречивости русской жизни 30-х годов прошлого века». Духовная драма Лермонтова объясняется прежде всего осознанием того, что русский народ не был готов к революционному восстанию. Лермонтов стоял за революцию, потому-то и терзала его неподвижность народа. «Лермонтовская горечь и отчаяние, связанные с тем, что в народе не было революционности, гнев и печаль великого поэта при виде «послушности» и покорности народа были выражением подлинной любви к родине и подлинной любви к народу». То обстоятельство, что Лермонтов связывает будущее России с революционностью народных масс, и дает основание утверждать, что он был первым поэтом русской демократии.

Такова концепция книги Вл. Архипова, взятая в ее обнаженном виде. С ней можно не соглашаться, но не считаться с ней нельзя. Она доказывается убедительным анализом лермонтовских лирических произведений, многочисленными историческими справками и документами.

В связи с этой центральной мыслью в книге решаются и другие проблемы. Одной из интересных является проблема реализма и романтизма. Владимир Архипов утверждает, что своеобразием лермонтовского творческого метода является синтез реализма и революционного романтизма. В этом синтезе великая сила творений Лермонтова, «этот союз усиливал и романтизм в реальности его прогнозов и реализм в силе и остроте его вúдения на большие дистанции». Романтические поиски Лермонтова обусловились революционными устремлениями поэта и жизнью России 30-х годов. В эпоху глухой реакции, «неподвижности» народа русское общество нуждалось в пробуждении к героическому деянию, нуждалось в романтических идеях и темах, героях и образах в литературе. Осуждение романтизма за то, что он изображает исключительное, обнаруживает неисторический подход к прошлому со стороны некоторых литературоведов. «Ведь именно революционные выступления были тогда явлением редким и исключительным, а идеи революционной борьбы только зарождались».

Изучение творчества Лермонтова уточняет известную формулу развития русской литературы — «от романтизма к реализму». Поэт не только шел от романтизма к реализму, но зачастую совершал обратное движение. Лучшие его поэмы, «Демон» и «Мцыри», написанные в последние годы жизни,— истинно романтические произведения.

Суждения Вл. Архипова по проблемам романтизма и реализма актуальны для нашего времени. Мысли о том, что революционный романтизм всегда оплодотворял и будет оплодотворять литературу возвышенными идеями, что он «является первичным моментом в становлении реалистического познания мира», что его существование всегда было и будет закономерным в роли глашатая прогресса, интересны и плодотворны. Хотелось бы только думать, что кажущееся принижение реализма Пушкина и Гоголя перед революционным романтизмом скорее результат полемического задора, а не глубоких убеждений исследователя.

Бесспорно, важным и поучительным для нашей поэзии является суждение Владимира Архипова о силе и действенности лермонтовского лиризма. Все, что создано Лермонтовым, особенно в зрелый период, создано в горении, в мучительных, трагических думах о родине, в борьбе с «немытой Россией». Отсюда такая органическая слитность в одном и том же лирическом стихотворении личного и социального. «Его личные боли и страдания заставили его очень рано познать и понять страдания других людей и искать причины всего горя и общей боли».

Книга Вл. Архипова не лишена крайностей в суждениях, отдельные отступления кажутся излишними, надуманными, местами встречаешься с повторениями.

Но эта книга достойна серьезного разговора, потому что в ней много творческого поиска и пламенного, чистого отношения к великому поэту.

С. ШЕШУКОВ,
кандидат филологических наук

Вл. Архипов. М. Ю. Лермонтов. Поэзия познания и действия. «Московский рабочий». 1965.

«Выпускницы» елочной школы и их воспитатели — лесные инженеры К. Т. Токарева (слева) и Н. А. Сиротенко.

Этим деревцам пять лет.

ЕЛКИНА ШКОЛА

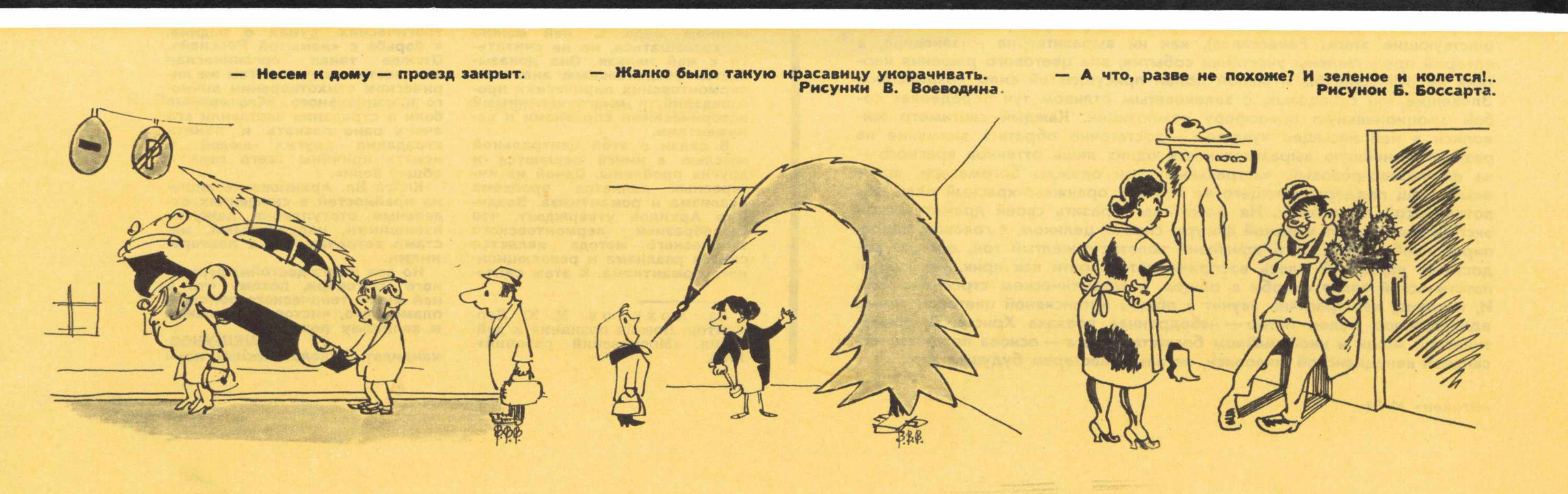
О. КУПРИН   Фото А. БОЧИНИНА.

Я берусь утверждать, что известная песенка «В лесу родилась елочка» становится все менее актуальной, особенно если иметь в виду елку новогоднюю. Представьте себе, что елки нынче рождаются на грядке. Странно? А потом воспитываются в школе-десятилетке. Невероятно? Но это именно так.

— В Московской области елочные плантации занимают полторы тысячи гектаров,— сказал мне Николай Логинович Кузнецов, начальник одного из отделов Московского управления лесного хозяйства.

— Неужели плантации?— усомнился я.

— Именно плантации,— подтвердил мой собеседник.— И если потребуется, мы можем предоставить москвичам к Новому году

— Несем к дому — проезд закрыт.

— Жалко было такую красавицу укорачивать.
Рисунки В. Воеводина.

— А что, разве не похоже? И зеленое и колется!..
Рисунок Б. Боссарта.

миллион елок. Только очень жаль, что тогда придется вырубить подчистую сто пятьдесят гектаров плантаций.

Принять просто так, на веру, слово «плантация» я не мог и отправился в Дмитровский леспромхоз посмотреть, как живут-здравствуют елочки накануне путешествия на новогодние праздники. Здесь-то я узнал еще и о грядках и о елочной школе-десятилетке.

...Было морозное утро. Был изумительный заснеженный лес. Была узенькая тропинка. Короче говоря, была поэзия. И была небольшая экскурсия по плантациям и по елочным проблемам.

— Весной мы высеваем семена елок на грядки,— рассказывала инженер базисного питомника Кима Тихоновна Токарева.— На каждой грядке пять строчек. Через три недели появляются зелененькие, нежные иголочки. Очень милые и беспомощные, крошечные. Бригада Евдокии Борисовны Зуськовой выхаживает их, как малых детишек. Мороки с ними уйма. Жары они боятся, влаги им нужно в меру. Если солнце припекает, накрываем грядки щитами. Семь тысяч щитов на гектар. Но самая страшная беда — грачи-хулиганы. Страсть как обожают росточки!

С грачами, конечно, борются. Главный лесничий леспромхоза Алексей Иванович Лаврухин рассказал по этому поводу весьма забавную историю.

Чем только ни стращали воришек. К традиционным пугалам они относились с полнейшим презрением. Пугала убрали, поставили охранять грядки сторожа с ружьем — действует, но недолго. Тогда один лесничий решил использовать зарубежный опыт — последнее слово техники. В одном журнале он прочел, что лучшим средством отпугнуть птицу является тревожный вопль ее соплеменника. Грачей тогда к этому месту калачом не заманишь. Но не тут-то было. Дмитровский грач оказался существом весьма упрямым: сколько его ни пугали, он мужественно молчал и не поддавался на провокацию. Пришлось оставить у грядок сторожа. Невыгодно, но что поделаешь...

Через два-три года грядочной жизни кончается елкино детство, хотя вырастает она к этому времени всего на вершок. Из грядок ее пересаживают в «школьное» отделение питомника. Здесь ей расти еще минимум 10 лет, прежде чем она станет новогодней елкой.

...Вот и плантации. Зеленые строчки по снежному полотну. Строчки то толстые, то еле заметные, в зависимости от возраста деревьев.

— Сколько этим?— спрашиваю я и показываю на строгие шеренги деревцов полуметрового роста.

— Пять лет,— отвечает Кима Тихоновна.

— А тем?—Я указываю на двухметровых красавиц в подвенечных кружевах инея.

— Эти уже со средним образованием,— улыбается Токарева.— Им больше десяти. Скоро срубим «под самый корешок».

Мы еще долго идем по дороге вдоль строя «выпускниц» елочной школы.

— Теперь вы понимаете, как в общем-то обидно их рубить?— спрашивает Лаврухин.— Этакую-то красоту для одной новогодней недели.

— Вы, должно быть, сторонник замены традиционной лесной гостьи синтетической подделкой?

— Нет, я не против традиции. Наш питомник как раз и существует для того, чтобы поддержать ее. Я против варварства. Сколько под Новый год неразумно губится деревьев! Не там, где можно, и не тех. А питомники могут удовлетворить все потребности.

Мы подошли к небольшому двухэтажному зданию.

— Пожалуйста, тут у нас шишкосушилка.

Вот уж не предполагал о существовании такого предприятия! Да еще высокомеханизированного. Читатель, возможно, удивится: зачем понадобилась высокая механизация для сушки обычных еловых шишек? Дело в том, что название этого предприятия не раскрывает его существа. Правильно, шишки сушат. Да еще при температуре 40—60 градусов. Потом те шишки, проделав длинное путешествие по трубам, желобам и барабанам, вытряхивают из своих недр маленькие черные бусинки — елочные семена. Они составляют всего два процента от веса шишки. А пустая шишка незамедлительно отправляется в печку, чтобы поддержать температуру в сушильных камерах на уровне все тех же 40—60 градусов.

Когда мы прощались, я задал Алексею Ивановичу Лаврухину один коварный вопрос, который не смог бы не задать любой москвич, окажись он на моем месте:

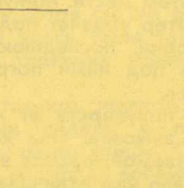
— Не спорю, ваши елки хороши. Так почему же на елочных базарах в Москве нам часто предлагают елки-палки?

— Ответ можно уложить в три слова: погода и транспорт. Елку хорошо рубить в оттепель. Тогда она мягкая, пушистая, гибкая. Но стоит ударить морозу — и она становится очень хрупкой. Торговые организации стараются загружать машины поплотнее, тросом перетягивают. Если не очень холодно,— елка перетерпит. Если мороз,— поломается. Да вы же теперь сами знаете, что елочка требует к себе уважения, заботы. Для нас она — пятнадцать лет работы, а для торговой организации — сезонный товар.

Я узнал еще одну любопытную деталь: основным поставщиком елок на новогодние базары будет торговая фирма «Цветы». Эх, если бы к елкам эта фирма относилась, как к розам! Вот было бы славно!

А старую песенку, я думаю, в скором времени вытеснит другая. Что-нибудь в таком роде: «Росла на грядке елочка...»

— Пусть она будет там — больше для танцев места.

Вспоминая минувший год.

— Граждане, мне сейчас сходить.

Рисунок О. Кандаурова.

«Сиротская доля»— первый рассказ великого казахского писателя. Как известно, начинал он с пьес. Вместе с тем это один из самых популярных его рассказов, и мы узнаем в нем перо будущего автора эпопеи «Путь Абая».

Сиротск до

Мухтар АУЭЗОВ

Рассказ

Гравюры А. Брусиловского.

Столбовая дорога тянулась мимо горы Аркалык. Дорога степная, унылая, голая, и Аркалык издалека бросался в глаза, вселяя надежду в души усталых караванщиков. Узкий гребень горы провожал дорогу верст десять. Но тщетно здесь искали затишья. Одинокий Аркалык не укрывал от пронзительных ветров ни с севера, ни с юга. Зимой гору обволакивал сугроб, круглый, как яйцо. Здесь постоянно свирепствовали метели и то и дело случался джут, белая гроза для скота, черная беда для людей.

В аулах близ Аркалыка селилась, сетуя на бога, беднота, голота. Селилась по наследству от предков и потому, что больше поселиться было негде. Утешало то, что земля под горой была плодородна; люди пахали и сеяли и тем кормились. В затяжные метели, в гибельное степное ненастье у этих людей находили приют и ночлег путники с большой столбовой дороги.

Единственный перевал на Аркалыке назван Кушикпайским. Кушикпай — родоначальник местных жителей. По преданию, он был батыром. Неподалеку от дороги хорошо виден старый могильник, невысокий курган, сложенный из неотесанного камня. Это могила Кушикпая. И кто бы здесь ни проезжал, все узнавали, кем был этот необыкновенный человек и какую жизнь он прожил.

Память о Кушикпае ревниво хранили немощные, голодные и хворые старики — живая летопись степи. Они не пытались приукрасить словами сердце Кушикпая, они только стерегли, чтобы оно билось. А уж приукрашивали другие — с их слов... Если хозяйские овцы под вечер благополучно пригнаны из безлюдной ветреной степи и можно разогнуть у очага натруженную спину, если ты, гость, по душе хозяину, не досаждаешь ему и не творишь ущерба, беря у него корм для своих лошадей и волов, и если в доме есть чай, а из котла на огне, благодаря богу и тебе, пахнет мясом, садись, добрый человек, слушай!

Обыкновенно гость дремал, промерзший, измученный дорогой, но слушал. Слушал и ухом и сердцем.

Кушикпай умер молодым, двадцати одного года от роду. С юности он искусно владел соилом и шокпаром — копьем и дубинкой, мечтал стать военачальником, возглавить ратных людей, ходить в боевые походы. Был он находчив, ловок, неутомим, неимоверно силен и не знал себе равных в схватках и стычках. Он не боялся ни человека, ни зверя, ни оборотня, ни вьюжной ночи, ни злой приметы. Потому и прослыл батыром.

Черная оспа, пришелица с юга, настигла Кушикпая и свалила наземь, как не мог бы свалить ни один силач. Дни и ночи лежал он и бредил. Об этом прознал его давний соперник из рода Уак и сказал себе: пришла моя пора! Заявился в аул Кушикпая и, насмехаясь над лежачим, среди бела дня угнал его любимого коня Кызыл-бесты, стоявшего на привязи у юрты.

Дошла печальная весть до Кушикпая. Осерчал батыр, поднялся на ноги, не чуя боли, накинул на голое тело чекпень, халат из верблюжьей шерсти, и пустился в погоню. С пикой наперевес, страшный, грозный, прискакал он в аул обидчика, когда тот весело похвалялся угнанным знатным конем и своей безнаказанностью. Нрав Кушикпая знали: он готов был биться насмерть хоть с вором, хоть со всей ватагой его родичей и слуг.

Перетрусили молодцы. Вмешались аксакалы и уговорили Кушикпая не проливать крови рода Уак, к которому он сам принадлежал. Вернули ему коня и, чтобы забылась кровная обида, преподнесли богатый халат, проводили из аула с честью.

Ехал Кушикпай через Аркалык. На виду у перевала оспа сказала свое последнее слово: стащила батыра с седла уже без памяти, в горячке. Чекпень на нем был насквозь пропитан гноем из растертых оспенных нарывов. Все же, говорят, успел Кушикпай лечь головой в сторону Каабы, по мусульманскому обычаю, приник к родимой земле и простился с жизнью. Тут и догорел.

Но земля не забыла, как он ее обнимал, и потому степь у Аркалыка так сурова, потому обледеневает зимой и не кормит скот, а людей гонит прочь жгучими ветрами, слепит метелями. Не прощает она того, что Кушикпай умер молодым, умер во гневе, не насытив своей дерзкой души.

Вот что рассказывали на столбовой дороге у Аркалыка убогие бедняки, гордые тем, что они потомки батыра. Тяжко было бремя их жизни, но ее освещала слава Кушикпая, то, как он умер, как жил, как летел на коне, черно-пятнистый от оспы, словно барс.

Кончался январь. Лениво угасал морозный день. Небо было ясно. Лишь на закате, как в кузнечном горне, жарко плавились корявые железины туч. Сквозь них глядело чудовищное, кровавое око солнца, без ресниц, с бельмом посредине. Чуть выше, подобно клубам дыма, висели облачка, багровые снизу. Небо над ними бледно зеленело. А в сторонке одиноко торчала опрокинутая ущербная луна. Она смотрела испуганно, как бы из-за кисейной занавески.

Весь день было безветренно, но на перевале Кушикпай мело. Свежий снег взвивался красно-сиреневыми космами и серпами. Тени лежали, как вспухшие жилы. И казалось, тени ползут, ползут и высасывают из сугробов красноту.

По дороге к Аркалыку ходкой рысью бежала пароконная упряжка. В легких желтых санях ехали два отменно одетых жигита.

В одном из них сразу узнаешь господина. Поверх теплой одежды на нем — серый чекпень с щегольским черно-бархатным воротником, на голове — новый лисий тмак[1]. Обут в превосходные шевровые сапоги; из-за голенищ выступают войлочные чулки, тоже отороченные черным бархатом. Ему лет около тридцати. Он коренаст, круглолиц и курнос. Клинышком торчит холеная бородка. В косо посаженных, заплывших и колючих его глазках, в постоянно насупленных бровях — барское презрение и затаенная жестокость. А в брезгливо распущенных пухлых губах нетрудно угадать женолюба.

Это мирза Ахан, волостной управитель. Он возвращался из города, закончив там свои дела. Дела же были такие: внес в казну собранный в волости налог.

С волостным ехал, как водится, любимый слуга и приспешник — Калтай. Мирза держал его в строгости, но Калтай был преданным псом и разбитным шутом; конечно, вороват, зато шустр, оборотист и особливо полезен в ночных похождениях. Мирза привык ждать от него неожиданно приятных услуг.

За день пути Ахан не проронил ни слова, и можно было подумать, что он озабочен и отягощен — не иначе, как народными судьбами, поскольку он голова волости. Но Калтай хорошо знал, в каких волостях витают мысли господина и что это за мысли. Воображает, как он... с бабой, той или другой, и так целый день. Упаси боже его потревожить! Огреет плетью, выкинет из саней.

К вечеру, у Аркалыка, мирза стал зябнуть на ветру, оживился, заворочался. Калтай подхлестнул вожжами коней, говоря:

— Наверно, по сей день на Кушикпае горит оспа, если он так дует и дует...

Ахан оскалился беззвучно, как лиса. Не угодил!

На отлогом пригорке вдали показались две могилы, и путники, подняв руки, скороговоркой пробормотали молитву.

Могилы свежие, песок вокруг еще не потемнел, но покрыт пятнами снега, похожими на оспины. Ветер с Аркалыка дул со злым посвистом, словно рассерженный тем, что видел на этом месте. Минует, может быть, одна ночь, и ветер упрячет под белым саваном песчаные бугорки, последнюю память о людях, которые под ними погребены, и следа не останется.

В полуверсте от могил завиднелась одинокая зимовка. Она казалась заброшенной, необитаемой, вросла в землю, увязла в сугробе и мало чем отличалась от могил. Крыша обветшала, углы обвалились, снег прикрывал проре-

[1] Тмак — вид ушанки.

ая
ля

хи. Лишь узкая тропка была протоптана к черным стенам зимовки,— в ней жили...

Калтай, загадочно крякнув, направил к ней лошадей.

Вблизи она выглядела еще страшней. Над скотным двором зияла дыра, над ней вихрился снег, подобно клубам дыма. За поваленной загородкой у обдерганной скирды сена понуро стояли тощий годовалый теленок и барашек с нашлепками снега на спинах. Дрожь охватывала при мысли, какое злосчастье облюбовало этот дом!

Соскочив с саней и стряхивая снег с чекпеня, Ахан проговорил сквозь зубы:

— Куда ты меня привез? Тут, наверно, ни сесть, ни лечь... Неужели не мог найти жилья поприличней?

Калтай, распрягая коней, ответил с ухмылкой:

— Потерпи... Увидишь, где ляжешь...

Мирза приосанился, насколько позволял его куцый рост и вдавленный нос. Калтай церемонно взял его под руку. Пригнувшись, они ступили под дырявую кровлю двора, нащупали в темноте забухшую, заиндевелую дверь и, спотыкаясь, ввалились в дом.

В доме было две комнаты. В передней слабо мерцало застекленное оконце величиной с ладонь, в сложенном из кирпичей тагане светились угли. Но здесь, по-видимому, не жили. Комната служила сенцами и кладовкой. Глинобитные стены давно не белены и грязны, потолочные жерди закопчены дочерна, в углах серебряные разводы инея. Теснясь друг к другу, близ тагана топтались на привязи новорожденный ягненок и совсем жалкий телок с войлочным покрывалом на костлявой спине.

Задняя, жилая комната выглядела как будто бы чуть веселей. Бросалась в глаза большая печь, впрочем, тоже неказистая, словно отлакированная сажей, с выщербленным подом. Сбоку от печи возвышалась деревянная кровать, краска на ней облупилась, но старенькие, потрепанные одеяла и ветхие подушки были уложены так тщательно, аккуратно, что сердце щемило. У стены против двери на низкой подставке — два сундука, застланных серой кошмой. Вот и все имущество.

Стекло в оконце, надколотое крест-накрест и заклеенное полосками бумаги, словно дышало. При каждом порыве ветра стекло отдувалось струйками пара. И здесь было темно; слабый свет исходил от тлеющих углей из печи.

Кто же обитал в этом темном, жалком доме? Три женщины... Они сидели у печи, съежившись, нахохленные, точно птицы. Одна из них — дряхлая старуха, ей лет за восемьдесят, второй около сорока, третья — девочка тринадцати лет. Это бабушка, ее сноха и внучка от снохи.

Старшая немощна, измождена, и все же лицо ее на редкость мужественно. У него неженский склад — высокий лоб, крупный нос. Из-под редких сивых бровей устало смотрели бесцветные глаза. Но в глубоких морщинах на обвисших щеках было не только горе, след мук и обид целой жизни, а еще и многолетнее безответное упорство бедняка, способное сдвинуть гору труда и вынести ношу, непосильную иному герою.

Лицо у снохи, напротив, пугливо-настороженно. Яркие черные глаза ее странно неподвижны и уставлены в одну точку, словно у помешанной. Взгляд ее внушал невольную оторопь. Но она не помешана, она слепа.

И только младшая, Газиза, тоненькая и нежная, с круглым, слегка веснушчатым лицом, мила; от нее трудно оторвать взгляд. Она легка, быстра и изящна, как козочка. А недетская печаль в ее робко опущенных глазах придавала ей особую привлекательность. Пожалуй, в них и не печаль, а скорее мольба, наивная и трогательная, как убранная ее руками нищая постель.

Горе у этих троих, слабых, общее: они осиротели. Буря пронеслась над их головами, оставив у дома свежие могилы. Там, на песчаном пригорке, похоронены отец и брат Газизы. Их унес тиф. Тщетно бабушка призывала духов предков — они не спасли кормильцев. А после похорон «соринка попала» в глаза матери. Слезы погасили в них свет.

— Боже,— вопрошала старуха с неистовой верой, без гнева,— за какой грех?

Они и прежде бедствовали, одинокие, никому не нужные в бескрайней степи. Но сам Кушикпай в свое время был одинок... И по вечерам у нежаркой печи, нахохленные, точно птицы, женщины вспоминали и оплакивали ту жизнь, те райские дни, когда в семье было пятеро...

И вот нежданно-негаданно в доме появились гости, богатые, гладкие, в лисьих тмаках, истинные баи.

Мать Газизы, тихонько толкнув ее локтем, спросила, что за люди. Девочка шепотом ответила:

— Не знаю... Незнакомые...

Гости, отряхнув у двери халаты, прошли выше, к сундукам, и уселись на почетном месте. Мирза Ахан прочел суру из корана. Затем гости поздоровались с хозяевами, и старший из гостей обратился к старшей в доме:

— Воля божья! Дай вам бог изобилия и сытости...— намекая, что недурно бы расстелить достархан.

Женщины онемели при виде таких редкостных гостей, а придя в себя, приободрились и даже, как им самим казалось, повеселели. Зажгли керосиновую лампу, тоже с надколотым и заклеенным стеклом. Газиза расторопно и сноровисто приготовила чай. Все, что было в доме,— кусочек масла, темные лепешки — выставили на единственную драгоценную скатерть перед почтенными гостями, мужчинами.

Старуха, как подобало бы аксакалу, повела с ними неторопливую беседу.

Ахан слушал ее, то и дело причмокивая пухлыми губами и невпопад кивая, а между тем исподтишка неотрывно следил заплывшими глазками за Газизой.

Калтай любезно рассказал старухе городские и аульные новости, и она тоже чмокала и кивала.

Но после чая говорила больше старуха, а гости помалкивали. Видать, сам бог привел в ее дом всемогущего волостного. И она вела речь искусно и смело, как мог бы не всякий мужчина с такой важной птицей.

В голосе старухи, не по годам звучном и трепетном, были и гнев, и ласка, и горечь, и восторг, и боль, и надежда. Она сетовала на судьбу, но так, будто сказывала, будто выпевала старинное предание. И выражение ее лица менялось, как меняется вид замшелой скалы в ветреный день под летучей тенью от облаков.

— Милый,— говорила она,— милый... Сам видишь, понимаешь, чем дышим. Я на пороге смерти, нет мочи жить, нет мочи помереть. Что я могу? Только молоть языком. Сноха ослепла, ей поводырь нужен по этой жизни. Кто же нас кормит? На ком работа? На внучке. Одна приняла на свои плечи мужское бремя. А плечи-то детские... Ты посмотри, ты пойми, милый!

К чему тебе это говорю? К тому, милый... чтобы билось у тебя сердце, когда, едучи мимо, вспомнишь о нас. И не скудела бы твоя милость, когда встретишь таких, как мы. И не думал бы ты, как другие: что мне до них, они из чужого аула! И чтобы другие, на тебя глядя, устыдились, бессовестные... не срамили бы наш род Уак... и память Кушикпая...

Ведь что за люди, милый! Недалекие, мелкие души. Истинно бабы... Когда отзываются? Когда их кличут, как псов. Кому угождают? Тому, кого боятся. Если какой молодец и покажется в нашем доме, так — задрав нос, с гонором, воображая себя господином. И все, все норовят, изловчаются что-нибудь да утянуть, как воры. Еще не успела земля отлежаться на могилах моего сына и его сына, задумали родичи разделить сыновнее имущество и разобрать нас, женщин, по чужим домам. Понятно, мы долго не протянем. Одни женщины не живут. Вот эти лукавые и зарятся. Рвут за живое.

Взять хотя бы Смагула, деверя моего. Сын делил с ним последнее, почитал за самого близкого. Покрывал плохое, хвалил за хорошее, в люди его вывел. И тот смотрел на сына, хвостом виляя, ожидая подачки. А как помер сынок, Смагул взял да и увел со двора нашу единственную яловую овцу. Зарезал он,

видишь ли, барана в день похорон,— ну и чтобы не терпеть убытка... Сноха послала к нему человека со слезной жалобой! Что же ответил? Пусть, говорит, не строит из себя хозяйку и поменьше голосит по мужу. Вон как! Ползала вошь по копыту, вползла на голову.

Был бы жив сын, господи... разве они посмели бы? У него в доме всегда горел очаг, а в бедном котле варилась радость. Каким был благонравным, совестливым! Пусть земля тебе будет пухом, дитя мое... Из-за этих негодников, не стоящих его ногтя, он и погиб, бедняга. Ты послушай, милый.

Есть у моего деверя сын, зовут Дюсеном, прозывают Болтуном. У него одно пристрастие — бабьи сплетни. В жизни дельного слова не сказал, доброго дела не сделал. К тому же скряга, каких свет не видел. Удавится, но не угостит. Когда в доме гость, у Болтуна траур. Жену со света сживет, если в этакий день, упаси бог, она сварит мясо. Скулит, плачется, что она разоряет его. Послушаешь — убежишь, плюя себе за ворот...

Как-то поздней осенью, не знаю уж, каким ветром, занесло к Болтуну шалого барымтача из Шубар-адыра, рода Тобыкты. Болтун и отличился: встал перед ним на пороге. Выгнал человека в буранную ночь. Нечем, мол, тебя кормить, негде уложить! Известно, каковы тобыктинцы, их род богом обласкан, они нас, уаковцев, за людей не считают. Мог ли жигит вытерпеть такую обиду? Нагрянул в ту же ночь и погромил весь двор Болтуна, угнал полдесятка жирных баранов и двух рабочих лошадей.

Думаешь, кинулся хозяин в погоню? Как бы не так. Побоялся, что лишится последнего коня под собой. На другой день приплелся с поклоном к моему сыну. «Тебя,— говорит,— тобыктинцы хорошо знают, тебя одного уважают, твоего слова послушаются. Неужто допустишь грабить?»

Конечно, мой сын его поругал. «Не помним за тобой поступка, угодного богу. При кухне, при жене ты герой. Пожалел толику мяса человеку... а он для тебя важней волостного... (Ахан холодно усмехнулся.) Сторицей тебе воздал бы, сторицей наказал. Ни силы, ни ума, а грызешься с каждым проезжим. Думаешь, этим возвысишься? Тебе ли жить у Аркалыка, где Кушикпай жил! И у меня чего просишь? Просить у человека, чего он не в силах,— значит позорить человека!» Вот как он его бранил, милый.

Дюсен-Болтун и голову повесил. «Кроме тебя,— говорит,— просить некого».

Собрался сынок и поехал выручать добро. Почитай, дней двадцать обивал пороги у тобыктинских аксакалов. Вор-то был из богатого, спесивого аула. Их аксакалы так порешили: чтобы Дюсен засватал свою девятилетнюю дочь за жигита рода Тобыкты. Мой сын дал согласие, поручился за Болтуна и вернулся со всем угнанным скотом. Теперь Болтун с тем вором кровные сваты, породнились! А сын мой на ту беду занемог в дороге. Как вернулся, слег. И не поднялся, кормилец. Сам ушел невозвратно и младшенького своего увел, последнюю нашу надежду. Тут-то его и отблагодарили: отобрали у нас яловую овцу и голосить не велели. Да тем еще не кончилось...

За день до своей смерти сын взял в руки бумагу, карандаш и написал, глядя богу в очи, что кому должен, а что ему должны. Читать-писать он умел, как мулла, с детства. И скажу, не любил сидеть сложа руки. Умел подсобить кузнецу в ремесле, купцу в торговле, а при случае и костоправу и лекарю. Половину его имущества я истратила на погребение и на уплату долгов, чтобы они не легли ему на душу. До копеечки отдала. Но надо же тому быть: оказался у сына долг, не записанный на той бумаге... И какой долг! Считай, примерно в три головы скота. Все едино что последнее отдать да разбрестись по миру. Нож в спину. А он, незаписанный-то, проходу не дает, приспичило содрать с голых шкуру. Спросишь, кто такой? Богатей, милый. Курносый Марден из рода Тобыкты.

(Мирза Ахан, сам безобразно курносый, скривился и оскалился. Калтай едва не прыснул. Но старуха сочла, что волостной гневается на тобыктинца.)

Я не отрекаюсь. Раз сын ему обещался, я сыну верю. Только дал бы осмотреться да выпросить-вымолить у тех, кто сыну должен. Мы — со всем нашим желанием. И, может, мы уговорили бы его, кабы не Дюсен-Болтун. Чихнуть не поспели, как он за нас все обмозговал да обстряпал.

Сообразил скупердяй, что Марден своего не упустит. Еще, глядишь, расчувствуется, пожалеет нас, сирых, а спросит с близких родичей, которые позажиточнее. Попробуй ему не отдай! Пострадаешь своим животом... И что же Болтун удумал? Милый мой, выговорить жутко, язык не поворачивается. И ведь всех, право, всех на свою сторону повернул. Мышку-то распороть — кошке забава.

Чего хотят? Залить слезами Газизу, зрачок моих глаз.

В нынешнем году померла жена у Мардена. Овдовел курносый. А чем Газиза не жена? Чем плоха? Вот как хороша! Сам видишь, милый, сам понимаешь...

(Ахан и Калтай мельком переглянулись. Они лежали, опершись на локти, изредка покрякивая, похмыкивая, и лица у обоих были озабоченные и вроде бы расстроенные. Ахан распустил пухлые масляные губы, точно у него была одышка.)

Не вытерпела я. Разругала, прокляла этих негодников зловредных. Сердце зашлось, не знаю, как не разорвалось. Поплакали, потужили, богу помолились... что нам еще оставалось? Но уж третий день пошел, а, говорят, курносый еще не уехал. Гостит у дорогих сватов. И теперь жена Болтуна сводничает, пристает к девочке.

До чего же усердствует, подлая! «Ты,— говорит,— бессердечная. Не жалеешь своих матерей, ни зрячую, ни слепую... Где тебе справиться с хозяйством, как мог бы жигит! А муж, он опора и тебе и твоим матерям. Выйдешь за богатого — забудешь, как плачут, как голодают». Вот до чего хитра, собака. Обманом готова отправить Газизу с тем вдовцом на крупе его коня.

Отдать свое дитя за какого-то курносого! В чужой род... Милый, надо тебе знать: мы прямые потомки старших предков своего аула. Наш дом — дом старших в ауле. Может, в моем сыне и в его сыне текла кровь самого Кушикпая! А Кушикпай, поверь, милый, и сын это говорил, еще поднимется, рябой от оспы... (Голос старухи впервые осекся, лицо было величаво.) Да что этим выродкам! И не боятся, что дух моего сына разгневается, покарает. У них расчет: мало того, не поступиться — еще разжиться на нашей беде. Ненасытные глотки! Думают, сбагрят сиротку Газизу и завладеют нашим скотом да домом. Не мытьем, так катаньем. Сами попросимся под их руку. Они уж нас проводят живьем в могилу.

Правду говорят: самый худой человек зарится на своего ближнего. Такой ли ныне тихий, безобидный этот Болтун, а жена его с Газизой — ангел? И ведь Газиза поплачет, поплачет — нет-нет да и прислушается к той сводне... Не понимает, маленькая, людского коварства. Господи! Помереть... Пора мне. А не могу. Не заслужила я последнего покоя. Не испила еще своей доли. Должна жить... Прости, милый, на глупом слове.

Старуха, кажется, закончила свой горестный, бедняцкий сказ. Она сморкалась, утирала рукавом глаза. Но слез не было. Давно все вытекли.

Плакала за ее спиной сноха, беспокойно прислушиваясь и словно бы ища страшными, сумасшедшими глазами гостей.

Мирза Ахан, морщась, поеживаясь, словно у него чесалась спина, пробормотал несколько слов. Но он был не любитель и не знаток таких слов, ему было неловко, неудобно, даже неприлично их выговаривать. Старуха и не расслышала, что он ей сказал. Поняла только, что господин раздражен, раздосадован, и встревожилась: не утомила ли она его?

Волостной слушал ее, однако, не перебивая, не торопя. И на Газизу смотрел со вниманием и как будто бы с сочувствием. Ну, и его не следует торопить. Наверно, он наслушался в волости просьб и жалоб, ему не в диковинку. Потому он и не спешит обещать, обнадеживать. Благо, что уважил — выслушал терпеливо.

Старуха была довольна...

Она думала о будущем и не видела в нем просвета. Спину ее сгибали годы и привычная покорность судьбе. Сердце холодело от неосознанного недоброго предчувствия. Но во всем ее облике была спокойная сдержанность, ни тени робости и суеты. Бессильная и неутомимая, она была красива, как старый ломовой двужильный конь, от которого шарахается сама смерть.

Газиза приготовила вкусное, душистое мясо, подала на единственном в доме блюде. Так велела бабушка. Последний кусок мяса. Гости принялись его есть с охотой, и бабушка с удовольствием смотрела, как они его едят, неприметно глотая слюну, обтирая рот сморщенной, бестелесной ладошкой.

Милая, мудрая бабушка. Она не видела того, что видела Газиза. Она не чувствовала того, что чувствовала девочка, а с ней, по-видимому, и ее незрячая мать. Несколько раз мать подзывала Газизу, брала ее за руку и держала, ни слова не говоря, тихо вздрагивая. Разве гости слушали? Ой, непохоже... Вряд ли они поняли, что сделал с ними Смагул и что собирается сделать Дюсен.

Старший гость словно ощупывал настырным жадным взглядом Газизу, да так, чтобы этого не приметила бабушка, но приметила она. И все время Газизе казалось, что он хочет сказать ей глазами что-то тайное, нехорошее, и говорит... и ей было стыдно и противно это видеть и понимать. А младший гость исподтишка то и дело показывал ей глазами, бровями на старшего, как бы говоря: замечай, кто на тебя смотрит! И дергался, вертелся на локте, когда она отворачивалась или опускала глаза.

Девочка смущенно, испуганно кланялась, уходила в другую комнату, стояла там в темноте и дрожала.

Гости доели мясо, обтерли губы, покрякали, показывая, что сыты. Стали готовиться ко сну. Газиза разобрала постель. Гости вышли во двор.

Старуха, озабоченно и почтительно посмотрев им вслед, сказала внучке:

— Светик... Их лошадям надо сена. Возьми лампу, покажи, где взять.

Девочке боязно было идти из дома, и она промолчала, будто не расслышав. Сено во дворе найти просто... Но старуха повторила:

— Выйди, выйди, доченька. Подумают, что мы невежи. Не поленись, окажи уважение.

Газиза подошла к матери, та нащупала ее руку, подержала и отпустила. Девочка взяла лампу и вышла.

Тем временем Ахан и Калтай шептались во дворе, топчась около своих лошадей.

— Девка ни шута не смыслит еще... Выгнать тебя, пса...

— Я ли не потрафил, хозяин... Девка — первый сорт...

Увидев Газизу с лампой, они замолчали и разошлись.

Газиза повела Калтая к сеновалу.

Вход на сеновал походил на нору. Под низеньким потолком, на умятом сене, только пригнувшись, мог бы уместиться человек. Газиза с поклоном показала Калтаю на сено и подняла лампу, чтобы ему было видней.

Калтай, ухмыляясь, подмигивая, уткнул руки в бока. Затем он склонился к уху девочки и гнусаво сказал ей, что дело-то, красавица, не в сене, а кое в чем ином. Наш конь не по тому сену изголодался.

Газиза отскочила от него, чуть не уронив лампу. Она была испугана и втайне польщена. Никто из старших никогда не говорил с ней так заискивающе. Потом она догадалась, что этот господский раб, конечно, подшучивает над ней, и вскрикнула:

— Думаете, я не понимаю? Все ваши козни... Подите вы отсюда! Мы тоже не позволим над собой насмехаться...— Поставила лампу на землю, припорошенную снегом, и побежала к дому.

— Эй, эй, постой, что скажу...— дурашливо забубнил Калтай ей вслед громким шепотом.

Она не обернулась.

Но у двери в дом она столкнулась с Аханом.

Он облапил девчонку, легко подхватил на руки и понес к норе на сеновал. Она не успела открыть рта, как он залепил его жирными губами.

Калтай быстро нагнулся над лампой и ду-

нул в горловину стекла. Красноватый огонек мигнул и погас. Прижав лампу к груди, Калтай, крадучись, на носках, словно приплясывая, пошел в сторону, к лошадям.

В кромешной темноте он слышал приглушенные крики и плач. И посмеивался, похрюкивал в кулак. Затем он вышел со двора за ворота — размяться.

Мир окутывал мрак. Выл ветер. Колючий снег длинными плетями хлестал землю. Промерзшая земля глухо потрескивала. С незримых в ночи откосов Аркалыка катился не то каменный гул, не то звериный рык, наводивший ужас.

Калтай попятился назад в ворота.

Здесь его нашел Ахан. Мирза был разгорячен, не запахивал халата и громко, самодовольно пыхтел. Они постояли с минуту рядом и пошли в дом, не проронив ни слова.

Мирза Ахан лег спать раньше всех. Он расположился на постели, у печи...

Газиза не помнила, сколько времени пролежала на сеновале, бесчувственная, с помутненным рассудком.

Очнулась она от холода. Ее знобило. Но еще долго она не приходила в себя и не сознавала, что с ней произошло. Лишь инстинктивно старалась укрыть себя клоками сена.

Потом она вспомнила... и невнятный вопль захлебнулся в ее сдавленном горле. Она не смогла даже ощупать себя. Тупая боль и не испытанное прежде пронзительное и холодное, гадливое ощущение сковывали ее. У нее не было сил встать. Не было воли броситься к своим матерям, заливаясь слезами. Показаться им? Бабушке... матери... людям? Они плюнут на нее, проклянут! Вспомнят отца... Она больше не Газиза, не светик, не доченька и не одно-единственное наше утешение.

Внезапно ей пришло в голову, что бабушка может выйти и отыскать ее. Боже, упаси, помоги! С протяжным стоном она поднялась и на миг застыла в страхе, что услышат ее стон. Вылезла из ловушки сеновала и, пошатываясь, стуча зубами, пошла вон со двора. Ветер толкнул ее в спину, подстегнул и ходко погнал прочь, в буранную степь. Там ее не найдут. Там не увидят.

«Иди, иди! — гудел ветер ей в уши.— Тебя не догонят. Иди, маленькая, гордая, дочь совестливого отца, правнучка строптивого Кушикпая. Иди от своих горестей, несчастий и бед, от позора, муки стыда, от пожизненного обмана. О чем тебе еще мечтать, о чем грезить? Ты и не умеешь мечтать и грезить. Ты обучена лишь плакать потихоньку от лютой обиды. А сейчас и того не можешь. Такова твоя доля. Она с тобой, она тебя ведет. Она записана на твоем лбу. Иди, не отставай».

Ветер выдул из тела Газизы боль, а из души страх. Но холод опутывал ей ноги, снег слепил. И, слушая, как жутко и грозно ревет и грохочет кто-то на Аркалыке, может, буран, а может, дух Кушикпая, она думала только о том, чтобы дойти до могилок... Дойти, и упасть, и обнять их. И пусть она тоже никому ничего не будет должна, как ее отец.

Мирза Ахан в ту минуту лежал в теплой постели, под ватным одеялом. Однако не спалось. Мирзе было не по себе.

Пора бы уж этой... визгливой... прийти с сеновала, приведя себя в надлежащий порядок. Она не шла.

Женщины зашептались в углу, старуха собралась идти во двор. Ахан остановил ее и послал Калтая. Тот вернулся с зажженной лампой и поставил ее на выступ печи. Женщины бросились к Калтаю. Он недоуменно спросил:

— Разве не пришла?

Женщины всполошились, заметались. Калтай, смекнув, что дело-то оборачивается совсем скверно, принялся объяснять старухе, как оно было:

— Взял я у нее сено. Думаю: время поить лошадей. Спрашиваю: где колодец? Пошла она со мной... Выходим со двора — буран, зги не видать, свищет. А она не робка у вас! Довела меня до самого колодца. Я, конечно, скорей посылаю ее назад. Думаю, застудится ваше дитя, на мне будет грех... Неужели заблудилась?

Женщины заголосили:

— Солнышко наше! Замерзнет, господи! О боже, что еще посылаешь на наши головы?

Старуха, взяв палку, одеваясь на ходу, поплелась к двери. Сноха на ощупь пошла следом.

Ахан высунул из-под одеяла разрумяненное лицо и крикнул Калтаю:

— Дурак! Ротозей! Зажги наш фонарь, беги, подай голос, поищи... Живей поворачивайся! Скотина...

Выйдя за ворота, стали звать Газизу в три голоса. Женщины надрывались, крича. Но разве перекричишь буран? Снежный вихрь валил с ног, не давал открыть ни глаз, ни рта.

Старуха взмолилась:

— О духи, не оставьте ее, покажите ей дорогу! Принесу вам в жертву голову бело-рыжего барана!

Слепая также молилась, встав на колени.

Калтай вывел со двора коня, вскочил на него верхом и поскакал в степь, крича и размахивая фонарем. И всадник, и конь, и фонарь исчезли в белой мгле бурана тотчас. Тотчас заглох и голос.

Женщины остались ждать, причитая.

Калтай вернулся не скоро. Вернулся один, с погасшим фонарем. Конь под Калтаем хрипел. Хрипел и Калтай:

— Сам заблудился... Еле сыскал вас... И не сыскал бы, если б не орали... Нет ее нигде! Шайтан унес!

До утра женщины ждали ее. Много раз они выходили наружу, звали, плакали, молили бога. Но бог не внял их мольбам.

К утру буран ослабел. Еще до рассвета мирза Ахан велел запрягать. Он плохо спал и был злее шайтана. Голова трещала от бабьего скулежа. И чуть только забрезжило в степи, господин сел в сани и толкнул слугу в бок дорогой плетеной камчой с серебряным ободком, чтобы погонял.

Газизу нашли около полудня. Она дошла до могил и лежала между ними ничком. Одежда на ней была изорвана, как будто ее трепала собака. На ногах выше колен запеклась и уже выцвела на морозе кровь. А слегка веснушчатое лицо ее было ясно, ни следа страданий у рта и между бровей. Лицо было невинно и чисто, как у спящего ребенка.

Она спала спокойно, крепко, и ей не снилось то, как она жила.

Перевел с казахского
Алексей Пантиелев.

путешествие к островам чудес

Генрих ГУРКОВ
Фото Николая КОЗЛОВСКОГО.

Специальные корреспонденты «Огонька»

НА КРАЮ ЗЕМЛИ

О Шикотане я слышал еще в Москве. «Это чудо-остров,— говорили знающие люди.— Там растет бамбук и свирепствуют тайфуны, там есть альпийские луга — точь-в-точь Швейцария или Бавария,— и там есть скалистые бухты, напоминающие норвежские фьорды. Там, у берегов, множество рыбы—все хозяйки Москвы, Ленинграда, Киева, Баку и Новосибирска могли бы целую неделю подавать к обеденному столу сайру, приготовленную на Шикотане за путину. Там, возле Шикотана, есть изумительные по красоте остров Айвазовского и остров Грига, там есть мыс Край Света — да, он именно так называется, потому что за ним ничего уже больше нет, только океан. И ближайший город на восток — Гонолулу, примерно в семи тысячах километров. Там, на Шикотане...»

Мы, конечно, рассчитывали попасть туда. Как же — забраться на Курилы и не побывать на Шикотане! Но мы думали это сделать позднее.

Поправку в наши планы — здесь это часто бывает—внес океан, который, как это давно известно, лишь по названию Тихий.

Невесть откуда вывернувшийся тайфун зацепил каким-то своим крылом скромный пассажирский теплоходик «Тобольск», на котором мы мирно следовали к острову Кунашир, где намеревались обозреть и сфотографировать вулкан Тятя, один из тридцати девяти действующих курильских вулканов.

Тайфун — вещь неприятная, и «Тобольск», благоразумно изменив курс, рванул изо всех своих машинных сил в Малокурильскую бухту Шикотана, надежно укрытую от всяких океанских капризов каменными плечами скал. Надо сказать, что капитан этим своим решением доставил немалое удовольствие большинству пассажиров, отчетливо усвоивших истину, что девять баллов — это много, пожалуй, даже слишком много для сухопутных организмов...

Мы пришли вечером и увидели лишь рейд, весело и дружелюбно поблескивающий огоньками, небо с ослепительно яркими, южными звездами да серые силуэты гор.

Легкая самоходная баржа, вроде той, на которой сорок девять дней дралась с океаном, с голодом и безнадежностью четверка Асхата Зиганшина, доставила нас на берег. Без каких-либо приключений.

Народ на Курилах приветливый и гостеприимный, и скоро мы забросили чемодан и кофр с оптикой в чистый, уютный домик, вкусно пахнущий свежим деревом, а сами повалились на кровати.

Спать не хотелось. Мы курили, крутили транзистор. Владивосток передавал беседу на экономические темы, а потом Рихтера и Пьеху по заявкам рыбаков. Пекин цитировал передовую статью из очередного номера «Женьминьжибао». Токийская дикторша нежнейшим голоском-колокольчиком объявляла номера концерта битлов. Вашингтон информировал об извержении вулкана на Филиппинах и о боевых действиях в Южном Вьетнаме. Сталкивались, сшибались в эфире идеологии и страсти, спорили серенады и политические комментарии, твисты и цифры убитых.

Мы выключили приемник.

Здесь, в деревянном домике на краю земли, стало тихо-тихо. Океан, наскандалившись вдоволь за день, сейчас смирно лежал за сопками, добродушно вздыхал время от времени и, словно извиняясь, поглаживал прибрежные камни негромкой и вкрадчивой волной.

«РУКИ ВВЕРХ, МУСЬЕ ДЕ РИШЕЛЬЕ!»

Это категорическое требование я услышал утром, когда вышел из нашего домика. Я послушно поднял руки: накануне, проходя главной улицей поселка, я видел афишу «Трех мушкетеров».

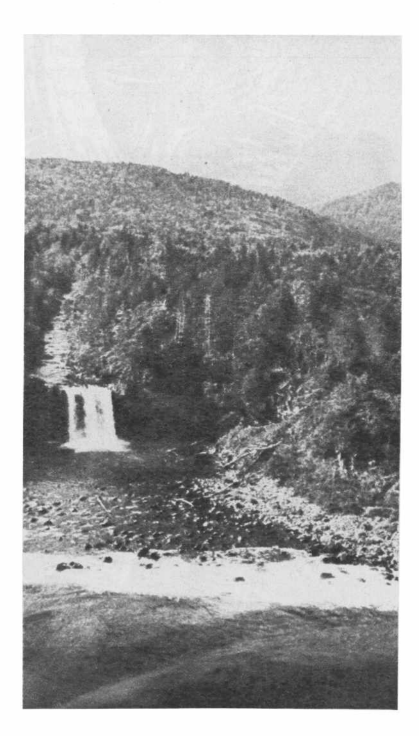
Человек лет пяти, толстощекий, курносый и густо посыпанный веснушками, удовлетворенно опустил деревянную шпагу, подошел ближе и, задрав голову, спросил:

— Дядя, а вы марки собираете?

— Собираю.

— Я тоже,— сказал он.— У меня уже есть десять штук.

Там, вдали,— вулкан Тятя.

Петька оказался человеком широко информированным.

Я узнал, в частности, что та красивая островерхая гора, которая видна на горизонте, за широкой полосой океанского пролива, и есть знаменитый вулкан Тятя. Услышав, что мы собираемся его фотографировать с вертолета, Петька завистливо вздохнул:

— Везет же вам...

А потом посоветовал обратиться к ребятам из шестого класса Вите Рыбакову и Вите Бердикову: у них есть плот, и они дадут его, чтобы заснять с океана Шикотан.

Я не понял.

— Какой плот?

— Да они сами сделали из бревен и досок.

— И им на этом плоту разрешают плавать? — похолодел я, на секунду представив себе такой плот на океанской волне.

— Ну вы же сами понимаете, дядя, конечно, нет. Но они все-таки плавают. И я тоже буду, только когда подрасту.

Я точно не знаю, пороли ли ремнем Лаперуза и Беринга. Эту подробность замалчивают историки. Что касается лаперузов с Шикотана, то, как мне потом говорили, отцы не раз вписывали им в биографию эти огорчительные страницы. Но ничего от этого не изменилось; лаперузы остаются лаперузами...

Еще Петька рассказал мне о детском духовом оркестре, которым руководит старшина Евгений Николаевич, и, надув щеки, прогудел: «Забота у нас такая, забота наша большая...» Показав новую школу — аккуратное кирпичное здание на сопке, Петька сообщил, что «туда не достанет никакой цунами».

— А ты видел цунами? — спросил я.

— Конечно,— ответил он.— Сначала все затряслось. А потом была высокая волна. Одну мэрээску даже выбросило вон на ту дорогу, где грузовик идет.

«Мэрээска» — значит малый рыболовный сейнер. Сокращение почти официальное, его употребляют не только мальчишки, но и взрослые.

Петька сказал мне также, что он очень любит кататься на лыжах с сопок («Эх, жалко, снега нет, я бы показал!»), что он хочет быть военным моряком, как папа Андрюшки Хоцина. («Он мастер спорта, за гонки на лодках у него знаете сколько медалей!») В заключение Петька обещал угостить меня морским гребешком и подарить клешню краба.

Мы договорились о встрече, и он умчался, размахивая шпагой.

САША МАЛЬЦЕВ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ШТАМПЫ

— Приехал я сюда страшным размазней,— сказал Саша Мальцев и ловко прыгнул в седло. Сидел он на лошади лихо и щеголевато, это было похоже на плакат: стройный, подтянутый парень, в зеленой фуражке, с би-

Окончание. См. «Огонек» № 50.

Таня Долматова и Ира Киселева, школьницы из Южно-Сахалинска.

На Ногликской звероферме. Вероятно, норки — самые любопытные зверьки на свете. Нырнут в деревянное убежище и тут же высовывают носы: кто это подошел к клетке и зачем!

Шикотанский пейзаж.

Ирочка Назарьева, гражданка мыса Край Света.

Молодежь-с рыбозавода.

Готовясь к путине.

Где-то на Курилах...

ноклем на груди и автоматом за плечами, на гимнастерке — значки «Отличный пограничник», «Отличник Советской Армии» и еще какие-то.

— ...И страдал я невероятно: жизнь кончилась...

Саша хлестнул своего коня, я своего, и мы двинулись по тропке, убегавшей в заросли молодого бамбука.

— Я тогда к армии относился, как некоторые наши пижоны: потерянное время, и все. Собирался в Московский инженерно-физический, а тут после одиннадцатого класса меня призвали...

Как Саша относится к армии сейчас и чему его научила служба в погранвойсках, я мог и не спрашивать: его фотографию я видел в комнате боевой славы. Там о ефрейторе Мальцеве, секретаре комсомольской организации подразделения, отличнике боевой и политической подготовки, награжденном двумя медалями, были сказаны по-военному лаконичные, но очень теплые слова.

— Мы его посылали в Москву на слет лучших пограничников как представителя Курил,— говорил мне офицер. И посоветовал: — Пусть он вам расскажет, как спасали рыбаков с японской шхуны.

Дорога, по которой мы пробирались через весь Шикотан к мысу Край Света, была довольно долгой: нам хотелось получше посмотреть остров, и мы то и дело отклонялись то в одну, то в другую сторону. Времени хватало. И переговорили мы о многом. О нашумевшей в свое время выставке МОСХа. О ролях Фернанделя. Об архитектуре московских новых районов. Просто о жизни.

Планы?

— Буду поступать в МИФИ, в инженерно-физический, как и собирался. Конечно, позабыл многое.— Саша махнул рукой.— Придется вкалывать вовсю.

То, что героические личности в очерках и корреспонденциях мало и неохотно говорят о себе,— это жестокий литературный штамп. Но что делать, Саша оказался именно такой личностью. Сколько я его ни пытал, что там случилось с японской шхуной, с которой они спасли рыбаков, так ничего и не узнал. Я слышал, что шхуну в сильный шторм разбило о камни, что несколько рыбаков погибло, а остальных, выброшенных и выплывших на прибрежные скалы, спасли пограничники, которые, рискуя жизнью, добрались до японцев и сняли их.

— Как это было, Саша?
— Да нормально.
— Сильный был шторм?
— Сильный.
— И скалы там?
— Скалы.
— В воду лазили?
— Ребята лазили.
— А вы?
— Тоже немножко полазил. Вот и все.

Зато, как и полагается по законам литературного штампа, Саша охотно рассказывал о своем товарище Коле Горбачеве, тоже пограничнике. Он замыкал нашу группу.

— Лошадей он любит, ну прямо на руках их носит. Он в деревне вырос, под Красноярском. Все делать умеет. Очень хороший человек!

Николай Горбачев, широколицый, приземистый сибиряк, час назад знакомил нас с лошадьми, на которых предстояло совершить путешествие по Шикотану. Именовали их всех, кроме одной, громко и цветисто.

— Это Алмаз, это Рубин, это Тюльпан. А это,— он похлопал по шее карего веселого жеребца,— мой тезка, его тоже Колькой зовут.

Мы поднимались на сопки, любовались шикотанскими лесами, своенравно и жестко причесанными океанским ветром, удивительными по своеобразию красок.

Впереди, где-то за лесным гребешком, стремительно падало в океан солнце.

Подъезжали к мысу Край Света.

ТАЙНА КРЫШКИ ОТ ТЕРМОСА

Есть на земле много прекрасных уголков, и те, кто присваивает им титул «самый красивый», должно быть, имеют для этого достаточно оснований. Я лично голосую за Шикотан. И в этом меня поддерживают древние айны, которые дали этому маленькому острову, размером всего десять на двадцать километров, название Шикотан. В переводе с айнского это значит «Лучшее место».

То, что нам говорили об этом острове,— правда. Но не вся правда. И я сам не смогу всю ее рассказать. Потому что разве передашь это невероятное ощущение простора, этот фейерверк оригинальнейших, непохожих один на другой пейзажей, которые обрушивает на путешественника Шикотан, эти поразительные переходы от мягких, заросших молодым бамбуком холмов к крутым, резко обрывающимся в сторону океана утесам, от скал, дерзко и гневно врезающихся в океанские буруны, до тихих, закрытых бухт с прозрачной, изумрудной водой.

Чего только не увидишь на Шикотане! Представьте: океан, торжественный и величественный, как органный концерт, — и тут же, на высоком берегу, сенокос. Простой, будничный. Правда, косят не траву, а молодой бамбук. Нерпа весело кувыркается метрах в ста от берега. Бакланы кричат. И коровы разгуливают — лениво жуют, им нет дела до всего этого океанского великолепия. Дочка смотрителя маяка Ирочка Назарьева, гражданка мыса Край Света, рассказывает нам, какую большую рыбу поймал вчера папа и какой смешной дядя Жилин, какие он интересные игры придумывает для нее и ее подружки Оли. А далеко-далеко, где-то на горизонте, дымит японский лесовоз, как говорят моряки, «шагает» из Красногорска — это на Сахалине — в Немуро — это уже Хоккайдо.

На берегу океана, в живописной бухточке, я нашел среди выброшенных на берег обломков дерева, морской капусты, водорослей пластиковую крышку от термоса. На ней было написано по-английски: «Kinbato Co Ltd Osaka».

— Здесь то и дело такие вещи попадаются,— сказал Саша Мальцев.— Черепки чашек японских, сандалии, приборы навигационные... Японские шхуны часто гибнут в океане. Еще бы, скорлупки фактически. Если их шторм сильный застал,— пиши пропало.

Три дня назад, когда нас мотало на «Тобольске», я слышал по радио горькое и страшное сообщение о судьбе японских судов, застигнутых тайфуном «Кармен». Где-то не сработала метеослужба, что-то напутала авиаразведка американских ВВС, на данных которой строятся в Японии прогнозы для многих районов Тихого океана,—и произошла трагедия: семь судов затонули, двести восемь рыбаков не вернулись домой. Оделись в траур рыбацкие поселки в префектуре Сидзуока...

А сейчас солнце светило во всю мочь. Желтели на берегу, прямо в камнях, похожие на ромашки цветы с сочными матовыми стеблями и листьями. У тайфунов был выходной.

Мы стояли на берегу Тихого океана, такого красивого, такого спокойного. В руках у меня была крышка от японского термоса. То ли обронил ее по недосмотру хозяин, то ли случилось с ним что-то другое, о чем мы никогда не узнаем...

ГРАЖДАНИН СЕГОДНЯ НЕ ПРИДЕТ

В общем-то нам с погодой везло. И на Сахалине, когда мы летали к оленеводам и геологам; и на Шикотане, когда путешествовали по лесам и фотографировали девушек с рыбозавода — того самого рыбозавода, что снабжает Союз вкуснейшей сайрой; и на Кунашире, когда забирались на вулкан Тятя.

Но однажды мы узнали, что́ такое курильские туманы...

Были мы накануне на одном из островов в гостях у военных летчиков. Засиделись заполночь, и хозяева предложили: «Оставайтесь ночевать». Утром встали — сначала ничего не могли понять. Окно было занавешено чем-то очень серым и очень плотным. Как выяснилось, это был туман.

— Гражданин сегодня не придет,— сказали нам на командном пункте подразделения.— Вот так, братцы, придется еще погостить у нас.

Мы, собственно, совсем не были против. Но «гражданин» — так военные летчики называют самолет ГВФ—мог не прийти и завтра, и послезавтра, и еще много дней: нас предупреждали, что погода здесь коварная, а мы только легкомысленно посмеивались...

Погода не улучшалась вот уже неделю. Туман был настолько густой, что по узеньким деревянным тротуарам нужно было ходить весьма осторожно и бдительно, чтобы не столкнуться лбами со встречными пешеходами.

В один из дней мы зашли на КП. Бывали мы там часто. Сидели, болтали с дежурными летчиками, слушали истории — и курильские и прочие. Ребята здесь подобрались интересные, у каждого было что рассказать.

И вдруг в спокойную, очень спокойную атмосферу этакого мужского клуба врезалось коротко и строго:

— Внимание! Учебная тревога!

Оборвалась на полуслове какая-то веселая история. Командир, подполковник Николаев, произнес несколько фраз — о высоте, квадратах, направлении. И двое ребят умчались в туман. Взревели реактивные двигатели.

Оставшиеся в комнате смотрели на секундомер. Честное слово, за тот срок, за который те двое оказались в воздухе, не успеешь даже автомобиль выкатить из гаража...

Где-то в нашем районе на большой высоте шел по направлению к советской границе военный самолет, как это принято говорить, «одной иностранной державы». Локаторы «схватили» его, и теперь во многих пунктах люди с крылышками на погонах следили по экранам за незваным гостем. А те двое ребят, которые только что, не докурив сигарету, исчезли из этой комнаты, сейчас встречают его где-то возле линии границы.

— Нахожусь в заданном квадрате, нахожусь в заданном квадрате,— хрипловато, как по междугородному телефону, донеслось из динамика, стоявшего перед командиром.

— Поднимитесь выше...

— Вас понял, вас понял...

А потом светлая точка на экране локатора — нам это дали посмотреть — резко изменила направление полета и пошла обратно, уходя от линии границы и от двух других светлых точек, которые шли ей навстречу.

— Возвращайтесь,— сказал Николаев, выждав немного.

— Понял,— ответил динамик.

Через несколько минут ребята сели. Как это получилось, я не знаю, во всяком случае, в тумане ничего не было видно...

А еще через несколько минут после немногословного и четкого доклада была продолжена веселая история, прерванная этим эпизодом. Обычным эпизодом из жизни перехватчиков.

«ЗДЕСЬ НЕ РИО И НЕ МОСКВА...»

Один старый курилец, старый не возрастом, а здешней пропиской, говорил мне:

— О нас часто пишут: суровые, твердые, мужественные... Необыкновенные, вроде. А разве это правда? Здесь такие же люди, как везде.

Я не стал спорить с этим человеком, который в двадцать лет вышибал с Сахалина самураев, в двадцать пять — ходил на сейнерах за сельдью в гремящую Охотку, в тридцать пять — стал партийным работником, пережил страшный цунами 1952 года, поднимал людей, когда надо было бороться с наводнением, строить школу или искать в жестокую пургу заблудившуюся партию геологов.

Такие, как везде? Что ж, может быть, он и прав. И все же... Все же это верно подмечено в популярной на Курилах песенке:

Здесь не Рио и не Москва,
Здесь Курильские острова...

Да, здесь Курильские острова. Прекрасные. Иногда беспощадные. Но, как поется в той же песенке, «сюда неизменно манит это буйствие всех стихий».

Манит. И никуда от этого не уйдешь. Побывал хоть раз на Курилах—захочешь снова увидеться с ними. С океаном. С сопками. С вулканами. С людьми, которые такие же, как везде...

Курильские острова.

В. СЕДОВ

ТАЙНА

Когда рабочие удалили щебень, кучей набросанный у подножия одной из скал, стало ясно, что открыта еще одна царская гробница.

Археологи осторожно спустились по открывшейся им лестнице и оказались в подземном коридоре, поперек которого лежала необыкновенная дверь, покрытая листовым золотом.

Даже Дэвиса, возглавлявшего экспедицию, — а он раскапывал уже не первую могилу фараона — потрясло увиденное.

«Золото на полу, золото на стенах, золото в глубине гробницы, где стоит гроб, золото яркое и светлое»,— писал руководитель службы древностей египетского правительства, известный востоковед Масперо о подземном склепе.

Золото поблескивало на стенках огромного, раскрытого, видимо, еще в древние времена, деревянного ящика, под которым некогда находился гроб, украшенный листовым золотом с разноцветными вставками.

В головах гроба-чехла, сделанного в форме человеческого тела, добрая половина покрывавшего его лицо золотого листа оказалась сорванной. Время тоже оставило свои следы: сквозь щель в потолке просочилась вода, разрушившая дерево в гробнице. Ложе под гробом, прогнив, рухнуло, крышка гроба раскололась, и из него виднелась голова мумии. Ее украшал короткий «парик», который в давние египетские времена носили мужчины и женщины. Левая рука лежала на груди, а правая вытянута вдоль тела, причем на каждой были надеты по три золотых браслета, украшенных драгоценными камнями. Над лбом красовался бронзовый позолоченный урей (знак царского достоинства), а на шее — большое ожерелье с золотыми подвесками. При первом же прикосновении мумия рассыпалась, и от нее остался лишь скелет...

Рядом в нише стояли четыре алебастровых сосуда — канопа, увенчанных изваяниями человеческих голов. В канопах, согласно древнему ритуалу, должны были быть захоронены внутренности умершего, тело которого, если бы их не вынули, нельзя было мумифицировать.

Это открытие произошло в 1907 году. Гробницу раскопали в Долине царей, расположенной в диком каменном ущелье на западном берегу Нила, в районе города Нэ, более известного под его греческим названием — Фивы.

Здесь, в Долине царей, похоронили тридцать царственных особ. До этого были раскопаны гробницы ряда фараонов, а позднее, в 1922 году, обнаружена гробница фараона Тутанхамона.

Кто же захоронен в «Золотом гробу»!

Этот вопрос, разумеется, возник перед археологами тотчас же, когда они сделали свою необыкновенную находку. Казалось, что на вопрос должны были ответить надписи на гробе-чехле. В них говорилось о человеке со званием царя, который «жил правдой», о царе «большом по веку своему». Все эти титулы могли относиться только к фараону-солнцепоклоннику Аменхотепу IV, совершившему грандиозный религиозный переворот.

По приказу «сына солнца» Аменхотепа были упразднены культы ряда других божеств, уничтожены даже знаки письма, входившие в состав имен этих богов. Особенным гонениям подвергся прежний главный бог, Амон,— царь остальных богов. Его имя стали выскабливать даже на памятниках.

«Эта эпоха,— писал академик В. В. Струве,— была узловой в истории Древнего Египта. Переворот Аменхотепа IV затронул едва ли не все стороны тогдашней египетской действительности: общественный и государственный строй, быт, верования, искусство, письменность и язык».

Зверски расправлялся фараон с ослушниками. Он помыкал народом без всякого стеснения. Гнев его настигал не только деятелей предыдущего царствования, но также — и притом, пожалуй, в большей степени — собственных сподвижников, еще недавно стоявших у власти и пользовавшихся доверием фараона. Согбенные спины, раболепно прикованные к нему взоры, хвалебно воздетые руки — вот о чем рассказывали старинные рисунки и летописи на камнях. Это видел вокруг себя Аменхотеп IV — самовластнейший из фараонов...

...На семнадцатом году своего правления он умер. Вскоре, при фараоне Тутанхамоне, восторжествовала реакция. Рухнула идея универсальной религии. Снова на первое место вышли Фивы, снова обрели власть жрецы, а сам Аменхотеп IV был объявлен чем-то вроде еретика.

Исследователей, обнаруживших «Золотой гроб», поразило, что в надписях на гробе почему-то было уничтожено имя того, для кого гроб предназначался. И надписи на погребальных сосудах были — увы!—начисто стерты. Но, судя по изваяниям женских головок, гроб первоначально предназначался для какой-то царственной женщины.

Два хирурга тут же, на месте, подтвердили: скелет как будто не мужской. Но эта версия просуществовала недолго. Когда находка Дэвиса попала в Каирский музей, при медицинском обследовании было установлено, что в «Золотом гробу» лежали останки молодого мужчины. При этом вспомнили и об изображениях Аменхотепа IV. Профессор анатомии Смит, занимавшийся изучением египетских мумий, отметил, что и сам Аменхотеп IV и его жена красавица Нефертити, равно как и шесть их дочерей, изображались скульпторами и художниками той эпохи честно, со всеми присущими им физическими недостатками. В частности, у фараона была чрезмерно удлиненная голова, заостренный, свешивавшийся вниз подбородок, отвислый живот, женоподобный таз, непропорционально тонкие руки и ноги. С этим как будто согласовывались размеры частей скелета, находившегося в «Золотом гробу»: выступающий, выпяченный назад череп, небольшой рост, хрупкое телосложение, очень широкий таз... Произведенное позднее сравнение черепа человека из «Золотого гроба» с черепом фараона Тутанхамона, который, по некоторым данным, считается сыном Аменхотепа IV или, во всяком случае, его близким родственником, показало, что у них есть сходство. Оба черепа отличались своеобразием строения, не часто встречающимся в анатомии. Попутно медики установили, что человек, останки которого покоились в «Золотом гробу», страдал каким-то эндокринным заболеванием, тормозящим сращивание костей, вследствие чего возраст покойника определить точно было очень трудно.

Итак, ученые обнаружили мумию Аменхотепа IV?

Две гробницы Аменхотепа

В тайну Древнего Египта пытаются проникнуть не только египтологи, но и писатели. Элен Херинг из ГДР посвятила свой роман судьбе Тутмоса — придворного скульптора фараона Аменхотепа IV. Ее вдохновила необычайная находка, сделанная в 1912 году при раскопках в Эль-Амарне, где была обнаружена скульптурная мастерская, а в ней — скульптуры Нефертити, Аменхотепа IV и их дочерей. При раскопках в куче мусора нашли крышечку от ларца из слоновой кости, на которой имелась надпись: «Начальник работ скульптор Тутмос». И хотя об этом человеке больше ничего не известно не было, слова эти легли в основу романа о его жизни в давно ушедшие дни.

В романе мы как бы переносимся в далекие от наших дней годы, когда еще существовало великое царство Аменхотепа IV, когда рядом с ним на троне восседала красавица Нефертити.

В книге рассказывается о гробнице, которую строили для Аменхотепа IV.

...Двадцать ступеней вели вниз, в глубь горы. Свита, сопровождавшая фараона в его последний земной путь, должна была идти вниз по двум узким лестницам. Они заканчивались небольшим помещением, из которого начинался длинный подземный ход. Он приводил в квадратную комнату длиной и шириной около 8 локтей и такой же высоты. Рядом была вырублена в скале погребальная камера для царицы.

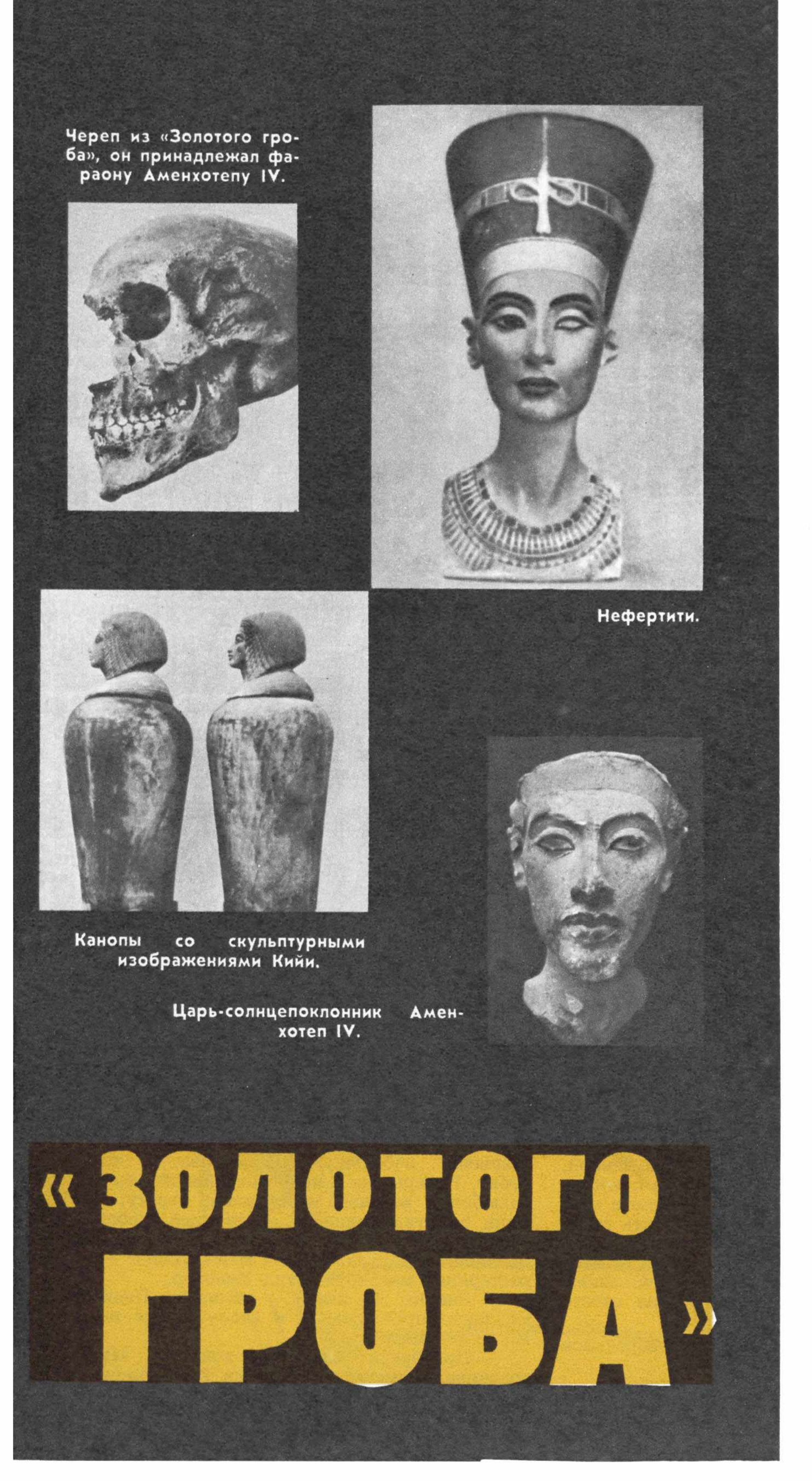
Но не в этой гробнице найден «Золотой гроб». Он был обнаружен в Фивах. А гробницу, о которой пишет Херинг, нашли в Ахетатоне — столице солнцепоклонников. Она оказалась пустой.

Разгадка пришла

Вот уже почти полстолетия тайна «Золотого гроба» волнует египто-

«Золотой гроб».

Вот она, соперница Нефертити.

Череп из «Золотого гроба», он принадлежал фараону Аменхотепу IV.

Нефертити.

Канопы со скульптурными изображениями Кийи.

Царь-солнцепоклонник Аменхотеп IV.

«ЗОЛОТОГО ГРОБА»

логов: для кого первоначально предназначался «Золотой гроб»? Кому принадлежали погребальные сосуды, увенчанные тонко изваянными головками неизвестной царственной особы?

Разгадку этих тайн мы находим в новых, готовящихся к печати работах советского ученого Ю. Я. Перепелкина — старшего научного сотрудника Ленинградского отделения Института народов Азии Академии наук СССР.

Об эпохе солнцепоклоннического переворота, происшедшего около 1400 года до н. э., рассказывает чрезвычайно обильный, но крайне разрозненный материал, во всей его совокупности недостаточно изученный египтологами. Об этой далекой эпохе повествуют иероглифические надписи на стенах гробниц вельмож, современников Аменхотепа IV, на скалах, окаймлявших столицу Ахетатон, каменные стелы, остатки стен, на которых высечены иероглифы, наконец, найденные при раскопках Эль-Амарны предметы быта.

И все же вопрос о сущности реформы «царя-еретика» оставался малообъясненным.

Ю. Я. Перепелкин пользовался материалами и публикациями ученых, участвовавших в раскопках египетских древностей, фотографиями памятников Древнего Египта из всех музеев мира. Исключительное знание древнеегипетского языка, как, впрочем, и многих других языков далекой древности, скрупулезное изучение особенностей языка и даже формы отдельных иероглифов — все это и позволило советскому египтологу увидеть то, что прошло мимо внимания его предшественников. Эти знания дали возможность с большой точностью установить ход переворота солнцепоклонников.

Сейчас Главная редакция восточной литературы издательства «Наука» готовит к печати первый том обширного труда Ю. Я. Перепелкина о перевороте Аменхотепа IV. Второй том должен быть издан вслед за первым.

Проделав огромную работу по изучению эпохи Аменхотепа IV, Юрий Яковлевич Перепелкин написал также книгу «Тайна «Золотого гроба».

Соперница прекрасной Нефертити

О красавице Нефертити известно немало. Отлично запомнился облик этой женщины, которая была столь возвеличена своим царственным супругом. Их необычайная любовь не раз привлекала к себе внимание поэтов и писателей. Аменхотеп клялся своей любовью к Нефертити точно так же, как клялся солнцем. На бесчисленных дошедших до нас памятниках, на гробницах, храмах, дворцах, плитах изображена эта любимица фараона.

Ни об одной другой царице за все предшествовавшие годы существования государства фараонов не известно ничего подобного.

Ю. Я. Перепелкин вызывает из мрака забвения новую примечательную историческую фигуру — женщину с необыкновенной судьбой. Он рассказывает о Кийе, которая не вызывала до сих пор у египтологов такого внимания, которое она заслуживает. Ее имя выгравировано лишь на двух сосудиках, хранящихся в нью-йоркском и лондонском музеях.

Кийя была соперницей Нефертити. Именно из-за нее так неожиданно омрачилась «вечная любовь» Аменхотепа IV. Отвергнутая Нефертити избегла судьбы многих других людей, ставших неугодными фараону, и осталась жива. Вот почему ее изображения продолжали украшать храмы и стены дворцов, вот почему слава о ней не угасла. О Кийе же ничего не было известно. Понятно, почему автор «Тайны «Золотого гроба» уделяет сопернице Нефертити столь большое внимание. Он воссоздает ее портрет: «Темные большие и длинные, немного раскосые глаза широко открыты и напряженно смотрят из-под густых черных бровей. Нос тонкий и прямой, с раздутыми ноздрями. Полные губы заметно выдаются и плотно сжаты. Есть что-то жгучее и суровое и в то же время вдохновенное в этой красоте, такой отличной от спокойной красоты царицы».

Этот портрет не выдуман. Он «списан» с тех самых головок на погребальных сосудах, которые были обнаружены вместе с «Золотым гробом».

Но не только головки на канопах позволяют восстановить образ новой возлюбленной Аменхотепа IV. Изображения Кийи и ее дочери имеются на камнях, обнаруженных при раскопках в Шмуне. Сравнение с другими памятниками позволило сделать на первый взгляд неожиданный вывод о том, что, после того как Кийя была отрешена, эти изображения стали «приписывать» третьей дочери Аменхотепа IV, Анхес-эн-па-атон, и ее ребенку. Надписи на камнях с этими изображениями были переделаны. Сами же изображения дошли до наших дней под чужим именем... В египтологии было принято считать, что на многих памятниках рядом с Аменхотепом IV изображен его соправитель, впоследствии ставший фараоном, Семнех-ке-ре. На самом деле, по всей видимости, рядом с Аменхотепом изображена Кийя.

Изучение материалов амарнской эпохи позволило советскому египтологу воссоздать некоторые подробности из жизни этой женщины.

Аменхотеп IV возвел ее в фараоны и присвоил своей новой жене знаки царского достоинства. Случилось это, вероятно, около 17-го, последнего года царствования фараона-реформатора. Женщина-фараон, хотя и с ограниченными правами,— факт редкостный. Однако ее правление длилось недолго. Кийя была свергнута Аменхотепом. Ее постигла трагическая судьба, даже имя было предано забвению. Понадобились три с половиной тысячи лет, чтобы о ней стало известно.

«Золотой гроб» первоначально предназначался для Кийи, для нее же были приготовлены и канопы. Но не ей было суждено покоиться в царственном гробу.

По иронии судьбы этот гроб и канопы были использованы для самого Аменхотепа IV, вскоре после смерти которого было упразднено созданное им солнцепоклонничество.

Каким же образом удалось разгадать тайну «Золотого гроба»?

Этому предшествовало решение другой задачи, которая в течение долгих десятилетий считалась решенной. На юге Ахетатона давно уже была раскопана царская усадьба, где обнаружили явно переделанные надписи, вырезанные на камне и первоначально относившиеся, как это казалось несомненным, к Нефертити. Как предполагали некоторые египтологи, в надписях стояло имя старшей дочери фараона, Меритатон. Отсюда и делался вывод, что к концу царствования Аменхотепа IV царица Нефертити впала в полную немилость у своего супруга и предназначенные ей памятники были отданы ее дочери. На самом деле это не так. Изображения и надписи ранее принадлежали совсем другому лицу...

Ю. Я. Перепелкин изучил надписи, обнаруженные при раскопках за оградой усадьбы, на свалке. Они были сделаны на известковых кусках и, по мнению ученых, производивших раскопки, служили моделями для надписей, которые затем должны были украсить стены зданий усадьбы.

Известковые куски-модели с частями надписей не привлекли к себе внимания исследователей, их скромно издали на одном небольшом фотоснимке, где все они вместе и были изображены. И никому в голову не приходило произвести сравнительный анализ надписей.

Когда же это было сделано и тексты заново и правильно прочитаны, они заговорили по-новому. На этих моделях, оказывается, были высечены титул и имя первоначальной хозяйки усадьбы — Кийи. Некоторые переделки надписей в усадьбе вполне совпадали с переделками надписей на «Золотом гробе». Это заставило Ю. Я. Перепелкина еще раз внимательно изучить их. И он обнаружил то, что так долго искали египтологи: внутри гроба следы первоначального титула и имени Кийи!

ГАЛИНЕ СЕРЕБРЯКОВОЙ — 60 ЛЕТ

Более тридцати лет тому назад в маленьком кабинете московской квартиры А. М. Горького сидела молодая темноволосая женщина. Волнуясь и робея, она призналась великому писателю, что задумала написать роман о жизни Маркса.

— Очень хорошо, если получится,— сказал Горький раздумчиво.— Однако трудненько такую глыбищу поднять. А важно и нужно. Помните одно: следует так писать о Марксе и Ленине, чтобы за мрамором памятников во всем величии вставали живые люди.

Так вспоминает эту знаменательную встречу со своим учителем и старшим другом писательница Галина Серебрякова.

Галина Иосифовна Серебрякова родилась 20 декабря 1905 года в Киеве в семье профессиональных революционеров-большевиков. В конце 1919 года, еще будучи школьницей, она ушла, вернее сказать, убежала, на фронт, вступила в ряды Коммунистической партии.

Первым крупным произведением Г. Серебряковой был сборник новелл «Женщины эпохи Французской революции» (1929).

В романе «Юность Маркса», изданном в 1934 году, исторически правдиво переданы живые черты молодого Маркса. Роман имел успех у читателей, получил одобрительные отзывы в печати. «Прометей — самый благородный святой и мученик в философском календаре»,— писал Маркс. Образ этого героя античной мифологии, похитившего у богов огонь и подарившего его людям, Маркс пронес в сердце через всю жизнь. Сравнение жизненного подвига Маркса с подвигом Прометея составляет лейтмотив трилогии Галины Серебряковой.

Первой книгой этой трилогии стал роман «Юность Маркса». Вторая книга — «Похищение огня» (1961) — посвящена зрелым годам жизни и деятельности Маркса. Третья, завершающая книга трилогии — «Вершины жизни» (1962) — повествует о последнем восемнадцатилетии.

Решающее достоинство трилогии «Прометей» — живой, яркий и выразительный образ Маркса — мыслителя, революционного вождя, человека.

Писательница по-прежнему творчески активна. Только на днях журнал «Октябрь» (№№ 11—12 за 1965 год) опубликовал ее новый роман о Фридрихе Энгельсе — «Предшествие». Вышел на экран интересный кинофильм о Марксе «Год, как жизнь», поставленный Григорием Рошалем по сценарию, созданному Г. Серебряковой в содружестве с Г. Рошалем. В ближайшее время в серии «Жизнь замечательных людей» появится принадлежащий перу Галины Серебряковой двухтомник — «Карл Маркс и Фридрих Энгельс».

Доцент Л. ЯКОБСОН

Уит МАСТЕРСОН Повесть Рисунки Е. ШУКАЕВА.

ПОЛНОЧЬ НАСТУПАЕТ ВНЕЗАПНО

«В два тридцать позвоню в полицию и все расскажу,— подумала Бив.— Больше я не выдержу».

Почти в ту же минуту она услышала, что к дому подошла машина, и выбежала на улицу. Пэнн выглядел осунувшимся и измученным.

— Ничего не произошло,— мрачно сообщил он.— Ложная тревога. Я просидел в этом паршивом баре до самого закрытия, но никто не пытался со мной заговорить, я не видел ни одной знакомой физиономии.

— Но ты уверен, что... Ведь в письме говорится...

— Возможно, человек чего-то испугался,— вяло пожал плечами Пэнн.— А может, за мной наблюдают. В общем, я знаю не больше, чем ты.

— Выпьешь чего-нибудь? У тебя такой усталый вид.

— Спать хочу смертельно. Осточертело думать об одном и том же.

Бив тоже чувствовала себя измученной, но уснуть не могла и долго лежала с открытыми глазами. В таинственной темноте комнаты ее с новой силой стали терзать подозрения. А что, если с Джимом все же что-то произошло в «Штопоре» и он утаил от нее? Он так долго не возвращался. Кто знает, не встретил ли он кого-нибудь из своего прошлого...

Рядом в тревожном сне ворочался Пэнн.

На следующее утро Пэнн пришел на работу раньше обычного, мрачный, озабоченный, заранее готовясь к очередной неприятности. К его удивлению, на письменном столе ничего не оказалось, и он тут же позвонил Норе по внутреннему телефону.

— Разве почта еще не поступала?

— Н-нет... то есть да. Но ничего важного не было...— Нора умолкла и спустя минуту появилась в дверях его кабинета. Он заметил, как она бледна.— Мистер Пэнн, я должна поговорить с вами.

— Пожалуйста.

Нора прикрыла дверь, прислонилась к ней и, к изумлению Пэнна, разрыдалась.

— Я не могу так работать! — сквозь слезы проговорила она.— Я всегда добросовестно относилась к своим обязанностям, но шпионить за своим начальником... Я не могу выполнять требование мистера Коновера!

— Он требует шпионить за мной?

Нора кивнула и достала из кармана юбки пачку писем.

— Он велел все письма показывать ему, а уж потом передавать вам. Он говорил, что этого требуют интересы фирмы.

Пэнн взял пачку из трясущихся рук Норы. Письмо, которого он ждал с таким трепетом, лежало сверху. Судя по штемпелю, оно было опущено в ящик в деловой части города в час двадцать минут ночи. Пэнн вскрыл конверт.

«Вас предупреждали: не приводить с собой никого из посторонних. Вы рискуете жизнью».

Встревоженная Нора не спускала с него глаз.

— Я не вскрывала письмо, мистер Пэнн.

Он успокаивающе похлопал ее по плечу.

— Спасибо, Нора. Пожалуй, придется немножко побеседовать с мистером Коновером.

Поднимаясь в лифте на пятый этаж, Пэнн с трудом подавил желание избить Коновера. Силой ничего не добьешься, а вот поставить его в неловкое положение можно, и это будет даже лучше. Пэнн без стука распахнул дверь кабинета и в изумлении остановился на пороге.

Коновер стоял за письменным столом и закрывал небольшую продолговатую коробку. На крышке с яркой картинкой — трудолюбивый ребенок, набирающий газету,— Пэнн заметил надпись: «Печатный набор Хэнди Энди».

— Ну и напугал же ты меня, Джим! — растерянно мигая, заметил Коновер.

— Значит, мы квиты,— отозвался Пэнн, медленно приближаясь к столу.— Где вы взяли эту вещь?

— Приобрела заводская полиция. Мы сравнивали шрифт с оттисками букв в письме, которое ты получил.— Коновер спрятал коробку в стол.— Шрифты идентичные, да что толку? Такие наборы можно купить в любом магазине... Что это ты пожаловал так рано?

Пэнн достал вторую анонимку, и Коновер, продолжая стоять, прочел ее. Слушая объяснение Пэнна, он хмурился все больше и больше.

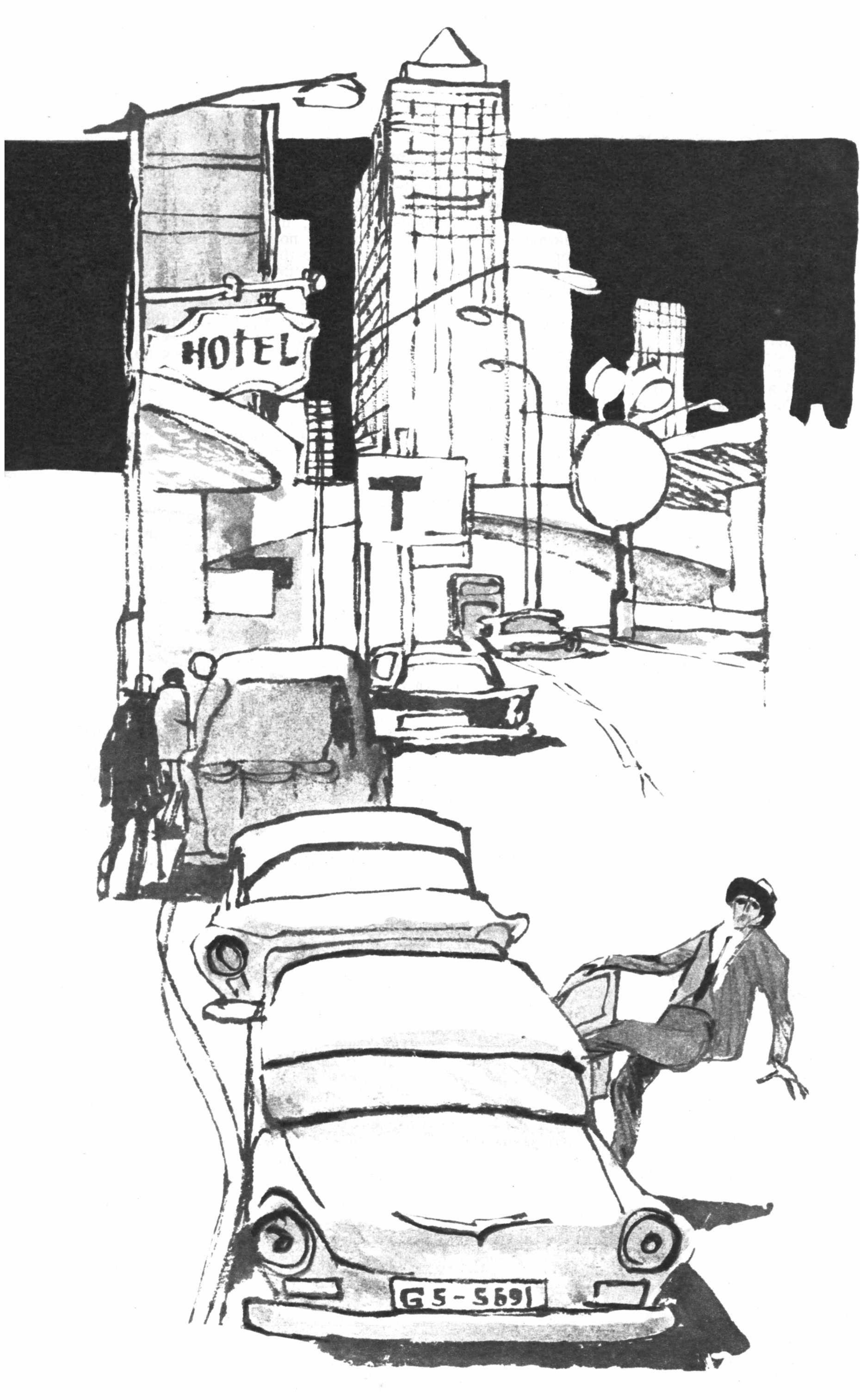
— Не нравится мне это, Джим,— проговорил наконец он.— Зачем ты вообще пошел на свидание? А уж если пошел, так почему не предупредил никого из нас? Глупо, очень глупо.

— Пожалуй, я согласен с вами, но совсем по другим причинам.— Пэнн протянул Коноверу третье, только что полученное письмо.— По-моему, наиболее интересная деталь в нем — почтовый штемпель. Обратите внимание на время. Очевидно, тот, кто писал письмо, вчера вечером даже близко не подходил к «Штопору». У него просто не хватило бы времени приехать в бар, испугаться, скрыться, напечатать письмо и в половине второго ночи отправить его.

— Тогда не вижу смысла в этих письмах.

— Смысл есть, если тот, кто их пишет, пытается не шантажировать, а лишь терроризировать меня. Представляете, что значит проторчать целый час в незнакомом,

Продолжение. См. «Огонек» № 50.

сомнительном месте, поздней ночью, нервничая и ожидая черт знает чего?

— Нет, нет, тебе не следовало туда ходить! — решительно сказал Коновер.— Ты рискуешь большим, чем свое спокойствие.

— Я должен до конца разобраться во всем. Разве это не общая наша цель?

— Разумеется. Но сделать это нужно деликатно, как полагается.— Коновер склонил голову набок и некоторое время пристально смотрел на Пэнна.— Что-то раньше я не замечал у тебя этих шрамов, Джим.

— Получил во время войны. Следы осколков. О них говорится в моем послужном деле. Можете навести справки в Вашингтоне.

— Не обязательно, Джим, не обязательно! — деланно засмеялся Коновер.— Не будь таким раздражительным.

— Пытаюсь.— Пэнн направился к двери, но вдруг остановился и вновь посмотрел на Коновера.— Кстати, я посылаю вам докладную с просьбой прибавить жалованье моей секретарше. Исключительно добросовестный работник. Можете себе представить, прихожу я сегодня чуть свет на службу, а она уже сидит на своем месте и разбирает почту.

Некоторое время Коновер и Пэнн молча смотрели друг на друга, потом Коновер смущенно заметил:

— Ты, разумеется, прав. Такую преданность своему начальнику надо поощрять.

— Не сомневался в вашем ответе,— дружески улыбнулся Пэнн.

После этой маленькой победы над Коновером настроение Пэнна улучшилось, и он более спокойно, словно ничего не происходило, занялся заказами. И все же Пэнн почувствовал дикий страх, когда в разгаре работы услышал звонок телефона. Но это звонил Клив Холледей, и Пэнн снова успокоился.

— Понимаете, нам нужно что-то решать с площадкой для гольфа около четырнадцатой лунки.

— А что с ней?

— Некоторые члены клуба считают, что не мешало бы заменить дерн. Ежегодный турнир состоится примерно через месяц, а ведь вы председатель турнирного комитета. Пожалуй, сейчас самое время решить, где и что нужно сделать.

Пэнн хотел ответить, что очень занят, но заколебался. Ежегодный турнир в гольф — основное спортивное событие в жизни клуба, и председателю турнирного комитета было бы не к лицу снимать с себя ответственность.

— Вы, пожалуй, правы. Я мог бы подъехать на площадку в обеденный перерыв. Час дня вас устроит?

— Вполне,— ответил Холледей и добавил: — Если у вас мало времени, можете оставить машину на Розовом бульваре и пройти к четырнадцатой лунке более коротким путем, прямо через поле.

— Дельная мысль,— одобрил Пэнн.— Значит, в час.

— Буду ждать.

Шел первый час дня, когда Тарджен оставил машину на автостоянке, расположенной в нескольких минутах ходьбы от гостиницы «Риджуэй». Машину он взял сегодня утром напрокат. Ее безупречный внешний вид не устроил Тарджена, и теперь машина не казалась такой комфортабельной: буфера, хромированные детали, номерные знаки были слегка замазаны грязью. Совсем немного грязи (чтобы не бросалось в глаза), и вот уже цифра «4» при беглом взгляде выглядит, как «1», а буква «В», как «Б».

Тарджен пытался предусмотреть все.

Айлин Менке остановилась в триста девятнадцатом номере. Он тихо постучал в дверь, и женский голос осторожно осведомился: «Кто там?» Тарджен ответил: «Лас-Вегас»,— и дверь тут же открылась.

— А я-то ломаю голову, где вы запропастились! — с раздражением проговорила Айлин Менке.— Звонила вам все утро.

— Я же сказал, что сам найду вас,— ответил Тарджен, внимательно рассматривая женщину. Это была высокая, стройная особа, с коротко подстриженными, очень светлыми волосами, уже не первой молодости, но с хорошо сохранившейся фигурой, подчеркнутой тонким пеньюаром. На сцене или в мягком полусвете ночного клуба Айлин Менке привлекла бы внимание любого мужчины.— Вам не терпится поскорее приступить к делу? — поинтересовался Тарджен.

— Целых пять лет я ждала наступления дня, который станет для Рейхо последним, а теперь не могу ждать и минуты.

— Ненависть так и брызжет из вас,— заметил Тарджен.

— Еще бы! А как бы вы относились к человеку, который разливался перед вами соловьем, а потом смылся и оставил вас при пиковом интересе?

— Ну, для болтуна он устроился совсем недурно. У него хорошенький домик в пригороде, высокооплачиваемая работа, он член загородного клуба. Настоящий столп общества... Кстати,— лениво добавил Тарджен,— он обзавелся красивой женой-брюнеткой.

— Прекрасно,— процедила Айлин.— Выходит, он наслаждался жизнью, а я билась как рыба об лед, мне всюду отказывали в

ангажементе, и все из-за него. А он-то, значит, жил припеваючи!

— Через сорок минут вам представится возможность излить ему свою душу,— заметил Тарджен, взглянув на карманные часы.— В час дня Пэнн, он же Рейхо, будет в своем клубе на площадке для гольфа, у четырнадцатой лунки. Можете с ним повидаться.

— Что? — вырвалось у Айлин.— Вы в своем уме? Посоветуйте еще подойти к нему и осведомиться о его драгоценном здоровье. Вы что, хотите, чтоб меня прикончили, как Гемайла?

Тарджен вынул из кармана карту и разложил ее на кровати.

— Вот площадка для гольфа. Вдоль нее проходит дорога, ее называют Розовый бульвар, и четырнадцатая лунка находится примерно вот здесь. Между дорогой и площадкой растут кусты и деревья — отсюда вы и будете наблюдать. Рейхо ничего не заподозрит.

— Вы думаете? А мне ваш план не нравится.

— Наплевать! Это никого не интересует,— бросил Тарджен таким тоном, что Айлин Менке попятилась. Из другого кармана пиджака он достал маленький театральный бинокль.— Можете воспользоваться, если боитесь оказаться слишком близко к своему бывшему дружку.

— Ну что ж, хорошо,— прошептала женщина.— Если, по-вашему, так надо. А сейчас оставьте меня одну, мне нужно одеться.

— Я побуду здесь,— холодно улыбнулся Тарджен.— Мне все равно нечего делать, пока вы не опознаете Рейхо.

Закончив осмотр площадки около четырнадцатой лунки, Пэнн через поле вернулся на Розовый бульвар и уже держал в руке ключ от своего автомобиля, когда резкий гудок заставил его обернуться. Почти рядом с ним остановился их собственный автофургончик; за рулем сидела Бив, и Пэнн, широко улыбаясь, быстро направился к ней.

— Привет, родная,— сказал он, открывая дверцу.— Вот сюрприз!

Бив натянуто улыбнулась.

— Не сомневаюсь, дорогой.

Пэнн знал, что подобное обращение предвещает грозу. Он проскользнул на сиденье рядом с женой.

— Что случилось?

— Именно это я и хочу знать.— Бив даже не взглянула на него, нервно водя пальцем по приборной доске.— Мы же интеллигентные люди, правда? И мы должны верить друг другу. Никогда не думала, что ты способен завести шашни с другой женщиной...

— Может, ты объяснишь, в чем дело?

— Не перебивай. Между тем, если ты встречаешься в кустах со своей приятельницей...

— С приятельницей? — растерянно замигал Пэнн.— Что ты хочешь сказать? — Он взял ее за плечи и заставил повернуться к себе.— Послушай, я не знаю, в чем ты меня подозреваешь, но я приехал сюда, чтобы осмотреть площадку для гольфа.

— Да, да.— Бив горестно отвернула голову.— И она приехала сюда за тем же.

— Она?!

— Да, мой дорогой. Очень светлая блондинка в меховом манто — она вышла из кустов как раз перед твоим появлением... Не беспокойся и не ищи. Ее уже нет. Уехала в такси, которое стояло рядом с твоей машиной.

— Перестань загадывать загадки! — вспылил Пэнн.— Клянусь, я первый раз слышу о какой-то блондинке.

Бив вежливо кивнула и взглянула на часики.

— Извини, но через десять минут у меня заседание в клубе.

— Ты не веришь мне? — хрипло спросил Пэнн.

— А я должна верить?

— Ты же сама говорила... Ведь ты моя жена.

Она наконец посмотрела на него, и холодное выражение на ее лице начало таять. Уголки губ Бив трагически опустились, она обвила руками шею мужа.

— Конечно, Джим, я люблю тебя. Но за последние дни я так издергалась. Эти анонимки...

— Понимаю.— Пэнн поцеловал жену.— Понимаю и не обижаюсь.

Бив подняла голову.

— Мне так стыдно! Ты знаешь, как я здесь оказалась? Я следила за тобой. Приехала на завод, хотела появиться внезапно и предложить пообедать вдвоем. А ты как раз собирался уезжать и... ну, мне захотелось узнать, куда именно. Ты презираешь меня, да?

— Наверно, оба мы сейчас не отдаем себе отчета в своих поступках,— заметил Пэнн, задумчиво разглядывая площадку для гольфа.— Как все же странно: ведешь спокойный образ жизни, все кажется тебе радужным, ясным, привычным. Но вот внезапно наступает полночь, и все начинаешь видеть совсем по-другому.

— Ты только не забывай, что я всегда с тобой,— попросила Бив, прижимаясь к мужу.

«Она, к сожалению, не заметила номера такси»,— подумал Пэнн, а вслух произнес:

— Не понимаю, кому и зачем надо следить за мной. Жаль, я не видел ее. Вчера вечером в «Штопоре» я не заметил никакой светлой блондинки. Возможно, эта женщина и есть тот самый человек, которого имеет в виду наш друг — любитель писать письма? — И Пэнн рассказал жене об утреннем письме, в котором его обвиняли в том, что он пришел на свидание не один.

— Джим, мы должны что-то предпринять... Я... я боюсь.

— Не бойся, родная.— Пэнн крепко обнял жену.— Возможно, это даже хорошо, когда с нами случается вот такая беда. Это заставляет задуматься. Сегодня я почти весь день размышлял — вроде бы писал завещание — и убедился, что у меня никого и ничего нет, кроме тебя. Ты самое дорогое, что есть у меня. Потом я подумал: а почему бы не иметь большего, скажем, семью? Как, по-твоему, Бив, не пришло ли время создать настоящую семью?

— Да, да, конечно!

— Вот и хорошо.— Они смущенно улыбнулись друг другу, и оба почувствовали себя успокоенными.— Ну, а теперь, решив вопрос о будущем, давай займемся настоящим и назначим свидание сегодня вечером. Мы поужинаем в клубе, потанцуем и... впрочем, дальше будет видно.

Они еще раз горячо поцеловались.

— Итак, встретимся в клубе около шести. Берегись, я буду неотразим!

Тарджен валялся на кровати, когда Айлин Менке открыла своим ключом дверь и вошла в номер. Не поднимаясь, он спросил:

— Не был?

— Был. Я задержалась внизу, в баре, выпить рюмку вина.— Айлин подошла к туалетному столику и положила сумочку. На толстяка она даже не взглянула.— А выпить мне было просто необходимо.

— Так что же? — резко спросил Тарджен.— Он это или не он?

Айлин повернулась к нему.

— Он,— тихо ответила она.— Не знаю почему, но меня словно что-то ударило, когда я снова увидела его. Я была прямо-таки потрясена.

— Вы не ошиблись?

— Нет. Он, конечно, изменил цвет волос и форму носа, но все же это Рейхо. Я никогда его не забуду.

Тарджен спустил ноги с кровати и потер руки.

— Это все, что мне нужно знать,— почти промурлыкал он.

— У меня даже мурашки поползли по спине,— продолжала Айлин, не обращая внимания на Тарджена.— После стольких лет я оказалась так близко от него, что могла бы дотронуться рукой, а он ничего не подозревал, вел себя так, словно я была за миллионы миль.

— Он вас не заметил?

Айлин покачала головой.

— И что же вы будете делать дальше? — спросила она.

— Сумерки наступают около шести.— Тарджен прошелся по номеру.— Нужно както провести остающиеся четыре часа, а затем...— Тарджен медленно согнул указательный палец на правой руке.

Он взял свою шляпу и обратился к Айлин:

— Сложите вещи и улетайте на самолете в полночь. А теперь верните карту и бинокль — не люблю оставлять следы.

Джим Пэнн ушел со службы в половине шестого; перед тем как отправиться в клуб, он решил заглянуть домой. На полдороге он почувствовал, что за ним кто-то следит. В сгущающихся сумерках трудно было установить, кто именно, но какая-то машина— Пэнн определил это по свету фар — с такой неотступностью следовала за ним, что ни о какой случайности не могло быть и речи. Снова блондинка? Или кто-нибудь еще?

Продолжая вести машину, Пэнн то мрачно посматривал в зеркальце, то переводил взгляд на шоссе. Собственно, ему бы надо было испытывать страх, но он его не испытывал. «Ты сам напрашиваешься на неприятности,— бормотал он, обращаясь к своему преследователю.— Что ж, ты их получишь».

Но время шло, а удобного случая осуществить свою угрозу Пэнну не представлялось; едва он замедлял ход, как неизвестный делал то же самое. В конце концов Пэнн решил, что попытается заманить его в ловушку, когда они подъедут к дому. К нему вела подъездная аллея, окаймленная с одной стороны живой изгородью, достаточно высокой, чтобы укрыть машину. За два-три квартала от дома Пэнн прибавил скорость и оторвался от своего преследователя, выиграв несколько мгновений. Он свернул в подъездную аллею, спрятал машину за кустарником и, не выключая мотора, погасил фары.

Ему не пришлось долго ждать. Спустя минуту следовавший за ним автомобиль медленно приблизился к повороту на аллею.

«Пора!» — подумал Пэнн и задним ходом, багажником вперед, быстро выехал на улицу. Завизжали тормоза, послышался удар и скрежет металла. Пэнн выскочил из автомобиля и, обогнув его, бросился к другой машине. За ее рулем сидел... Шоули. Он с насмешливой улыбкой посматривал на Пэнна.

— Ну хорошо,— обратился к нему Пэнн,— вы сами все расскажете, или мне придется выколачивать из вас объяснение?

— Думаю, что не понадобится.— Шоули был не столько смущен, сколько огорчен.— Да, я следил за вами. По распоряжению мистера Коновера.

— Понятно. Что ж, будем считать, что вы со своей задачей справились, а потому проваливайте.— Он сел в машину и отвел ее в гараж, но, выходя из него, обнаружил, что Шоули поджидает на площадке перед домом.— Что вам еще?

— Хочу провести с вами конференцию на высшем уровне.

— Я уезжаю,— сухо ответил Пэнн, открывая дверь, и через плечо добавил: — В клуб, поужинать вместе с женой. Не забудьте доложить Коноверу.

— Пусть сам беспокоится,— отозвался Шоули и, не ожидая приглашения, прошел вслед за Пэнном в дом.— М-да... Неплохо устроились. Где тут у вас выпивка?

— Ищите. На то вы и детектив.— Пэнн скрылся в спальне, но, пока он переодевался, туда не спеша вошел Шоули со стаканом виски в руке.— Послушайте, что вам в конце концов нужно?

— Профессиональное любопытство. Как вы узнали, что я слежу за вами? Старею, должно быть, старею!

— Возможно. А возможно, это анонимки так взвинтили меня, что я хожу и оглядываюсь. Вы тоже были участником сегодняшнего парада на площадке для гольфа?

— Грешен. Но потом я упустил вас из виду: покрышка у автомобиля лопнула.— Шоули отыскал место, откуда мог наблюдать за Пэнном в зеркало.— Пожалуй, вы вправе сердиться. Но, по-моему, мы с вами в одном лагере.

— Перестаньте, Шоули! Вы же холуй Коновера.

— Я работаю на фирму, а не на Коновера. Кстати, если вас это интересует, то я не одобряю поведения вице-президента фирмы.

Пэнн взглянул на Шоули без прежней враждебности.

— Вот уж не думал, что и у вас есть какие-то принципы. Удивляюсь.

— При чем тут принципы! Я говорю с профессиональной точки зрения. Коновер допускает ошибку, уделяя все внимание вам. Надо искать того, кто отправлял письма.— Шоули усмехнулся.— Конечно, если их писали не вы сами... А если вы, то Коновер значительно умнее, чем я думал.

— Почему я должен писать самому себе?

— Не знаю. Вот потому-то я и считаю, что Коновер ошибается. Знаете, Пэнн, как многие другие детективы, я часто действую интуитивно. И сейчас что-то подсказывает мне, что во всей этой истории вы всего лишь козел отпущения.

— Иными словами, просто у меня не хватит духу на какое-нибудь темное дело?

— Просто вы не тот тип. Я пытался что-нибудь выудить о вас у своих дружков из полиции. Куда там! Стоило только сказать, еще не называя вас, что речь идет об ответственном служащем авиационной фирмы, как они заговорили об убийстве Винсента Гемайла. Пришлось замолчать: не мог же я упоминать ваше имя в момент, когда идет расследование убийства. И все же я задумался. Нет ли тут в самом деле какой-нибудь связи?

— Между убийством Гемайла и анонимками? Мне и в голову не приходила такая мысль.— Пэнн нахмурился.— Я ничего не знаю о Гемайле, во всяком случае, не больше того, что болтают о нем в клубе.

— Жаль,— заметил Шоули, пристально разглядывая виски на свет.

— Возможно, кое-что нетрудно будет разузнать. Я довольно близко знаком с Уэйном Александером и мог бы зайти к нему и поговорить по-приятельски...— Он внезапно умолк и внимательно посмотрел на Шоули.— Сдается мне, что ради этого вы и затеяли наш разговор.

— Ну вот, а я-то думал, что вы не поймете,— ухмыльнулся Шоули. Он поставил на стол пустой стакан.— Потом расскажете мне, чем закончится ваш визит.

...— Уэйн в своем кабинете,— сказала Джун Александер, открыв Пэнну дверь.— Вы знаете, как пройти.

— Надеюсь, я не помешаю ему?

— Нет, нет, он разбирает месячные счета и будет рад увидеть дружеское лицо.— Она слабо улыбнулась.— Надеюсь, вы понимаете, о чем я говорю.

Уэйн Александер удивленно взглянул на Пэнна, постучавшего в открытую дверь. Это был серьезный на вид человек примерно такого же возраста, что и Пэнн.

— Вот сюрприз! Заходите.— Он показал на низенький, покрытый счетами столик около своего кресла.— Выполняю домашнее задание.

— Я, кажется, помешал вам, извините.

— Что вы! Я с удовольствием брошу это занятие. Что вас интересует, Джим?

Пэнн сел. Он сразу заметил, каким утомленным выглядит Александер, и подумал, что, наверное, и сам-то выглядит не лучше.

— Я хочу попросить вас рассказать мне все, что вы знаете о Гемайле.

— И ты, Брут? — Александер вздохнул и провел рукой по лицу.— Пожалуй, придется заказать пластинку и всякий раз проигрывать ее, чтобы не повторять без конца одно и то же. Ну хорошо. Что именно вы хотите знать?

— Все. Я пытаюсь выяснить одну вещь, и ваш рассказ, возможно, поможет мне в какой-то мере.

Александеру, видимо, так надоела вся эта история, что он не проявил никакого любопытства и равнодушно пересказал известные ему подробности. Винсент Гемайл, которого Александер знал только как владельца участка земли, расположенного по соседству с его участком в штате Невада, намеревался продать ему часть своей земли и с этой целью приехал в город. Александер пригласил его обедать, а затем, желая развлечь гостя, повез в загородный клуб на танцы. В разгар вечера Гемайл вдруг извинился, вернулся в дом Александера за своим портфелем и хотел уехать, но был убит выстрелом из револьвера в тот момент, когда выводил машину из аллеи.

— Вот и все,— закончил Александер.— Я и сейчас знаю не больше, чем в тот день, когда это произошло. Вы что-нибудь понимаете, Джим?

Пэнн недоумевающе пожал плечами, безуспешно пытаясь установить связь между убийством Гемайла и анонимными письмами.

— Вот и я тоже,— с горечью произнес Александер. Он рассеянно взглянул на лежавший сверху счет, внимательно вгляделся в него и удивленно поднял брови.— Джун! — крикнул он жене, занятой чем-то в соседней комнате.— Что это за счет? С кем из Лас-Вегаса ты разговаривала по телефону в...— Александер умолк.— Странно.

— Что странно?

— Этот междугородный разговор по телефону с Лас-Вегасом... Он состоялся в тот же день, когда был убит Гемайл.

— Минуточку. Может, Гемайл, вернувшись за портфелем, успел позвонить кому-то в Лас-Вегас?

— Возможно. Все остальное время мы были вместе.

— В таком случае его телефонный разговор может иметь какое-то отношение к убийству.— Пэнн взволнованно встал.— И он мог что-нибудь записать на блокноте у телефона или...

Александер с сожалением покачал головой.

— Вряд ли, но если и записал, то мы уже все выбросили... Хотя подождите! Он мог говорить по телефону из комнаты для гостей... Конечно! Давайте посмотрим.

Александер и Пэнн поспешно поднялись на второй этаж, но их ожидало разочарование: блокнот около телефона был чист.

— Я совсем забыл,— сокрушенно пробормотал Александер,— полицейские тщательно обыскали комнату. Если что-то и было, то они, несомненно, заметили.

Однако Пэнн, чувствуя, как ускользает

от него мелькнувшая было надежда, не хотел смириться так легко.

— Но если он не пользовался блокнотом, то где еще...— Он замолчал и торопливо схватил телефонный справочник. Изданная совсем недавно книга уже была испещрена наспех нацарапанными надписями, фамилиями, номерами и просто каракулями.

Пэнн протянул справочник Александеру.

— Взгляните, не тут ли.

— Нет. Обычные пометки. Хотя... позвольте.— Александер нахмурился.— Чей-то незнакомый почерк.

Пэнн взглянул на то место, куда показывал Александер. Имя и фамилия, написанные карандашом и обведенные несколько раз, отчего они заметно выделялись на сером фоне переплета: «Лейл Рейхо».

Вряд ли это был след, и Пэнн понял, почему полицейские не обратили внимания на надпись, тем более, что они ничего не знали о телефонном разговоре с Лас-Вегасом. Но и сейчас не было ни малейших доказательств того, что этот разговор имел какую-то связь с обнаруженной на справочнике фамилией или с убийством Гемайла.

Попросив у Александера разрешения, Пэнн позвонил Шоули.

Тот немедленно снял трубку и внимательно выслушал Пэнна.

— Отличная работа! — похвалил он.— Я сейчас же займусь.

— Вам знакома эта фамилия?

— Нет. Но для начала... В общем, вы все узнаете в свое время.

Дремавшее до сих пор любопытство Александера теперь не давало ему покоя, и он едва дождался, пока Пэнн закончил телефонный разговор.

— Пожалуй, не мешало бы рассказать мне,— обратился он к Пэнну,— что все-таки происходит.

— Я обязательно это сделаю, но завтра, за ленчем, на который приглашаю вас.

Покидая дом Александера, Пэнн чувствовал все усиливающееся волнение. Наконец-то он предпринимает что-то реальное.

Пэнн оставил машину у тротуара. Шагнув на мостовую, он обошел автомобиль и взялся за ручку дверцы. Он не услышал шума, но инстинктивно повернул голову и... застыл на месте, ухватившись за полуоткрытую дверцу.

Из мрака улицы на него стремительно надвигалось что-то большое и черное...

Бив нервно посматривала на часы. Половина седьмого. Где же Джим? Он обещал встретить ее здесь, в клубе, в шесть часов.

Она звонила Джиму на работу и домой. С работы он ушел в обычное время. Дома горничная Лоуэлла сообщила, что мистер Пэнн заезжал вместе с каким-то незнакомым человеком, но вскоре уехал. Это было минут сорок пять назад.

Бив пыталась успокоить себя, но безуспешно. В обычное время опоздание Джима не встревожило бы ее. Но сегодня, после того, что произошло за последние два дня... Разыгравшаяся фантазия Бив рисовала ей сцены одна страшнее другой. Письма с угрозами... Таинственная блондинка в такси...

Чей-то голос, назвавший ее фамилию, вернул Бив к действительности. Перед ней стоял один из курьеров клуба.

— Вас просят к телефону, миссис Пэнн.

«Слава богу! — подумала Бив, хватая свою сумочку и торопливо направляясь к телефонным кабинкам в вестибюле.— Это Джим, сейчас он все объяснит. Значит, все хорошо».

— Алло! Джим? Ну что же ты?

— Это не Джим,— ответил мужской голос.— Говорит Уэйн Александер. Не волнуйтесь, Бив, дело в том, что с Джимом произошла небольшая неприятность, но он жив и здоров...

— Жив?—ошеломленно спросила Бив.— Он жив? — Телефонная трубка выскользнула у нее из руки, и Бив потеряла сознание.

— ...Какой-то идиот чуть не сбил его машиной перед моим домом,— продолжал Александер.— К счастью, Джим успел вскочить на крыло своего автомобиля. Он просил меня сообщить вам... Алло, Бив! Вы слушаете? Бив!..

Когда Пэнн, минут десять спустя, примчался в клуб, Бив уже пришла в себя. Она отклонила предложение мужа вызвать врача. По ее мнению, врач был нужен не ей, а ему. На щеке у Пэнна, в том месте, где он ударился о зеркальце своей машины, расплылся большой синяк, оба колена поцарапаны. Однако он был жив. Оба они были живы. Домой они ехали медленно и почти всю дорогу молчали, благодарные судьбе за то, что все закончилось благополучно.

— Прошу тебя, позвони в полицию,—настойчиво заговорила Бив, едва они вошли в гостиную и почувствовали себя в безопасности.— Позвони сейчас же. Я и так была издергана, а после сегодняшнего... Или ты скажешь, что это случайный инцидент?

— Нет, Бив, меня хотели убить. Ты права, я должен обратиться в полицию.— Пэнн заколебался.— Но сначала нужно поставить в известность фирму.

— Да, но опасность угрожает тебе, а не фирме.

— Я ее ответственный служащий и обязан информировать руководителей фирмы о своих намерениях. За несколько часов ничего не произойдет. К тому же Шоули, быть может, сообщит мне что-нибудь новое.

Телефонный звонок оторвал Коновера от ужина.

— В чем дело, Джим? — недовольно спросил он.— Созвать экстренное совещание ответственных работников фирмы? Ну, знаешь... Соберемся завтра утром.

— В таком случае мне придется сегодня же обратиться в полицию.

Наступила длинная пауза.

— Ладно,—буркнул наконец Коновер.— Ультиматум принимается. Через два часа начальники отделов соберутся в моем кабинете.

— Не исключено, что мне не хватит двух часов. Если задержусь, подождите меня.

Пэнн тут же позвонил Шоули домой, но ему не ответили.

— Позвоню через час,— сказал он Бив.

Но и через час на его звонок никто не отозвался, и Пэнн еще минут пятнадцать нервно бродил по комнате, потом стал нехотя собираться на совещание.

— Если Шоули позвонит...— обратился он к жене, но в эту минуту появился сам Шоули.

Вид у него был такой торжествующий, что Пэнн, не дожидаясь, пока он сядет, воскликнул:

— Нашли?

— Ну, скажем, кое-что нашел,— уклончиво ответил Шоули. Он отдал Бив шляпу и подождал, пока она нальет ему виски.— Во всяком случае, готов спорить, что Гемайл звонил в Лас-Вегас не Лейлу Рейхо.

— Да? — непонимающе посмотрел на него Пэнн.— Почему вы так уверены?

— Уже пять лет о Рейхо нет ни слуху ни духу. Если вас интересует, откуда такие сведения, могу сообщить: от одного из моих друзей в Лас-Вегасе.

— Ну и что же? Кто такой Лейл Рейхо?

— Не терпится? — усмехнулся Шоули, но тут же стал серьезным.— Во-первых, надо учесть, что в Лас-Вегасе карты, как и другие азартные игры, не просто невинное времяпрепровождение, а крупный бизнес. Азартом заражены даже те, кому принадлежат игорные заведения. Особенно крупная игра ведется между профессионалами. Если верить слухам, размеры ставок таковы, что у людей с жалованьем, как у меня, глаза на лоб лезут.

Так вот. Мелкий гангстер Рейхо совершил в Чикаго крупное ограбление и приехал в Лас-Вегас. Владельцы игорных домов тщательно проверили его текущий счет и приняли в свою компанию. Во время очередной игры его обобрали чуть не до нитки — говорю «чуть» потому, что чеки Рейхо оказались фальшивыми. Как выяснилось, он заблаговременно взял со счета все деньги, показал новым друзьям кукиш и бесследно исчез. Вы, конечно, догадываетесь, что картежники перевернули все вверх дном, разыскивая Рейхо, но безрезультатно. Собственно, речь шла не о получении выигрыша и даже не о самолюбии тех, кого обвели вокруг пальца. Азартная игра — слишком рискованное занятие, чтобы шулера могли спокойно созерцать, как обманувший их собрат по профессии благополучно здравствует да еще и бахвалится своей ловкостью. Судьба Рейхо должна была послужить устрашающим примером, его нужно было убить. Вот тут-то и возникла проблема: прежде чем убить человека, надо его разыскать.

— Но мы-то тут при чем? — с недоумением спросила Бив.

— Винсент Гемайл был одним из обманутых игроков,— отчетливо выговаривая каждое слово, произнес Шоули.— Теперь вы понимаете?

— Видимо, Гемайл случайно столкнулся с Рейхо в нашем городе,— медленно ответил Пэнн,— сообщил своим дружкам в Лас-Вегас и хотел уехать, но Рейхо убил его.

— Так это же бессмысленно! — воскликнула Бив.— Если Гемайл узнал Рейхо, то почему он не убил его, а пытался скрыться?

— Потому что Гемайл игрок, а не убийца,— ответил Шоули.— Его дружки подыскали наемного убийцу, что обходится не так уж дорого, если есть нужные связи.

— Джим! — с ужасом воскликнула Бив.— Значит, машина, которая пыталась сбить тебя...

Шоули вопросительно взглянул на Пэнна, и тот рассказал ему, что был сегодня на волосок от смерти.

— Похоже, что это — дело рук профессионального убийцы. Все сводится к одному: кто-то, очевидно, считает, что Джим Пэнн и Лейл Рейхо — одно лицо. Тогда становятся понятными и анонимки.

— Вот мы и вернулись к тому же вопросу,— заметил Пэнн.— Кто их писал?

— Но теперь возникают и новые вопросы. Почему вас принимают за Рейхо?

— Понятия не имею.

— Уж не хотите ли вы сказать, что Джим очень похож на Рейхо? — спросила Бив.

— Возможно. Похожими людьми хоть пруд пруди.

— Не очень-то утешительный факт,— тихо заметил Пэнн и нерешительно провел рукой по лицу.— Ощущение такое, словно ты чужой самому себе. Я и не знал, что у меня есть двойник.

— Рейхо мог прибегнуть к пластической операции и изменить черты лица,— высказал предположение Шоули.— Не исключено, что вы имеете какое-то сходство с прежним Рейхо. Впрочем, при желании можно придумать и более правдоподобное объяснение.

— А среди сообщников Рейхо не было женщины? — чуть покраснев, спросила Бив.— Видите ли, сегодня я случайно проезжала мимо площадки для гольфа и заметила очень светлую блондинку...

— Подождите, подождите!—воскликнул Шоули, хмурясь.— Рейхо имел возлюбленную, некую Айлин Менке, но сбежал от нее. Если мне не изменяет память, она, как мне говорили, действительно очень светлая блондинка.— Шоули задумался.— Вы не обратили внимания на ее машину? Ну, скажем, на номерные знаки: нашего они штата или нет,— на какие-нибудь характерные особенности?

— Помню только, что это было такси желтого цвета,— виновато ответила Бив.

— Прекрасно. Найти желтое такси не так уж трудно.— Шоули с решительным видом поднялся.— Умираю от желания повидать Айлин Менке, если она в самом деле здесь.

— Хочу сказать вам,— проговорил Пэнн,— что я решил обратиться в полицию.

— Что ж, дельная мысль. Но чуточку повремените. Мы, быть может, устроим маленькое собрание: вы, полицейские и отвергнутая любовь Рейхо. Да, да, мысль хорошая, если...

— Что если? — нетерпеливо спросил Пэнн.

— Если только вы действительно не Лейл Рейхо. А если Лейл Рейхо — вы, я бы на вашем месте поспешил как можно скорее смыться.

Окончание следует.

В. Тициан. Родился в 80-х годах XV века. Умер в 1576. МУЖСКОЙ ПОРТРЕТ. Париж. Лувр.

П. Веронезе. 1528—1588. РАСПЯТИЕ. Париж. Лувр.

ДОРОГА

Мы с тобой, дорога, квиты.
Ты вела меня, вела
Через черные граниты,
Где и вьюга не мела.
Через луг осеребренный,
Через радугу-дугу.
Лишь у пропасти бездонной
Ты сказала:
— Не могу!
И тоскою человечьей
Душу мне ты потрясла.
Я взяла тебя на плечи
И над бездной пронесла.

* * *

Бор прохладен и росен.
Здесь приволье весне.
В чем новаторство сосен?
В красоте!
В прямизне!
Родниковые донца,
Словно бубны, звучат.
В чем новаторство солнца?
В животворных лучах!
Дождь прошел, куролеся,
По траве,
По волне...
В чем новаторство песен?
В широте!
В глубине!

ОДИНОЧЕСТВО

Ты думал —
Для сердца немного значит
Нежная верность ее.
Плачет?
Ну что же, пускай поплачет.
Поет?
Ну и пусть поет!
И вот —
Только мыслей угрюмые камни
Да взмах одинокий весла...
Из дому ушла с пустыми руками
И все как есть унесла!

ПОЮ, ПОТОМУ ЧТО ТОСКУЮ...

Не знала, что так затоскую
О дальнем своем далеке,
Где утром по синему Ую
Плывут облака налегке.
Где тёрен
То красен, то черен,
А ветер
То нежен, то крут.
В земле,
Как в подсолнухе зерен,
Полно самоцветов и руд.
Где сосны растут,
Не сутулясь,
Вблизи негасимых огней.
Там я оставила юность.
Там детство моих сыновей!
Возможно ли землю такую
Забыть мне,
Уйдя налегке?
Пою,
Потому что тоскую
О близком моем далеке.

Людмила ТАТЬЯНИЧЕВА

О близком моем далеке

Рисунки М. Чегодаевой.

* * *

К названьям рек,
Коротким, словно вскрик,
Мой слух еще в младенчестве
приник.
Зеленая шальная речка Ай
Задорно мне кричала:
— Догоняй!
Башкирской речи солнечную
грань
Хранит в своем теченье Юрюзань.
Как звон струи,
Как влажное буль-буль,
Озера Иссык-Куль
И Чебаркуль.
Клич беркутов,
Взлетающих с горы,
Мне слышится в названье
Ай-Дарлы.
И кажется, что сам собой возник
Поэзии отзывчивый язык.

* * *

«Да» и «нет» лишены оттенков.
Бескомпромиссны, как тьма
и свет.
Всю жизнь они нас припирают
к стенке:
Нет или да?
Да или нет?
В них сущность вещей
обозначена грубо.
И как это страшно,
Что в злые года
Порой даже гордые, смелые губы
Вместо «нет»
Говорили «да»!

* * *

День —
В сотни раз уменьшенный год
С осенним стожаром заката.
С весною сравнила бы солнца
восход,
Да солнцу сравнений не надо.
И лето свое есть у каждого
дня, —
Его отдаем мы заботам...
Жизнь дорожить научила меня
Днем,
Словно маленьким годом.

ЗРЕЛОСТЬ

Я время перестала торопить.
Оно и так летит во весь опор.
Дороги чуть означенная нить
Ведет к вершинам нелюдимых
гор.
За поворотом —
Новый поворот!
Мой день еще не краток
И не тускл,
Но я теперь уж знаю наперед:
Любой подъем предполагает
Спуск.

* * *

Есть голубая дымка
Отдаленья.
Есть отчужденья
Ледяная мгла...
Сегодня ночь
Светла до озаренья:
Все до единой звездочки
Зажгла!
Уснувших рек
Туманятся излуки.
Нечетких звуков
Странен разнобой.
...Каким ты мне привидишься
В разлуке —
Укрытый мглой?
Иль в дымке голубой?

СОИЗМЕРИМОСТЬ

У мудрости нелгущи зеркала.
Она велит нам согласиться
скромно:
Синица рядом с беркутом —
Мала,
А по сравненью с комаром —
Огромна.
Земных соизмерений волшебство!
Пусть не во всем природа
совершенна,
Но каждое живое существо
Огромно и мало —
Одновременно!

И. ВЕРШИНИНА

Фото Р. ЛИХАЧ.

ПОЕТ

Дирижирует Георгий Струве.

ИСКУССТВО И АРИФМЕТИКА

Эстетическое воспитание и цифры! Не вяжется както. И тем не менее этот разговор об эстетическом воспитании наших детей мы начнем с цифр.

В РСФСР 45 тысяч школ, и только в 13 107 есть учителя пения, половина — без специального образования (а ведь на уроках этих изучают нотную грамоту, поют по нотам, учатся понимать музыку). В 31 893 школах учителей по этому предмету вовсе нет, в том числе в 200 школах Москвы (!). В других республиках и того хуже. В Белоруссии, например, на 1 400 учителей пения только 64 с высшим образованием. Сколько же понадобится выпусков музыкальных учебных заведений страны, чтобы восполнить пробел только в этих республиках? Но, как известно, у нас 15 республик. И мы хотим, чтобы все дети всех народов получали эстетическое воспитание.

Что же предпринять сейчас?

Мы решили задать этот вопрос человеку, который всю свою деятельность посвящает эстетическому воспитанию детей,— композитору Д. Б. Кабалевскому.

— А вы знакомы со студией «Пионерия», которой руководит Струве? — спросил нас Дмитрий Борисович.— Они у себя в городе Железнодорожном нашли новую форму музыкальной работы с детьми. Теперь по их примеру созданы студии в Литве, в Горьком, Куйбышеве, Вологде, многих других городах.

Съездите к ним, и вы сами увидите, какие там молодцы.

ФУТБОЛ — НЕ ПОМЕХА

Так случилось: приехали мы, когда нас никто не ждал. Плутая в лабиринте новых одинаковых домов, возведенных вдали от города, мы обратились к мальчишкам, которые всюду и всегда возникают первыми, когда надо что-либо выяснить.

— Студия «Пионерия»? Это где все время поют? Так она вон...

Следуя глазами за указующим перстом, изрядно политым чернилами, мы увидели здание студии. И тут же упрекнули себя в ненаблюдательности.

Дом как дом, как все остальные, серый, пятиэтажный, с балконами... Но окна... Большие окна первого этажа с улицы были самым тщательным образом буквально закупорены ребятами. Как ни пытались мы заговорить с ними, никто даже не пошевелился: все внимание их было там, внутри дома.

Первое интервью нам дала нянечка студии. Завязывая шарф какому-то малышу, она отвечала лаконично и точно:

— Струве еще в студии нет. Сейчас идут уроки фортепьяно, народных инструментов, а в зале занимается хор первоклассников.

И, видя, что мы не знаем, что предпочесть, посоветовала:

— Идите пока на сольфеджио.

Здесь сидело человек восемь ребят лет двенадцати — четырнадцати (немногим больше можно было дать и педагогу). Одна девочка очень бойко и просто, словно ее спрашивали, сколько будет дважды два, отвечала:

— Доминантовый терцквартаккорд строится в мажорных и минорных тональностях...

Мы решили начать лучше с хора первоклассников.

Их было человек шестьдесят. Ребята готовились к завтрашнему выступлению на утреннике в рабочем поселке, что невдалеке; репетировали водевиль «Буратино на уроке пения».

«Учитель» — Саша Глинский очень строг и требует, чтобы ученики — Чижик, Алеша Почемучка и Буратино — безукоризненно пели гамму туда и обратно, но нерадивый Буратино, конечно, «обратно» не выучил. Потом каждый из них пел то «дуэтом» с хором, то запевая, то в унисон. Потом пели все вместе на два голоса. А потом прозвенел звонок. Зал стремительно опустел, и мы остались наедине с солистами.

Все они учатся в одной школе, в одном классе и учатся хорошо. Любят футбол, хоккей и хорошие книжки. А еще им нравится петь в хоре и играть на пианино. Вот только жизненные планы у них разные: Женя Анисимов очень хочет, как папа, обязательно работать на заводе, Саша Глинский решил быть летчиком, твердо решил. У Вити Мордасова папа — бригадир грузчиков, он очень сильный, и Вите хочется скорее стать таким же сильным, как папа. А у Жени Каманина папа — машинист на паровозе. Когда Женя был маленьким, он часто ходил встречать поезд и всегда очень завидовал папе. А теперь они оба очень заняты, и Женя тоже, тут уж не до встреч. Ведь только за пианино надо посидеть часок-другой, а брату тоже надо играть на пианино, он тоже здесь, в студии. Только брат уже большой — в пятом классе, ну, конечно, он Жене помогает; но здесь все большие ребята помогают маленьким, потому что им так велят.

К сожалению, интервью надо было заканчивать: Женю ждал весь хор. Нет, не для репетиции. Новое помещение студии стоит далеко от школ и домов, где живет большинство детей, автобусы ходят пока редко, поэтому маленьких возят организованно, и делает это всегда чья-нибудь мама, та, что свободна в это время.

Такой заведен в студии порядок.

И МАМУ ПЕРЕВОСПИТАЛИ

Сомнение было сильным, но недолгим.

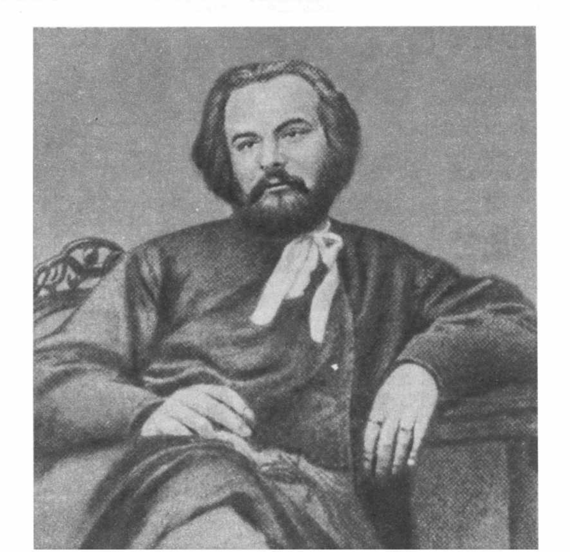
Конечно, удобнее, чтобы все ученики студии занимались в одной общеобразовательной школе. Сколько забот и хлопот свалилось бы с плеч и ребят, и педагогов, и мам! Всем было бы сподручнее и легче. И проторенней.

Но что же, собственно, тогда нового внесет такая студия в воспитание детей?

Ребята одной школы будут изучать музыку, петь в хоре, получать музыкальное образование, эстетическое воспитание, а остальные? Чем они хуже? Ведь заниматься музыкой, петь в хоре могут, а стало быть должны все дети!

— Мы решили сформировать музыкальные классы в разных

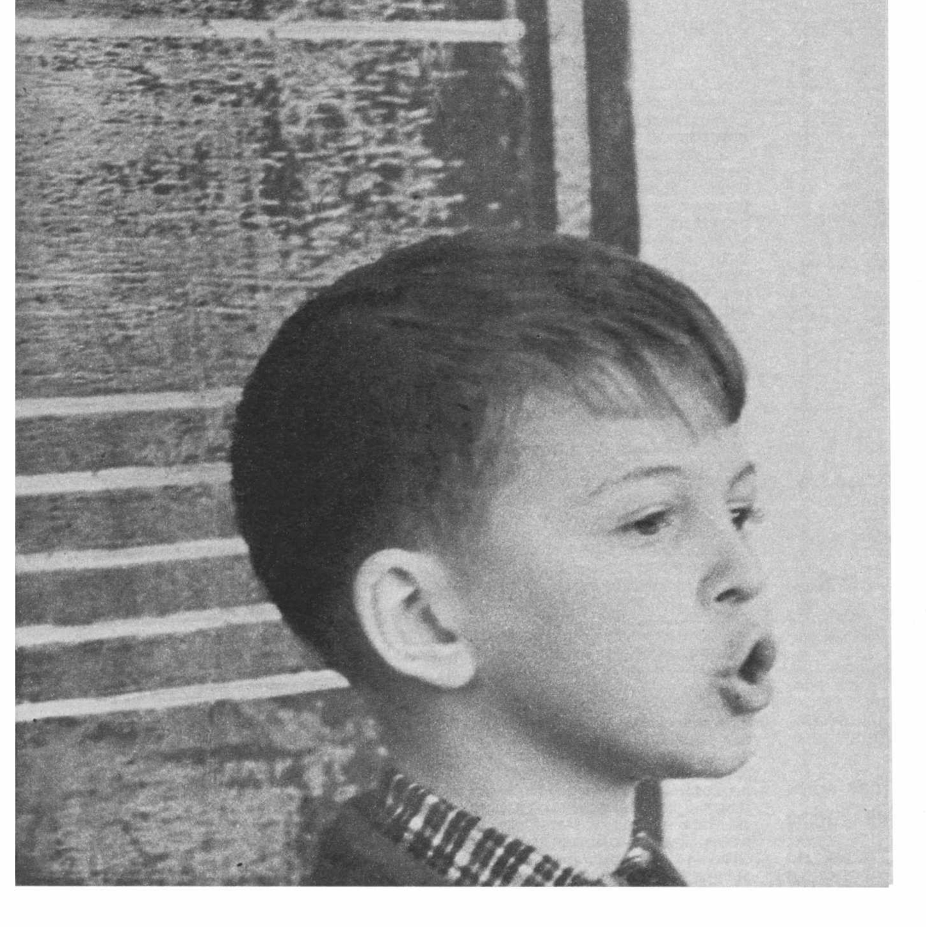

ЩЕДРЫЙ ТАЛАНТ

Исполнилось 125 лет с тех пор, как 14 декабря 1840 года на Полтавщине родился Михаил Петрович Старицкий. Нельзя говорить об украинской культуре на рубеже прошлого и нынешнего столетий, не называя имени этого многосторонне одаренного, выдающегося украинского деятеля. Он был поэтом, драматургом, романистом, страстным поборником родной сцены — режиссером, организатором и руководителем одной из лучших украинских театральных трупп, богатой созвездием талантов.

В трудное время, когда царская реакция ду-

«ПИОНЕРИЯ»

школах, конечно, в пределах одного района,— рассказывает нам Георгий Александрович Струве.— Наши студийцы — школьники пятых классов стали заниматься в одной общеобразовательной школе, непременно в одном классе; шестиклассники — в другой... И так начиная с первоклашек.

Так в большинстве школ города Железнодорожного появились музыкальные классы, в иной — два, даже три. Каждый такой класс — музыкальный очаг. Ребята занимаются с самодеятельностью как концертмейстеры, аккомпанируют на вечерах, более опытные руководят хорами и ведут уроки пения — практически влияют на музыкальную жизнь и эстетическое воспитание во всех этих школах. Конечно, при тщательном непрерывном наблюдении и помощи педагогов.

Ведь в каждом музыкальном классе два классных руководителя, один — педагог студии. Вместе составляют они расписания занятий в школе и у нас, планируют загрузку детей, чтобы и на отдых было время, вместе проводят родительские собрания, на которых жизнь студии, ее заботы занимают не меньшее место, чем остальное. А после собрания, как правило, ребята дают концерты. Это и их подстегивает и родителей приобщает к музыке, сближает со студией, а тем самым и с их собственными детьми.

Так возник при студии родительский актив, без которого мы просто не смогли бы существовать, особенно в поездках. Ведь старший хор наш очень часто на каникулы ездит с концертами в другие города, а то и в республики. И тут мамы, взяв отпуск на работе и, естественно, на свои деньги купив железнодорожные билеты, становятся бесплатным штатом студии — кассирами, поварами, врачами, завхозами... Желающих всегда столько, что мы имеем возможность выбирать. А принцип отбора один: водится за мамой такой грешок, что будет она из коллектива выделять свое чадо, излишне его опекать — не берем ее, пока не перевоспитается. Так полезнее будет и для коллектива, и для нее, и уж, безусловно, для ее ребенка.

Теперь к отметкам по музыкальным предметам, а они проставляются в школьном дневнике, родители относятся так же взыскательно, как и ко всем остальным. Нет таких, которые говорили бы: «Тройка по пению — не беда». Все знают, что беда, поэтому, наверное, троек и нет.

ДИПЛОМЫ №№

Он лежит сейчас в музее музыкальной культуры — диплом № 1 Московской консерватории. Выдан в 1870 году пианистке Надежде Муромцевой, окончившей с серебряной медалью курс у самого Николая Рубинштейна.

Номер другого — шестизначный, вручен был в 1964 году Георгию Струве, выпускнику дирижерско-хорового отделения теоретико-композиторского факультета Московской консерватории.

Когда Струве написал тему своей дипломной работы — «Новая форма массово-музыкального воспитания — хоровая студия», все товарищи его были поражены. Опять он со своей студией: пора бы уже остепениться, выбрать серьезную тему для диплома, тем более, что впереди заманчивые перспективы — оперные театры, филармонии, консерватории — всюду нужны хормейстеры. Еще больше удивил он коллег, когда программу госэкзамена составил из репертуара детского хора — «Котик», «Яичко»,— таких названий отродясь не было у дипломантов. Но Струве рискнул. Собственно, для него это не было риском — в своих ребятах, в их умении, музыкальности, наконец, мастерстве, приобретенном за эти годы, он не сомневался.

И студия выдержала госэкзамен. Все «Котики», «Колыбельные», за которыми скрывались написанные для детей, зачастую забытые хоры Баха с органом, хоры Лядова, Римского-Корсакова, Моцарта, Дворжака, Кабалевского, а capella были исполнены в четыре, пять и шесть голосов с тонким ощущением эпохи, формы произведения. Детский хор так свободно, легко, слаженно и точно звучал с эстрады Малого зала консерватории, что слушатели, невзирая на строгость обстановки, вызывали маленьких исполнителей еще и еще.

Новая форма музыкального воспитания получила высокое признание. Струве получил диплом.

Третий диплом Московской консерватории в их семье. Первый, тот, № 1, был выдан прабабушке, второй получила бабушка — тоже известная пианистка — Мария Булатова, и вот теперь — он.

Как знать? Может быть, без первых двух не было бы и этого, третьего.

С тех пор, как он себя помнил, музыка с детства окружала его. На рояле играла бабушка и занималась с ним, играл отец, играла мама...

Внезапно умер отец, вскоре началась война, семья перебралась из Москвы в деревню,— безмятежное детство кончилось, и музыка оборвалась. Теперь лишь немецкая губная гармоника, что прислал брат с фронта, как горькая насмешка судьбы, напоминала ему о былом. Семью разыскали друзья отца — Елена Фабиановна Гнесина и Рейнгольд Морицевич Глиэр. Помогли устроить мальчика в военную музыкальную школу. Потом училище при консерватории, дирижерско-хоровое отделение, потом...

Потом его биография — это биография студии.

Семья жила в поселке Вешняки, под Москвой, и сестра попросила его помочь создать в школе хор. Двадцать три девочки-шестиклассницы очень хотели петь.

Инструмента не было, места в деревянном маленьком домишке, где ютилась тогда школа, тоже не сыщешь, опыта у двадцатилетнего руководителя немного. Зато энтузиазма хоть отбавляй — и у него, и у директора школы Анны Алексеевны Аношиной, и у двадцати трех девочек. И оказалось, что энтузиазм — это и есть самое главное в деле эстетического воспитания. А может, не только эстетического? А может, вообще в любом деле?

Все нашлось. Вначале — пианино за три километра от их поселка, вокруг него можно было петь, потом появился великолепный певческий лагерь. Они создали его в колхозе. Вместе с директором и хормейстером нанялись туда на лето работать — с утра на полях, чтобы заплатить за помещение и еду, вечером давали концерты, а днем пели, репетировали, занимались.

И вот первые лавры — в 1953 году хор завоевал первое место по району. Его стали всюду приглашать. Коллектив разрастался... В 1956 году он стал уже лауреатом Московской области.

Школе построили новое здание. Теперь в каждом классе был свой хор, организовывали школьные фестивали; к ним стали приходить ребята из других сел, деревень, поселков... Тут и возникла мысль о студии. Сделать так, чтобы участие в хоре несло не только кратковременную радость, но и музыкальное образование.

Так студия «Пионерия» начала свою жизнь.

ПОЕТ «ПИОНЕРИЯ»

Название студии определило задачи. Не только вокальные, не только музыкальные, не только эстетические.

У студии есть свой устав. Первая заповедь его гласит: «Быть честным и правдивым»,— а дальше — обязательства: хорошо учиться, помогать товарищам, не зазнаваться, беречь имущество студии и... беречь свой голос. Особенно много огорчений доставляет эта последняя заповедь. Легко ли в 8—10—12 лет забыть о существовании мороженого? Но дал обещание — держись, а то подведешь не только себя, но всех. Хор — искусство коллективное: успехи, радости, огорчения — все общее. И понятие «я» растворяется в понятии «мы». Это особенно важно помнить ребятам сейчас, когда к студии пришли известность, признание, успех.

За эти годы хор приобрел большую популярность. Его часто приглашают на концерты, встречи, фестивали в другие города, республики. Недавно поступило приглашение из Чехословакии. Композиторы отдают ему песни для первого исполнения, учителя пения вступают в переписку и приезжают на уроки, за опытом.

И очень важно в это время, чтобы ребята знали и помнили, что всем этим они обязаны своим педагогам. Тем самым энтузиастам, без которых ни одно дело не может спориться, а тем более такое, как эстетическое воспитание детей. Этому мало отдавать знания — этому надо отдать ум, помыслы, мечты, искренность, сердце, надо посвятить жизнь.

Тогда всюду запоет пионерия.

шила украинскую культуру, не разрешала школы, театры и книги на родном языке, Старицкий, преодолевая запреты и репрессии, подавал мужественный пример самоотверженного служения народу.

Воспитанник Харьковского и Киевского университетов, широко образованный и богато одаренный, Михаил Петрович Старицкий сочетал страстную любовь к Украине с огромным влечением к русской культуре. «Культ Пушкина, Некрасова в доме Старицкого господствовал так же, как и культ Тараса Шевченко. Особенно Михаил Петрович любил Некрасова, его музу печали и гнева народного»,— пишет в своих воспоминаниях сын композитора Лысенко Остап.

Блещущие народным юмором комедии Старицкого «Где колбаса и чара, там кончается свара», «За двумя зайцами» и исполненные драматизма пьесы «Не судьба», «Ой, не ходи, Грицю, да на вечерницы», «Во тьме», «Талан», историческая драма «Богдан Хмельницкий» и либретто многих опер Лысенко до сих пор не потеряли интереса читателей и зрителей.

Как поэт он стал широко известен и своими оригинальными стихами и многочисленными переводами (главным образом с русского, польского, сербского и немецкого языков).

На днях в издательстве «Художественная литература» (Москва) впервые вышел сборник лирики Старицкого в переводе на русский язык.

На всем творчестве М. П. Старицкого лежит печать его высоких человеческих качеств писателя-гражданина. Мы с благодарностью помним мужественную страстность писателя, его благородное негодование и смелый протест против всякого насилия.

Александр ДЕЙЧ

СЕСТРЫ ПОБЕДЫ

Александр КИКНАДЗЕ

Психологический допинг.
Рис. Ю. Черепанова.

Это случилось в Мадриде на европейском турнире по дзю-до. Предстояла финальная схватка. На татами — тонкий и жесткий ковер — готовились выйти голландец Рюска и наш Анзор Кикнадзе. В спортивном дворце было так тихо, словно не 10 тысяч испанцев сидели за лентой велотрека. И в то время как репортеры снимали выход голландца, тренер Кикнадзе Владлен Андреев задержал его и шепнул на ухо несколько слов.

...Анзор Кикнадзе уже встречался с голландским гигантом и в упорном поединке вынужден был уступить ему, и, хотя советская команда выиграла у голландцев финальный матч со счетом 4 : 1 и стала чемпионом, поражение больно ранило Кикнадзе. А после этого в борьбе за личное первенство Анзор провел несколько трудных встреч; победы в дзю-до стоят много нервов и сил, и все понимали, как нелегко будет ему в финале снова бороться с Рюска. Лучше других понимал это тренер, но он не докучал моралью строгой, не произносил страстных речей о чести и достоинстве, на которые так охочи иные наши спортивные наставники. Он лишь прошептал на ухо Кикнадзе:

— Телепередачи идут на всю Европу. Тебя будут видеть в Тбилиси.

И все... Больше ничего не сказал умный и хитрый тренер Владлен Андреев, хорошо знающий Анзора и то, что ему может помочь больше всего.

— Правда?

— Ну иди, тебя уже ждет Рюска.

Я много раз видел в деле Анзора. Видел в Москве, Тбилиси, Берлине, Токио. Но еще не помню поединка, в котором он соединил бы такой расчет с азартом. В конце концов Анзор ловким приемом бросил противника на ковер, и тот забился, силясь вырваться из крепких объятий. Судьи уже начали счет. Если за 30 секунд Рюске не удастся выскользнуть, он проиграл, но уже через 20 секунд голландец несколько раз шлепнул ладонью по татами. Это значило: «Сдаюсь!»

— Понимаешь, какая досада: оказывается, передачи шли только на Западную Европу,— сказал тренер, поздравляя нового абсолютного чемпиона и с трудом сдерживаясь, чтобы не расхохотаться.

— Обманули, да?

— Немного. Но ты уж, пожалуйста, извини.

...Для каждого борца у тренера был заготовлен свой совет. И в том, что наши ребята с таким успехом выступили в Мадриде, завоевав главный приз и семь золотых медалей из двенадцати, немалую роль сыграл точно рассчитанный психологический подход к спортсменам.

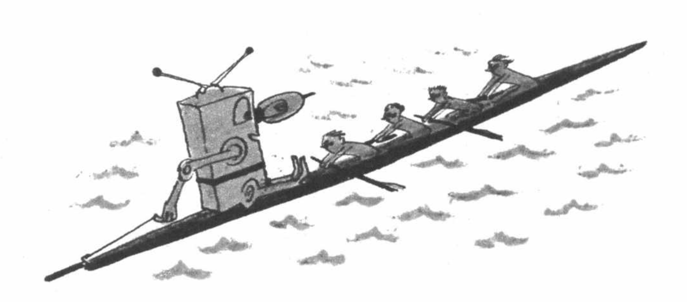
Перед Олимпийскими играми в Токио один американский физиолог заявил, что, «по всей вероятности, это будет борьба на грани человеческих возможностей». Да, трудно было добывать победу в Токио. Но на следующей олимпиаде, в Мехико, будет еще труднее. Чтобы торжествовать в таком соревновании, где все идут «в одну линию», уже недостаточно качеств, которых с избытком хватало в Мельбурне и в Риме. Нужны новые, пусть не очень заметные на первый взгляд, но все же дополнительные источники, пробивающие русло к победе.

Они различны, эти источники... Вспомнились немецкие гребцы. Они призвали на помощь счетно-вычислительные устройства, которые помогали в зависимости от самого незначительного волнения на канале определять наклон весла. Говорят, что это давало преимущество в полтора миллиметра на метр. Но умножьте эти микроскопические полтора миллиметра на дистанцию гонок — 2 тысячи метров, и вы согласитесь, что три выигранных метра стоили усилий, потраченных еще до начала гонки.

Вспомнились американские пловцы. Они пришли к убеждению, что даже самое незначительное количество волос увеличивает сопротивление. По свидетельству очевидцев, обладатель четырех золотых олимпийских медалей Дон Шолландер очень старательно брился перед стартом. Но, кажется, самые терпеливые и умелые искатели дополнительных путей к победе — японцы. Они, судя по всему, разработали систему психологического воздействия и на своих спортсменов и на соперников. Они брали в союзники честную хитрость и хитрую уловку. Надо подчеркнуть, что все эти приемы не выходили за рамки спортивной этики, не нарушали олимпийских законов.

В первый же день олимпийского турнира советские волейболисты встретились со своими главными соперниками. До этого румыны несколько раз выигрывали у нас в официальных и товарищеских состязаниях, и все понимали, как много будет значить победа в этом матче. Стряхнув волнение, которое сковывало их поначалу, волейболисты в красных майках заиграли мощно,

Современный рулевой.

* Снежная арена на плато Отранс-Меодор.
* Ледяной стадион вместит 14 тысяч зрителей.
* 250 миллионов франков на строительство.

ВЕСТИ ИЗ ГРЕНОБЛЯ

Из Франции приходят проспекты с олимпийскими кольцами на обложке. А над кольцами одно только слово — «Гренобль». Это официальный бюллетень X зимних Олимпийских игр, которые состоятся в окрестностях этого альпийского города в 1968 году. Но уже сейчас организационный комитет Белой олимпиады сообщает о той подготовке, которая развернулась в Альпах к новой встрече лучших лыжников, скороходов, хоккеистов, фигуристов.

Окрестности Гренобля — особенно Бельдонский горный массив — считаются колыбелью французского горнолыжного спорта. Здесь превосходные трассы для всевозможных соревнований по слалому, скоростному спуску, лыжным гонкам. Ежегодно в этих местах проводят свой отпуск десятки тысяч французских и иностранных туристов, поклонников зимних видов спорта. Центром соревнований горнолыжников на X Белой олимпиаде станет маленький горный курорт Шамрусс, в 34 километрах от Гренобля. А как туда добираться? К самому городку ведет широкая сеть шоссейных дорог. Но уже сейчас говорят, что их мало для того, чтобы быстро пропустить в любую сторону людской поток в 90—100 тысяч зрителей. Поэтому строятся новые дороги, современные автострады, которые свяжут Гренобль с Лионом, Шамбери и другими городами. Строительство обойдется в 250 миллионов франков.

Но, как известно, в программу Белой олимпиады входят соревнования не только на лыжах, но и на коньках. Где же будут оспаривать золотые медали скороходы, фигуристы и хоккеисты? Для них в самом Гренобле, в парке «Поль-Мистраль», будет воздвигнут специальный крытый Ледяной стадион.

Судя по проекту, это будет ультрасовременное сооружение из бетона, металлических конструкций и стальных канатов. Под крышей разместятся трибуны на 14 тысяч зрителей и искусственный каток, окаймленный 400-метровой беговой дорожкой. Строительство Ледяного стадиона началось в июле.

По олимпийским традициям все участники игр должны жить вместе в так называемой олимпийской деревне. Так будет и в Гренобле, но для того, чтобы не утомлять горнолыжников длительными переездами, они смогут накануне соревнований в Шамруссе переночевать в филиале олимпийской деревни — молодежном лагере «Баша-Буд», рассчитанном на тысячу коек.

У организаторов Гренобльской олимпиады много хлопот. Основная работа по выбору и подготовке мест соревнований легла на два основных комитета — льда и снега.

Комитет снега уже определил на местности все шесть горнолыжных трасс для мужчин и женщин: две слаломных, две — для гигантского слалома и две — для скоростного спуска. Пять из шести трасс расположены веером и на финише сойдутся в одном месте. Здесь, в естественном котловане, будет построен снежный амфитеатр, способный вместить 50 тысяч зрителей. Эти зрители станут свидетелями торжественных церемоний открытия и закрытия игр, увидят, как финишируют победители.

Участники лыжных гонок, прыжков с трамплина (в Гренобле строится 90-метровый трамплин), северного двоеборья и соревнований по биатлону встретятся на склонах горного плато Отранс-Меодор. Там старт и финиш также будут сосредоточены в одном месте, на специальном снежном стадионе.

Комитет льда тоже немало озабочен: ему предстоит выбрать головоломные ледяные трассы для гонок на одноместных и многоместных санях (бобслей).

Успех зимней олимпиады во многом зависит от погоды. А она в горах очень капризна. Спортсмены могут испытывать трудности и от обильных снегопадов и от недостатка снега. Все это надо предвидеть заранее, и потому в организации олимпиад большую роль играет служба погоды. Французское национальное метеоро-

уверенно и красиво взяли все три сета.

А когда закончилась встреча СССР — Румыния, на площадку вышли команды Японии и Южной Кореи. Ровно за год до этого японцы дважды обыграли нашу сборную — в Хиросиме и Токио. Разумеется, Юрий Чесноков и его друзья остались посмотреть игру. И что же они увидели? Южнокорейцы переигрывали японцев и в защите и в нападении и вели 14 : 9. Но стоило советским спортсменам покинуть зал, как японцы хлопнули в ладоши, сказали друг другу: «Уш!» — и заиграли!

Когда скоростной автобус, сопровождаемый полицейским эскортом, прибыл в Токио, наши волейболисты не без удивления узнали, что во втором сете японцы пропустили лишь два мяча, в третьем — три и легко выиграли.

И хоть и тренеры и спортсмены догадывались об уловке японцев, они, видимо, не смогли преодолеть впечатления от их игры в первом сете. Думаю, не ошибусь, если скажу, что советы и предостережения, которые услышали наши игроки перед встречей с японцами, воспринимались некоторыми просто как дань традиции. Когда же, ведя в первом сете 14 : 7, наши встретили яростное и непредвиденное сопротивление и с превеликим трудом взяли этот сет со счетом 16 : 14, появились первые признаки растерянности. После второго, проигранного сета растерянность в команде возросла. Когда же замаячила угроза поражения, наших трудно было узнать. Советские волейболисты проиграли 1 : 3, и эта неудача едва не стоила команде СССР золотых медалей...

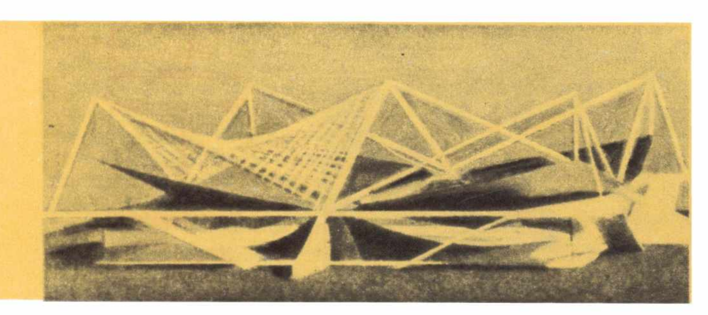
А вот еще один пример психологического настроя. Когда на штанге было установлено 137,5 килограмма и на олимпийский помост вышел Исиносеки — самый маленький японский штангист, самая первая японская надежда, в амфитеатре появилось какое-то чудище — маска со свирепым оскалом и устрашающими клыками. Чудище выкрикнуло истошным голосом заклинание, взмахнуло мечом и исчезло. В ту же секунду вес, который редко удавалось брать Исиносеки, оказался над его головой. Корреспондент Франс Пресс передал, что наряженный тренерами помощник Исиносеки помог ему набрать в троеборье два с половиной лишних килограмма.

...Говорят, что нет двух одинаковых характеров. Ученые и тренеры, разрабатывая индивидуальные методы подготовки выдающихся спортсменов, принимают во внимание не только физические, но и психологические особенности каждого атлета, чтобы помочь ему достичь всего, на что он способен. Но выражение «на что он способен» нуждается в расшифровке. Ученые утверждают, что даже у рекордсмена мира остается неиспользованным более 40 процентов его сил. Это пока неприкосновенный запас, который природа сохраняет в человеке словно бы для того, чтобы он не потерял стимул к совершенствованию. Случай с Исиносеки и его странным на первый взгляд помощником говорит о том, что японцы ищут возможность брать какую-то толику взаймы у этого запаса.

* * *

Разными путями можно двигаться к победе. Кому не известен столбовой, магистральный путь? Он проложен трудом долгим, самозабвенным. Кто не понимает сейчас, что спортивная победа имеет в своем фундаменте опыт тренера, знания физиолога! Но все чаще и чаще сталкиваемся мы и с другими тропинками, также ведущими к пьедесталу почета.

Остается сказать, что именно в Японии родилась поговорка: «Творец победы — разум. Сила и ловкость — его младшие сестры».

Так будет выглядеть Ледяной стадион в Гренобле.

логическое бюро организует в районе Гренобля пять пунктов, которые будут выдавать данные для составления долгосрочных и краткосрочных прогнозов погоды.

От метеорологов будет зависеть и регулярность авиационного сообщения между Греноблем и местами соревнований. Ведь неподалеку от Шамрусса и Отранс-Меодора будут оборудованы «альтидромы» — горные посадочные площадки для вертолетов. К горным трассам можно будет подняться и на одиннадцати многоместных лифтах и канатных дорогах.

Как и всегда, в целях рекламы известные фирмы выразили готовность взять на себя техническое обслуживание зимних Олимпийских игр. Корпорация ИБМ, производящая электронно-счетные машины, будет осуществлять сбор и передачу всех технических результатов соревнований. Фирма «Жестетнер» берется за издание всей официальной олимпийской документации, а итальянский концерн «Оливетти» оборудует своими машинками пресс-центр. Это первые заявки!

Все радиорепортажи и телевизионные передачи из Гренобля будет вести государственная дирекция французского радиовещания и телевидения.

До Белой олимпиады 1968 года времени еще предостаточно, но и подготовительных работ непочатый край. Однако руководители оргкомитета заверяют журналистов, что предстоящая олимпиада ни в чем не уступит своим предшественницам — зимним играм в Кортина д'Ампеццо, Скво Вэлли и Инсбруке.

В. ДИНОВ

АНТОН ЧЕХОВ НА АРБАТЕ

Антон Павлович Чехов — на Арбате! Нет, речь идет не о воспоминаниях современников. Я хочу рассказать о встрече с живым Чеховым — сегодня, в наши дни...

В Московском театре имени Евг. Вахтангова поставлена новая сценическая повесть Л. Малюгина «Насмешливое мое счастье». Режиссер — А. И. Ремизова.

Эта пьеса не что иное, как умело и умно подобранная чеховская переписка с людьми, ему дорогими,— сестрой Машей, братом Александром, Ликой Мизиновой, Ольгой Книппер, Максимом Горьким,— переписка, как бы ожившая, представленная «в лицах».

Вахтанговская постановка — явление, безусловно, незаурядное в театральной жизни Москвы нынешнего сезона.

Начать с того, что от создателей спектакля потребовалась огромная творческая отвага и недюжинный такт, деликатность. Ведь было очевидно, что многие и многие почитатели А. П. Чехова с чуткой настороженностью, если не сказать, предвзято, отнесутся к самому факту появления образа любимого писателя на сцене: сумеет ли театр донести до зрителя тонкость, благородство, обаяние и душевную красоту его личности? Не будет ли тут огрубления, опошления, упрощения или фальши?

И вот прошли первые спектакли, и теперь уже можно заключить, что вахтанговцы блестяще справились со своей дерзкой задачей. Спектакль получился покоряющий вопреки всем предрассудкам и сомнениям, покоряющий, насколько можно судить, даже самых завзятых чеховских ревнителей...

Конечно, нужно некоторое время, чтобы привыкнуть к исполнителям: поверить в то, что перед нами не хорошо знакомый зрителю Юрий Яковлев, а Антон Павлович Чехов; подлинная Лика, а не Юлия Борисова с ее характерной протяжной интонацией, и т. д. Но когда акклиматизация уже совершилась (примерно к середине первого акта), тогда творимое на сцене начинает все более и более властно брать нас в плен. Зрителя покоряют сами чеховские письма, остроумные, человечные и содержательные, умелая, сдержанная режиссура и, уж конечно, превосходная, искренняя и увлеченная игра актеров. Режиссеру и артистам удалось талантливо прочесть эту переписку, уловить ее очень нежный, точно запах гелиотропа, подчас светлый, подчас грустный, подчас трагический подтекст.

В спектакле, кроме упомянутых Ю. Борисовой и Ю. Яковлева, заняты Е. Коровина и А. Гунченко — Мария Чехова, А. Кацынский — Александр Чехов, Е. Добронравова — Ольга Книппер и Н. Тимофеев — Максим Горький.

Художник С. Ахвледиани предельно лаконично и просто оформил сцену. Декораций нет. Письменный стол и кресло; садовая скамья или диван — вот весь постановочный реквизит. В глубине — экран, по ходу действия на нем возникает то изображение заброшенного сахалинского поселка, то мелиховский флигель, то просто серое небо с неспокойными, быстро бегущими облаками...

Хорошо, с изысканным вкусом подобрана музыка из произведений Л. Бетховена, С. Рахманинова, П. Чайковского, Ф. Шопена, Ж. Массне.

Конец первого акта. Медленно меркнет свет, и вместе с ним от Чехова как бы уходят последние призраки невозможного счастья, связанного с Ликой, уходит их многолетняя поэтическая любовь. И в это время за сценой звучит полный страстной тоски и вдохновения голос Шаляпина, «Элегия» Массне...

Впервые в истории театра жизнь А. П. Чехова показана на сцене, и сделано это по-чеховски, с высокой поэтичностью, трогающей наше сердце...

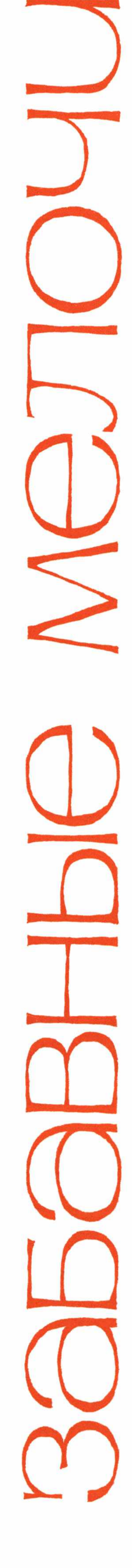
П. ВОЛКОВ

Антон Павлович Чехов — Юрий Яковлев.

Лика Мизинова — Юлия Борисова.
Фото И. Галанюк.

В БОЧКЕ ЗА БОЧОНКОМ

Студенты Амстердама решили оригинальным способом выразить свой протест против жилищного кризиса. Они выкатили на главную улицу города огромную бочку и поселились в ней. В качестве письменного стола им служит маленький бочонок.

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ НЕ ХРАПЕТЬ

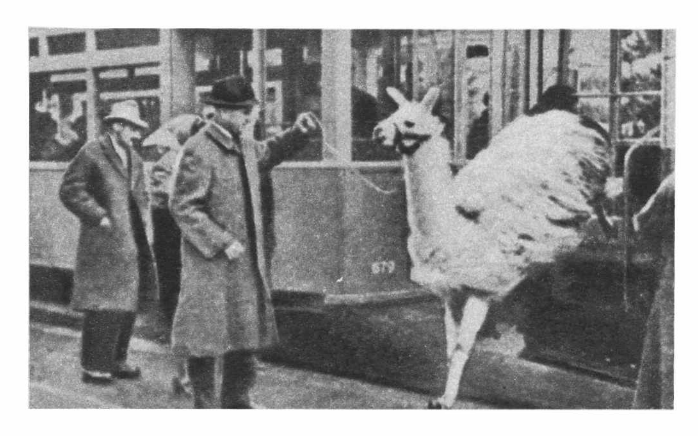
Итальянские изобретатели придумали новое средство против храпа. На лицо человека, который хочет избавиться от этой неприятной привычки, надевают на ночь маску с микрофоном и наушниками. Человек просыпается, как только услышит в наушниках собственный храп.

СОСКИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Одна датская фирма наладила выпуск сосок для взрослых. Предприниматели так рекламируют свой товар: «Держа соску во рту, ты можешь отвыкнуть от курения». В Копенгагене уже встречаются мужчины с соской во рту.

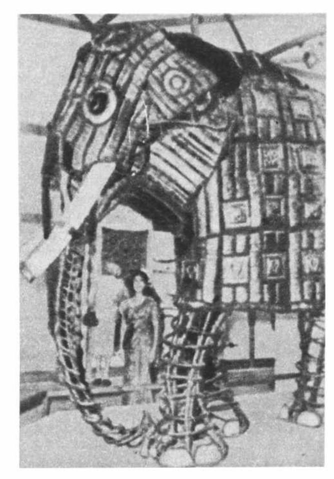
ЛАМА В ТРАМВАЕ

Проезд животных в общественном транспорте воспрещен. Но, как видно, для ламы Эльвиры сделано исключение из правил. Она разъезжает на трамвае по швейцарскому городу Цюриху.

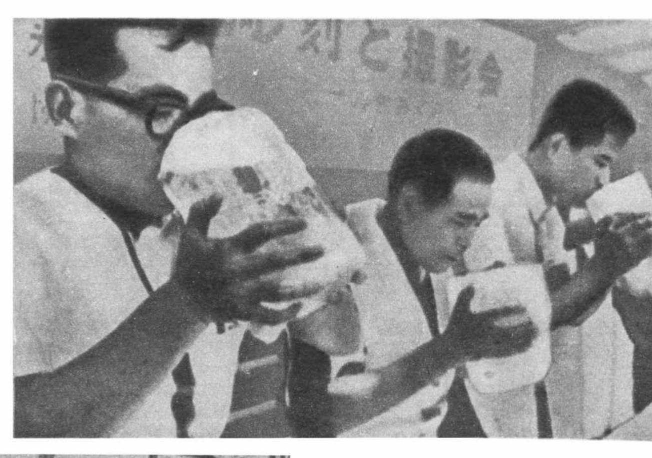
СЛОН-РЫЦАРЬ

На лондонской выставке искусств «Индия» демонстрировался макет слона, облаченного в боевые доспехи старых времен. Причудливое одеяние четвероногого воина отличалось изяществом узоров и красок.

КРУЖКА-ХОЛОДИЛЬНИК

В одном из японских баров подают пиво в кружках, сделанных из глыбы льда.

НЕ ПУГАЙТЕСЬ

Вначале я испугался, увидев это существо, выглядывавшее из дупла. Но, сообразив, что передо мной совенок, я быстро сфотографировал его.

Г. ШЛИОНСКИЙ

г. Владимир.

ЧАСЫ-ЯКОРЬ

Часы, которые продают в магазине города Вупперталь (ФРГ), встретишь разве что в музее. Среди них часы-зеркало, часы-кастрюля. Особое предпочтение в оформлении часов отдано морской тематике. Здесь можно встретить часы-якорь, часы — рулевое колесо.

ВОКРУГ СВЕТА

Американец С. Мотт на сконструированной им машине-малютке совершил кругосветное путешествие, побывав в 28 странах. Он проехал 55 тысяч километров без каких-либо аварий.

ТАМПОН ПРОТИВ ЛЕКЦИЙ

Сейчас, когда в США развернулась кампания против курения, в магазинах появились сигареты в новой упаковке. В каждой коробке находится тампон, которым страстные курильщики должны затыкать уши, чтобы... не слышать лекций о вреде табака.

С. ПЕТРЕНКО

Рассказ

Рисунок В. Черникова.

Я не умею читать

На асфальте чернела дыра колодца. Рядом с ней лежала круглая железная крышка.

Они долго бросали в колодец зажженную бумагу и удивлялись. Какой глубокий! Даже дна не видно! И какие у него стены из красных кирпичей и как будто мокрые! Потом растяпа Гошка уронил в колодец шапку. И теперь ее нужно было доставать. Звонок на урок уже был. Они его слышали, потому что колодец был совсем рядом со школой. Гошке-то с Игорем хорошо. Они в одной школе и в одном классе учатся. Вдвоем и опоздать ничего.

Гошкина шапка висела на железке. Железка торчала из каменной кладки колодца и казалась зубом. Одним из зубов. Потому что в колодце таких железок было много. И казалось, что черная дыра колодца усмехается, выставляя все свои ржавые зубы. А вообще это были не зубы, а просто металлические скобы-ступеньки, по ним в колодец спускаются рабочие. Ленка еще посмотрела в колодец. Там было темно и пахло холодом и водой. Лезть в черноту как-то не хотелось. И она сказала: «Спорим, Гошка струсит слазить за шапкой, спорим». И посмотрела на Гошку. Было похоже, что Гошка сейчас заревет. «Ладно»,— сказала Ленка и положила портфель на землю. Потом присела, повернулась к колодцу спиной и, упираясь руками в землю, опустила в колодец одну ногу. Пошарила ею...

Железные скобы-ступеньки были очень холодными, и одна рука сразу замерзла. Варежку она потеряла уже давно. Наверху был светлый круг, а в нем Гошкина голова. Он кричал: «Ты где?» И его голос обдавал ее, а потом уходил дальше, вниз. Внизу все время что-то ворочалось и бурлило. Вода, наверное. Ленка нащупала рукой шапку. Посмотрела вниз, в глубину колодца. И скорее стала вылезать. Все время казалось, что снизу тянется какая-то рука. И вот-вот схватит...

В коридоре Ленка стояла и думала: войти ей сейчас или подождать переменки и войти в класс, когда начнется второй урок? Все равно уж опоздала. Второй урок—арифметика. К пяти прибавить три, получится восемь. А раньше все проще было. Писали в тетрадках разные цифры. На целой строчке написать подряд какую-нибудь цифру. Тогда еще Сашка Круглов получил единицу. Татьяна Александровна сказала: «Напишите три строчки цифры два». А Сашка написал в начале каждой строчки по двойке, а хвосты у них вытянул на целую строчку. И получилось три строчки двоечных хвостов.

Ленка посмотрела в окно. Там шел снег. Серый и мокрый. Снежинки шлепались на подоконник и становились пятнами. Все равно это было хорошо, потому что этот снег был первый. И после школы можно будет строить крепость, или играть в снежки, или делать снежную бабу, или представлять Северный полюс. Скорее бы кончались уроки. В коридоре так тихо, что слышно, как на первом этаже разговаривают нянечки. И как в их классе Татьяна Александровна читает: «Жуки, жук, жало, жалит». А потом: «Дима и Лида поймали жука. У жука усы. У жука лапки». Голос у Татьяны Александровны был четкий. И делил слова на слоги. Эти слоги... Ленка открыла «Букварь» на букву Ж. И попробовала читать, как Татьяна Александровна — по слогам. Но слова не получались. И слоги не получались. Были только отдельные буквы. И буква Ж была очень похожа на жука. У нее были усы. И лапки. И казалось, что она ползет по странице. И как это они все умеют читать? И Сашка Круглов, и Игорь, и даже Гошка, который может зареветь из-за всякой ерунды.

В коридоре было очень тихо, и поэтому казалось, что вот-вот из-за какой-нибудь двери выйдет директор. Подойдет к ней и спросит: «Алешина, почему ты не на уроке?»

А тут еще из класса вышел Сашка Круглов. И пошел по коридору в другую сторону. Идти в класс не хотелось. Все сидят на своих местах, а она входит. И Татьяна Александровна опять будет смотреть, как в тот раз...

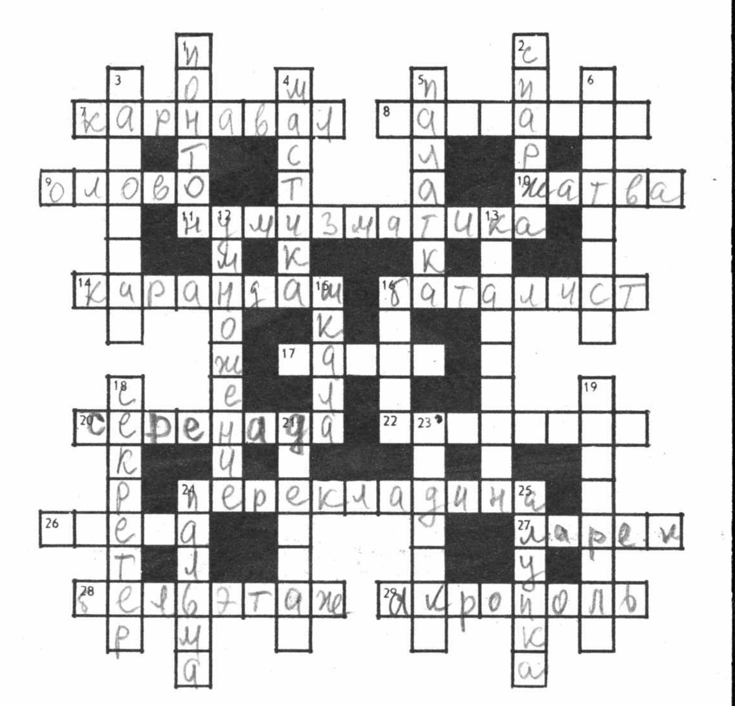
Тогда они проходили букву У. И она разыгрывала Сашку Круглова. Открывала «Букварь» на какой-нибудь странице и говорила: «Хочешь, прочту? Я умею». А Сашка не верил. Потом открыл последнюю страницу и сказал: «Ну, прочти вот тут». В конце букваря были нарисованы дети, белые, черные, желтые. Как на плакате, который висел у гастронома. И Ленка сказала: «Мы за мир. Не бывать войне. Да здравствует дружба народов». Потом Татьяна Александровна сказала: «Алешина, если ты уже все знаешь, иди к столу и будь учительницей вместо меня». Ленка к столу, конечно, не пошла. И тогда Татьяна Александровна сказала: «Алешина, почитай нам, пожалуйста». Читать Ленка тоже не смогла. И весь класс стал смеяться. А Сашка Круглов просто умирал от смеха. Почему-то она тогда забыла, как складывать слоги. Татьяна Александровна никак не могла этого понять и все говорила: «Ну, складывай, Алешина, складывай: м-а, ма, ш-а, ша. Маша». А она даже повторить за ней не смогла. И Татьяна Александровна сказала: «Алешина, садись. Такая бестолковая, и не слушаешь»...

Сашка Круглов шел по коридору обратно. Она подождала, пока он открыл дверь класса и вошел, и пошла за ним следом. «Алешина,— сказала Татьяна Александровна,— почему ты опоздала?» «Я доставала из колодца Гошкину шапку»,— сказала Ленка, а потом испугалась, вдруг в колодец лазить нельзя, и скорее добавила: «У нас испортился будильник. Я проспала». «Садись, Алешина,— сказала Татьяна Александровна и покачала головой. — И дай мне, пожалуйста, твою тетрадь. Я напишу, что ты опоздала на пол-урока. А мама пусть подпишет». «И почему у Татьяны Александровны все слова коричневого цвета, как школьная форма? — подумала Ленка.— Интересно, куда потом деваются все слова. Может быть, они лежат на полу, на земле, только никто не видит? Может, все слова расползаются по земле? Вот соберется в одно место много слов желтого цвета — и получится пляж и песок желтый. А синие и серые слова поднимаются кверху и становятся небом. И вдруг все на свете сделано из слов?»

Ленка сидела около окна. На окне стояли цветы, а за цветочными горшками видно было небо. Осеннее и серое. Улицы видно не было, только крыши соседних домов, на них уже лежал снег. И через этот снег просвечивало покрашенное коричневой краской железо. «Алешина,— сказала Татьяна Александровна.— Почитай нам, пожалуйста, сегодняшний урок». Ленка встала и открыла «Букварь». «Сейчас все откроется,— подумала она,— сейчас все узнают, что я не умею читать». Она опять как будто услышала, как Татьяна Александровна говорит: «Такая бестолковая». И посмотрела на страницу. На странице был нарисован жук, он сидел на зеленом листе и как будто улыбался. «Я не умею читать...» — сказала Ленка. Все в классе засмеялись. А Татьяна Александровна посмотрела на нее так, как будто ей непонятно, как это кто-нибудь может не уметь читать. «Алешина,— сказала Татьяна Александровна.— Почему ты так возмутительно себя ведешь?» «Ну вот,— подумала Ленка.— Все пропало. Теперь все знают, что я самая бестолковая в классе и не умею читать. И все из-за Гошки». Раньше они готовили чтение вместе. Гошка читал, а она запоминала, что на какой строчке написано. И потом могла читать наизусть. Вчера Гошка уезжал к бабушке. И теперь все знают, что она не умеет читать. Лучше не смотреть на Татьяну Александровну, а то еще заревешь. И так вон все смеются. Ленка стала смотреть в окно. «Алешина,— опять сказала Татьяна Александровна,— что же, долго мы с тобой в молчанку будем играть?» «Да,— сказала Ленка.— Так в молчанку не играют. Я-то молчу, а вы ведь все время говорите». «Алешина,— закричала Татьяна Александровна,— сию же минуту отправляйся домой за родителями! Портфель оставь мне. Я сама отдам его твоей матери».

Снега было уже много. И он все падал, падал. Очень чудно было идти из школы без портфеля и так рано. Зачем идти за родителями? Они все равно на работе. Люди шли по улице. Смотреть на них не хотелось. Казалось, что они уже знают, что ее выгнали с урока, и оглядываются. Под ноги смотреть скучно. Затоптанный, грязный снег и мостовая. Ленка смотрела на дома, на деревья, на магазины с мокрыми стеклами витрин и белесыми названиями сверху. Вечером магазины были красивее. Светились витрины, и буквы над ними были красными и зелеными. Сейчас буквы были белыми, и видно было, что они сделаны из трубочек. Трубочки складывались в буквы, буквы — в слоги, слоги — в слова. Ленка шла и читала: «Ово-щи-фрук-ты», «Оде-жда», «Гастро-ном». Потом она остановилась, и медленно прочла: «Га-лан-те-ре-я»,— и скорее побежала к Гошкиной с Игорем школе. Надо рассказать Гошке! Она может читать сама! Потом она вспомнила Татьяну Александровну и подумала, что ей только кажется, только кажется, что она умеет читать.

Ленка подошла к скамейке и сдвинула с нее снег. Потом села и стала смотреть на свои следы. В сквере никого не было, и поэтому только ее следы были на дорожке. Ленка подняла палку и нарисовала на снегу букву Ж. Буква Ж была похожа на жука. У жука усы, у жука лапки. На букву Ж часто падали снежинки, и казалось, что буква превратилась в настоящего жука, он все шевелит лапами и никак не может уползти...

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Массовое гулянье. 8. Русский лингвист. 9. Металл. 10. Роман Г. Николаевой. 11. Наука о монетах и медалях. 14. Принадлежность школьника. 16. Художник, работающий над военными сюжетами. 17. Советский актер и режиссер. 20. Вокальная пьеса. 22. Остров в Средиземном море. 24. Гимнастический снаряд. 26. Инструмент скульптора. 27. Торговая палатка. 28. Ярус в зрительном зале. 29. Возвышенная и укрепленная часть древнегреческого города.

По вертикали:

1. Плавучий мост. 2. Овощ. 3. Самопишущий метеорологический прибор. 4. Состав для натирания полов. 5. Походный инвентарь. 6. Резкое различие, противоположность. 12. Математическое действие. 13. Город в Донбассе. 15. Линейка или циферблат с делениями в различных приборах. 16. Английский композитор, автор оперы «Олимпийцы». 18. Письменный стол с закрывающейся крышкой. 19. Ветер с гор в Южной Франции. 21. Млекопитающее рода газелей. 23. Ночная птица. 24. Южное дерево. 25. Курорт в Крыму.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 50

По горизонтали:

7. Пятницкий. 8. Кругорама. 9. Эскалатор. 11. Ломоносов. 12. Нежата. 13. Тоннаж. 14. «Электра». 16. Алиса. 17. Шасси. 18. Батуд. 19. Пыжик. 25. Снегирь. 26. Коканд. 28. Анабас. 29. Поговорка. 30. Евпатория. 31. Кантилена. 32. Статуэтка.

По вертикали:

1. Батисфера. 2. Диагональ. 3. Никарагуа. 4. Октава. 5. Курорт. 6. «Порожняки». 10. Рюген. 11. Лапта. 14. Экскурс. 15. Анадырь. 18. Бутафория. 20. Каракорум. 21. Проводник. 22. «Белка». 23. Литке. 24. Гладиатор. 27. Дионея. 28. Абакан.

На первой странице обложки: Нутрии. Этих зверьков с очень ценным мехом разводит Аму-Дарьинский ондатро-звероводческий промхоз.

Фото Б. Кузьмина.

На последней странице обложки: Зимние радости.

Фото А. Бочинина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Е. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-37-52; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 02126. Подписано к печати 15/XII 1965 г. Формат бум. 70 × 108¹/₈. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Заказ № 3333. Тираж 1 850 000. Изд. № 2082.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Ник. КРУЖКОВ

Творчеству замечательного художника-графика Николая Васильевича Кузьмина посвящена монография М. П. Сокольникова, вышедшая в издательстве «Советский художник». Жаль, что выпущена она очень малым тиражом — всего только 4 тысячи экземпляров. Уже сейчас ее трудно, почти невозможно достать, ибо имя и талант Николая Васильевича Кузьмина настолько известны и привлекательны, что нашлась уйма охотников приобрести книгу.

Издательство поступило совершенно правильно, расцветив монографию рисунками Кузьмина: перелистывая ее, вы наглядно знакомитесь с творчеством художника, испытывая живейшую радость от встречи с ним.

* * *

Назвать Николая Васильевича Кузьмина иллюстратором значит сказать очень мало. Его тонкие, изящные рисунки настолько вплетаются в живую ткань иллюстрируемой книги, что художника и писателя совершенно невозможно отделить друг от друга. Художник как бы освещает внутренним светом образы, задуманные писателем, подчеркивая главные черты в характере героев, выписывая непринужденно, свободно и вместе с тем точно обстановку, в которой они живут и действуют. Любая деталь, самая, казалось бы, малозначительная, верна, каждый штрих без промаха бьет в цель!

Блистательно иллюстрируя «Евгения Онегина», Николай Васильевич Кузьмин прошел мимо извечных опорных сюжетов, поставив перед собой куда более сложную задачу — показать образ самого Поэта, чья пылкая и горячая душа присутствует в каждой строчке великого романа. Вы смотрите нарочито небрежный набросок, изображающий Пушкина у широко раскрытого окна, и перед вами встают строчки:

«Как грустно мне твое явленье,
Весна, весна! пора любви!
Какое томное волненье
В моей душе, в моей крови!»

Вы видите Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича в рисунке Николая Кузьмина, и сейчас же услышится вами усмешливая гоголевская фраза: «Несмотря на большую приязнь, эти редкие друзья не совсем были сходны между собой».

Почти забыты были очерки старого писателя Терпигорева (Атавы) о российском дворянстве 70-х годов, о его оскудении и вырождении, но рисунки Николая Кузьмина вновь необычайно выразительно воскресили перед нами эпоху, описанную Терпигоревым, и книжка, вышедшая в советское время, приобрела немало читателей.

Остро ощущая и понимая национальное своеобразие русской жизни, Николай Кузьмин создал серию отличных иллюстраций к произведениям Лескова. В них мы особенно органично ощущаем творческое слияние художника и писателя. Грушенька из «Очарованного странника», изображенная Кузьминым, предстает перед нами во всей своей скромной и нежной прелести.

Чтобы так иллюстрировать книги, как это делает Николай Васильевич Кузьмин, художнику нужно быть не только тонким, умным, внимательным читателем, но и другом автора, близким ему по духу. Чтобы так рисовать, надо знать очень многое, переворошить, перечитать много книг, собраться с мыслями, войти в эпоху целиком и полностью, почувствовать ее вкус и запах.

Николай Васильевич с детства был книгочей и книголюб. Мальчишка из Сердобска, сын портного, он выбрался из мещанской трясины, закалил свой талант, дал ему широкий ход. В прошлом году вышла книга самого Николая Кузьмина «Круг царя Соломона», сразу завоевавшая глубокие симпатии читателей. Он написал ее на восьмом десятке жизни. Вчитываясь в ее страницы, написанные языком чистым и свежим, явственно понимаешь, откуда взялось у художника это яркое понимание того, что он рисует, эта слитность рисунка и текста, мысли художника с замыслом автора, приводящая ко взаимному обогащению. Он сам отличный писатель, умеющий взвешивать каждое свое слово, давать ему звонкость и силу. И поэтому не удивительна глубокая дружба художника с книгами, им иллюстрированными, понятно его тонкое и глубокое проникновение в мир творческих замыслов писателя. У Николая Кузьмина двойное зрение, двойное видение жизни. Таково великолепное свойство его таланта.

НИКОЛАЙ КУЗЬМИН

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663